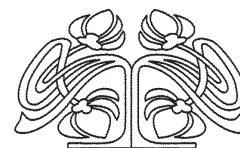

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16
ISSN 1814-733X
ISSN 1819-7671

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Воробьева А. Д.** Виртуализация восприятия как философская проблема 245
- Головашина О. В.** Трансформация методов трансляции опыта предыдущих поколений и проблема идентичности 249
- Данилов С. А.** Порядок революционного общества и амбивалентность риск-тенденций: социально-философский аспект 253
- Здоровцева О. В.** Секулярное сознание и религиозная жизнь в современной России 256
- Кириллов Г. М.** Поиски Логоса: между тьмой и светом 262
- Ломако О. М.** Социальная философия Макса Шелера: политика и образование 267
- Мартынович С. Ф.** Проблемы философии науки как концептуально различаемая множественность 272
- Миронов А. В.** Идея патриотизма в греческой философии 276
- Орлов М. О.** Трансформация человеческого капитала в кризисном обществе: социально-философский анализ 281
- Устименко Д. Л.** Проблема времени антропогенеза: феноменологический взгляд 286
- Фриауф В. А.** О начале языка 292
- Шакирова Е. Ю., Герасимов Н. Н.** Изменение дискурса войны в современном социокультурном пространстве 297
- Яковлев Е. Э.** Структура анатомического дискурса в картине Рембрандта ван Рейна 302
- Рожков В. П.** Историко-философское обоснование предмета и методологии теологии в вузах РФ 306

Психология

- Акименко А. К.** Взаимосвязь алекситимии, копинг-стратегий и стиля саморегуляции личности 311
- Малышев И. В.** Взаимосвязь социальной приспособленности и стратегий преодолевающего поведения личности в аспекте ее адаптивности у старшеклассников с ограниченными возможностями здоровья 316
- Прохорова М. В.** Особенности структур мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин 321
- Толкачёва О. Н.** Базисные убеждения, посттравматический стресс и посттравматический рост после травмы позвоночника 326
- Фадеева Т. Ю.** Взаимосвязь педагогической толерантности и психических состояний педагога 329
- Фролова С. В.** Смислообразующие мотивы приверженности личности своей стране 334

Педагогика

- Баурова Ю. В.** Основы формирования социальной ответственности студента современного вуза 338
- Ваулин В. И., Сафонов А. А.** Технология повышения качества подготовки летчиков государственной авиации 343
- Гребенюк Л. В., Степанов М. В., Чикарев В. Н.** Инновации в преподавании дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» 348
- Талагаева Ю. А.** Профилактика здоровьеразрушающего поведения у студентов средствами художественной литературы 354

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36014, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Гаврина Марина Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.09.2016.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: aroga@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

Vorob'eva A. D. Virtualization of Perception as Philosophical Problem	245
Golovashina O. V. Transformation Methods Broadcast of the Experience of Previous Generations and the Problem of Identity	249
Danilov S. A. The Order of the Revolutionary Society and the Ambivalence of Risk Trends: Social and Philosophical Aspect	253
Zdorovtseva O. V. Secular Consciousness and the Spiritual Life in the Modern Russia	256
Kirillov G. M. The Search for Logos: Between Darkness and Light	262
Lomako O. M. Social Philosophy of Max Scheler: Political and Pedagogical Aspects	267
Martynovich S. F. Problems of the Philosophy of Science as a Conceptually Different Multiplicity	272
Mironov A. V. The Idea of Patriotism in Greek Philosophy	276
Orlov M. O. Transformation of Human Capital in a Crisis Society: Social-philosophical Analysis	281
Ustimenko D. L. The Problem of Time Anthropogenesis: Phenomenological View	286
Friauf V. A. To a Question of the Beginning of Language	292
Shakirova E. Yu., Gerasimov N. N. Changing the Discourse of War in the Modern Social and Cultural Space	297
Yakovlev E. E. The Structure of Anatomical Discourse in Picture of Rembrandt van Rijn	302
Rozhkov V. P. Historico-philosophical Justification of a Subject and Methodology of Theology in Higher Education Institutions of the Russian Federation	306

Psychology

Akimenko A. K. Relationship between Alexithymia, Coping Strategies and a Self-regulation Style	311
Malyshev I. V. Correlation of Social Suitability and Overcoming Behavior Strategies of Personality in the Process of its Adaptation among Senior Pupils with Disabilities	316
Prokhorova M. V. Peculiarities of Women's and Men's Work Motivational Structures	321
Tolkacheva O. N. World Assumptions, Posttraumatic Stress and Posttraumatic Growth after Spinal Cord Injury	326
Fadeeva T. Yu. Relationship between Pedagogical Tolerance and Mental Conditions of a Teacher	329
Frolova S. V. Motives Generating Meanings of an Individual Commitment to a Native Country	334

Pedagogy

Baurova J. V. Fundamentals of Student's Social Responsibility Formation	338
Vaulin V. I., Safonov A. A. Technique of Improving the Quality of Pilots' Training of National Aviation	343
Grebenyuk L. V., Stepanov M. V., Chikarev V. N. Our Innovations in the Teaching of Life Safety	348
Talagaeva Y. A. Prevention of Health Destroying Behaviors among Students with the Help of Fiction	354

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

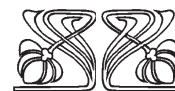
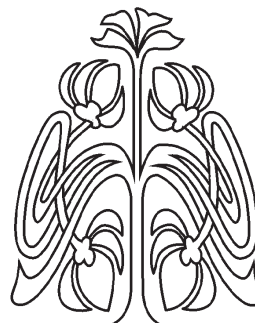
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

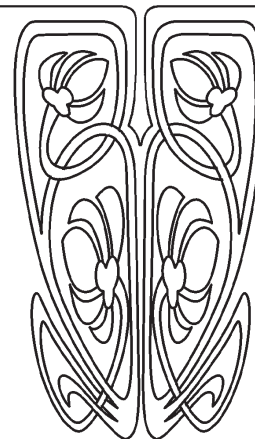
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

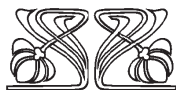
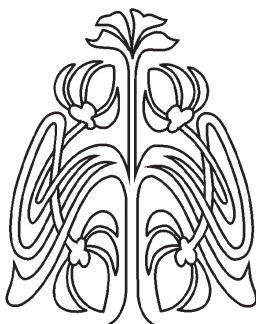
**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

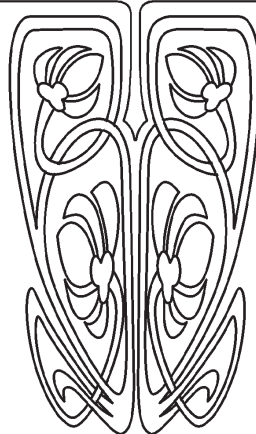
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Члены редакционной коллегии:

- Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
- Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
- Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
- Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
- Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
- Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
- Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Aleksandrova E. A. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.18

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Воробьёва Александра Дмитриевна – аспирант кафедры философии, Волгоградский государственный университет. E-mail: haidegger@list.ru

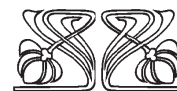
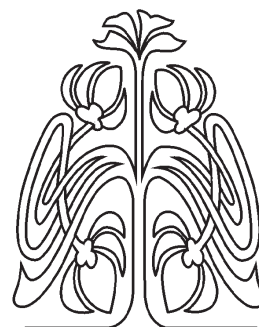
В статье анализируются философские представления об изменениях восприятия; вводится концепт «виртуализация восприятия», обозначающий процесс интенсификации образно-символического слоя восприятия. Приведены две трактовки виртуального: узкая, редуцирующая виртуальную реальность к технологической сфере, и широкая, закрепляющая за ней онтологический статус. Выявлено, что оптимальным подходом является нестрогое ограничение виртуального. Прослеживается три этапа развития представлений о виртуализации восприятия в философии: первый – Новое время, когда восприятие рассматривается как универсальная способность, не предусматривающая виртуализации. На втором этапе виртуализация восприятия подвергается критике и оцениванию, на третьем происходит рефлексия данного процесса. Автор опирается на работы Г. Дебора, Ж. Бодрийяра и П. Верильо, в которых прослеживается общая линия рассуждений – исследование образов, опосредующих восприятие человека. Сделан вывод, что восприятие является гибкой системой, изменяющейся в процессе развития культуры и общества.

Ключевые слова: восприятие, образ, виртуальное, современное общество, технологизация, прогресс, современная философия.

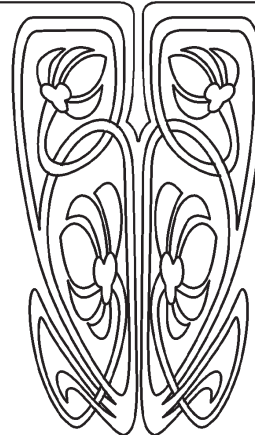
DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-245-248

В современной философии и науке всё большую популярность приобретает интегративный подход. Отчасти это связано с осознанием изменчивости и многогранности изучаемых объектов, их несводимости к линейной и однородной схемам. Сегодня даже онтологические и гносеологические вопросы не могут рассматриваться внеконтекстуально, тем более если речь идёт о междисциплинарных проблемах, одной из которых является проблема восприятия. Какова сущность восприятия? В чём его особенности? Изменяется ли оно в процессе развития человека и общества? Что происходит с восприятием современного человека? Решение этих вопросов важно не только для философии, но и для каждого отдельно взятого индивида. А между тем ответы уже частично содержатся в работах известных мыслителей.

Первые научные представления о восприятии сформировались в Новое время и не предполагали существования виртуализации восприятия. В XVII веке учёные стремились достичь такого восприятия мира, которое было бы максимально очищено от наслоений сознания. Философы той эпохи рассматривали восприятие как непосредственное воздействие предметов внешнего мира на органы чувств человека. Такая трактовка встречала неодобрению и критику со стороны отдельных мыслителей, однако она оставалась главенствующей долгое время. Вплоть до XIX века восприятие понимается как нечто универсальное и неизменное.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

У истоков исторической трактовки восприятия стоит К. Маркс. Философ обвинил социум в создании настолько устойчивых иллюзий, что большинство людей даже с помощью рефлексии не распознают обмана. Само по себе такое обвинение не было бы новаторским, если бы Маркс не предложил схему, детально описывающую механизм «извращения» мира. Последователи антикапиталистической теории подхватили методологию обличения, что породило волну аналитических исследований культуры. Именно в рамках марксистской критики начинает изучаться и описываться влияние современных изменений общества на восприятие находящихся в нём людей.

Одной из первых подобных работ является «Общество спектакля» Ги Дебора, ныне по праву считающаяся классикой. В ней описывается, как конструкты, созданные в человеческом сознании, материализуются, становясь не только объективированными идеями, но и зримыми предметами. Это оказывается возможным благодаря вплетению в человеческие отношения образов: «спектакль – это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [1, с. 13]. Являясь идеальными по своей природе, образы тем не менее тесно связаны с чувственностью, поэтому, теряясь в сетях сложных социальных отношений, они смешиваются с предметами внешнего мира: машинами, телефонами, домами и т.д. Таким образом, восприятие оказывается заложником социального и экономического устройств, изменяя их в соответствии со своими нуждами. Следует заметить, что в данном случае говорится не о влиянии установок сознания, мировоззрения или онтологизации на восприятие, но о его преображении извне, о непосредственном воздействии общества спектакля.

Идеи Дебора могут быть представлены в следующей схеме: идеальные принципы и установки объективируются и материализуются через образы, встраивающиеся в общественные процессы. Несомненно, чем полнее и шире реализуется данная схема, тем меньше у каждого члена общества остается личной свободы. Действительно, если образы, а с помощью них и идеи, уже заложены в каждом предмете и даже не требуют разгадывания, человеку не остается ничего, кроме как потреблять. Человек XX в., каким его видит Дебор, лишён возможности остаться с миром тет-а-тет, так как его повсюду ожидают «специализированные опосредования» [1, с. 15], избежать которых очень сложно в столь агрессивном обществе.

Несомненно, сегодня некоторые идеи Дебора кажутся несколько устаревшими. Однако общая схема, предложенная им в своих трудах, не теряет актуальности и находит развитие в работах других исследователей. Так, они оказали огромное влияние на становление популярнейшего мыслителя прошлого века Ж. Бодрийера. Он считает, что товары, предложенные массовым потребителям, парадоксальным образом являются копиями, у которых нет оригинала, т.е. нет модели. Вместо этого существует некий образ, зыбкий и нечёткий, воплощающийся в сотне предметов, но никогда не совпадающий ни с одним из них. В последующих трудах Бодрийер переносит эту схему на более широкий класс явлений: не только вещи, но и любые знаки деградируют в современном обществе до «копий без оригинала» – симулякров [2]. Основные особенности симулякров заключаются в том, что они выдают себя за реальность и могут воспроизводиться бесконечное число раз, безотносительно к какому-либо референту.

Как же связаны рассуждения Бодрийера с проблемой восприятия? Сам мыслитель не занимается этим вопросом отдельно, однако те трансформации, которые, с его точки зрения, происходят в символической среде, не могут осуществляться без фундаментального изменения восприятия. Соединение вещи и образа означает, что восприятие растворяется в представлении. Симулятивная реальность может существовать лишь до тех пор, пока она воспринимается как истинная.

По-своему развивает идею театрализации мира П. Верильо, который исследует особенности изменения восприятия, произошедшие в связи с появлением фото- и киноиндустрии. Он делает любопытный вывод: в современном обществе функция восприятия фактически перекладывается на «плечи» машин – фото- и кинокамер. Используясь всё чаще и чаще, эти протезы зрения вытесняют субъективное человеческое видение. Объектив камеры приобретает привилегированное положение как аппарат более точный и надежный, нежели глаз.

Верильо не поддерживает оптимистическую трактовку технологизации: как и Бодрийер, он считает, что в современной культуре образы становятся обезличенными и подменяют собой объективную реальность, а фиксация и трансляция этих образов приобретает механистические черты, уподобляясь производству, заикленному на самом себе. Это приводит к деградации воображения: «слова не вызывают образов у современных школьников. Но растёт и число

зрительно неграмотных» и далее: «предметы теряют образность, и потому их воспринимают как среду саму по себе» [3, с. 54].

Общая тенденция современного общества, которая была подмечена всеми приведенными авторами, может быть обозначена как «вынесение наружу» восприятия человека. В «пессимистической» трактовке подчеркивается: это «вынесение наружу» приводит к тому, что внутренние переживания, страхи, желания и фантазии людей оказываются опредмечены, обезличены и унифицированы. Такая позиция оказывается обоснованной, если закрыть глаза на оценочные суждения, приводящие порой к демонизации современной культуры.

Опредмечивание образов происходит, прежде всего, благодаря продуктам масс-медиа. Особенно сильное влияние оказывается на новые поколения, не заставшие мира без телевидения и Интернета. Дело в том, что всё чаще гиперреалистичный образ, транслируемый с экранов, человек видит прежде, чем эквивалентный предмет. Репрезентация предметов в современной культуре приобрела такие масштабы, что изображения стремятся вытеснить вещи. Эта проблема фиксируется В. Л. Круткиным следующим образом: «предмет и изображение онтологически различаются, но и то, и другое осваивается визуально» [4, с. 53]. Конечно, тезис о сугубо зрительном освоении предметов вызывает множество возражений. Тем не менее нельзя не согласиться с автором в том, что современный человек имеет дело с качественно новым способом репрезентации информации, которую он воспринимает теми же органами чувств, что и тысячу лет назад.

Все описанные изменения могут быть концептуализированы в одном словосочетании: виртуализация восприятия. Несомненно, использование термина «виртуальное» уводит нас к широкому и разнородному спектру смыслов, ведь существует множество разнообразных его толкований. В наиболее узком понимании это – всё то, что связано с новыми технологиями трансляции информации. Такую интерпретацию мы встречаем, например, у Д. Дойча, который считает, что виртуальная реальность – особого рода имитация, достигнутая с помощью технических средств и воздействующая на ощущения человека [5, с. 47–52].

Однако, на наш взгляд, истина, как это обычно и бывает, лежит посередине. Виртуальное не следует сводить к компьютерной сфере, но в то же время его не нужно и абсолютизировать. Виртуальное – это всегда нечто вторичное, про-

изведенное, а потому его интерпретации будут различаться в зависимости от того, что рассматриваем в качестве исходной точки. В данной работе мы будем трактовать виртуализацию восприятия как процесс увеличения образов, опосредующих восприятие предмета, который сопровождается онтологизацией идеи виртуальности этих образов. Виртуализация восприятия связана, прежде всего, с изменением «считки» предметов. Трансформации подвергается такая функция восприятия, как отбор и различение. В процессе виртуализации образы и смыслы, созданные человеком, «врастают» в предметы окружающей действительности. Это означает, что снимается разница между природным как существующим отдельно от сознания человека и искусственным, пребывающим только в мире людей.

Во все времена восприятие было опосредовано множеством образов, однако осознание данного процесса пришло относительно недавно, и немалую роль в этом сыграли бурные изменения в культуре и обществе. Многие мыслители дают негативную оценку происходящим трансформациям и, в том числе, виртуализации восприятия. Однако зачастую они исходят из всё той же нововременной идеи о существовании «чистого», не виртуализированного восприятия. Возможна и другая позиция, основанная на рефлексии происходящих процессов, принятии виртуализации как одного из универсальных культурных явлений, свойственного восприятию в целом.

Уже начиная со второй половины XX века идея единства сознания и восприятия преподносится как пагубное стремление к онтологическому тоталитаризму. Это значит, что появляется тенденция к осознанному слиянию образов вещей и образов их изображений. Фотографии, видео- и аудиозаписи становятся столь же приемлемыми способами познания мира, как и восприятие «вживую». И, напротив, окружающая действительность приобретает сходство с виртуальным миром (например, когда при определенном сочетании условий нам начинает казаться, что мы попали в фильм). Если ученый Нового времени разграничивал те образы предметов, которые считал ложными, и те, которые ему казались истинными, то современный человек, особенно если это философ или художник, готов принять идею о равноправии первичных и вторичных образов, их одинаковую ложность или истинность.

Иллюстрацией сознательного смешения предметов и образов в современном мире может служить 3D-принтер. Этот аппарат способен создавать вещи из любого визуального образа,

как заимствованного, так и оригинального, при условии, что он предварительно будет нарисован с помощью компьютерной графики [6]. А это значит, что теоретически любой обладатель данного устройства может «перекодировать» образы своего сознания в предметы. Область применения 3D-принтера активно расширяется, его внедряют в различные виды производства, медицину, строительство и даже в математику. И это ещё один важный симптом: отныне нет различия между созданием простой или сложной, вредной или полезной вещи. Каждый образ и каждый предмет приближаются к онтологическому равновесию, они оказываются одинаково виртуальными.

Современная философия показывает, что изучение человека, его природы и сущности не может быть целостным без обращения к изменениям культуры и общества. И это касается, прежде всего, как ни парадоксально, фундаментальных оснований. Виртуализация восприятия демонстрирует глубокую связь между сознанием человека и образно-символической средой. С этой точки зрения восприятие представляется как гибкая система, которая способна не только отвечать на реакции внешней среды, но и изменять саму эту среду. Исследования динамических изменений восприятия дают возможность увидеть человека как существо подвижное и в то же время обладающее некоей устойчивой «матрицей», что, несомненно, актуально, прежде всего, для каждого, кто интересуется жизнью собственного сознания.

Список литературы

1. Дебор Г. Общество спектакля. М., 1999. 224 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.
3. Верильо П. Машина зрения. СПб., 2004. 306 с.
4. Круткин В. Л. «Значимость визуальных репрезентаций...» // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 52–61.
5. Дойч Д. Структура реальности. М. ; Ижевск, 2001. 178 с.
6. Слюсар В. Фабрика в каждый дом // Вокруг света. 2008. Январь. С. 138–144.

Virtualization of Perception as Philosophical Problem

A. D. Vorob'eva

Volgograd State University

100, Universitetskiy av., 100, 400062, Volgograd, Russia

E-mail: haidegger@list.ru

In the article philosophical ideas about changes of perception are analyzed. The author introduced the concept «virtualization of perception» which means process of an intensification figurative and symbolical layer of perception. Two interpretations of the virtual are given: narrow, reducing virtual reality to the technological sphere and wide, assigning to it the ontological status. It is shown that optimum approach is mild restriction of virtual. Three development stages of ideas about virtualization of perception in philosophy are traced. The first stage is the Modern Times when the perception is considered as the universal ability, which does not presume virtualization. At the second stage there is criticism and evaluation virtualization of perception, on the third there is a reflection about this process. The author relies on G. Deborah, Zh. Bodriyyar, M. Maklyuen and P. Verilyo's works in which revealed the general line of reasonings – research of the images which mediate the perception. The conclusion that the perception is the flexible system changing in development of culture and society is drawn.

Key words: perception, image, virtual, modern society, technology, progress, modern philosophy.

References

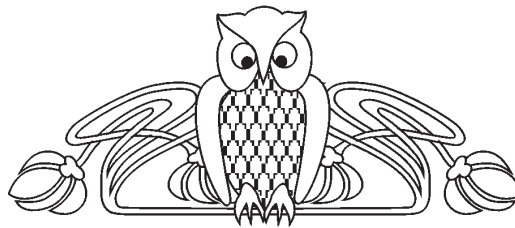
1. Debor G. *La societe du spectacles*. Paris, 1969. 200 p. (Russ. ed.: Debor G. *Obshchestvo spektaklya*. Moscow, 1999. 224 p.).
2. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, 1981. 240 p. (Russ. ed.: Bodriyyar Zh. *Simulyakry i simulyatsiya*. Tula, 2013. 204 p.).
3. Virilio P. *La machine de vision*. Paris, 1988. 168 p. (Russ. ed.: Verilo P. *Mashina zreniya*. St.-Petersburg, 2004. 306 p.).
4. Krutkin V. L. «Znachimost vizualnykh reprezentatsiy...» (Importance of visual representations). *Antropologicheskii forum* (The anthropological forum), 2007, no. 7, pp. 52–61.
5. Deutsch D. *The fabric of reality*. New York, 1997. 390 p. (Russ. ed.: Doych D. *Struktura realnosti*. Moscow; Izhevsk, 2001. 178 p.).
6. Slyusar V. *Fabrika v kazhdy dom* (A factory to each house). *Vokrug sveta* (Round the world), 2008, January, pp. 138–144 (in Russian).

УДК 130.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОВ ТРАНСЛЯЦИИ ОПЫТА ПРЕДЫДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Головашина Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

В статье рассматривается развитие методов трансляции опыта предыдущих поколений. Если в устной традиции передача информации осуществлялась без посредников, то письменная культура предполагала возможность интерпретации текста в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. Интерпретаторы становятся акторами культурной динамики, определяя идентичность сообществ или личности. В современной культуре, когда понятие «текст» меняет свое значение, речь идет уже не об интерпретации, а о конструировании идентичности. Современные методы трансляции опыта предыдущих поколений приводят к перманентному кризису самоидентификации. Это накладывает повышенную ответственность на субъекта, от сознательного выбора которого зависят воспринимаемые им смыслы и стратегии интерпретации.

Ключевые слова: коллективная память, культурная динамика, интерпретация, идентичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-249-253

Английская исследовательница, историк и теоретик культуры Ф. Йейтс назвала «одержимость памятью» лейтмотивом развития всей европейской культуры, однако только в конце XX в. в гуманитарных науках появился термин «бум памяти». Одной из причин этого является кризис идентичности современного человека. Ускорение, нелинейность протекающих социокультурных процессов приводит к тому, что теряется связь не только между историческими периодами, поколениями, но и даже внутри биографии конкретного человека. Попытка удержать ускользающее настоящее приводит к поискам себя (как со стороны личности, так и государства) в прошлом, а память в этих условиях воспринимается как источник стабильности в постоянно меняющемся мире.

Цель данной работы в том, чтобы, опираясь на концепцию Ю. М. Лотмана о связи типа памяти с письменностью, проанализировать, как в зависимости от изменения способов трансляции опыта предыдущих поколений менялась идентичность человека. Это необходимо, чтобы не только рассмотреть причины перманентного кризиса идентичности современного человека, но и наметить возможные способы выхода из него.

Еще Дж. Локк отметил: память позволяет человеку констатировать, что он на протяжении

длительного времени остается таким же, как есть, и именно совокупность моментов-воспоминаний составляет непрерывность человеческого сознания [1, с. 388]. Идеи Локка, связанные с личными воспоминаниями, используются современными исследователями в изучении социальной памяти как фундамента процесса идентификации с какими-либо сообществами.

Последующее теоретическое обоснование связи идентичности с прошлым было осуществлено в XIX в. представителями историзма. Кратко их мысль можно сформулировать так: чтобы осознать идентичность, необходимо сначала написать историю. В отличие от современных конструктивистских концепций, в историзме речь идет об онтологическом характере прошлого, объективно определяющего настоящее сообществ. Необходимо познать историю, в процессе которой реализуются цели Духа (Г. В. Г. Гегель, И. Г. Дройзен), чтобы понять, кто мы сейчас. Осмысление истории как усвоения опыта предыдущих поколений все более сближается с понятием культуры. Не употребляя термин «социальная» или «коллективная память», философы конца XIX – начала XX в. именно с приобщением к культуре связывали идентификацию нации или государства.

Это сближение, зачастую отождествление понятий наблюдается и в современной философии. В большинстве многочисленных определений культуры присутствует обязательная ссылка на трансляцию опыта предыдущих поколений, его усвоение как обязательную характеристику культурного человека. Невозможность биологической передачи социального опыта приводит к тому, что развиваются символические механизмы, как правило, через язык. Культура сама по себе признается исследователями в качестве основы коллективной памяти [2, с. 202] или вообще воспринимается как система текстов [3, с. 17]. Личность, приобщаясь к опыту сообщества, расширяет границы своего внутреннего мира и объективной продолжительности жизни. Таким образом, изменение методов трансляции опыта предыдущих поколений влечет за собой новый этап в развитии культуры.

Устную традицию следует признать наряду с освоением предметов материального быта первым сознательным способом трансляции опыта предыдущих поколений. Обращение в прошлое было наиболее простым способом структуризации мира и необходимым для выживания социума условием. Именно это постоянное обращение к прошлому и называется традицией. Повторение в таких условиях является не просто частью экзистенции, а ее основой, и память, как и мышление, становится способом познания действительности.

Основной архаичной традиции был ритуал, в котором каждый раз проигрывалась ситуация мифического прошлого и через структуру этого прошлого воспринималось настоящее и будущее. Устная речь в ритуалах, связанная с ритмами, движением, создавала определенную эмоциональную атмосферу, которая наделяла произносимое сакральным смыслом. Через ритуальные практики слово оживало, а воспроизведение смыслов вызывало определенные социальные действия. В ритуале память находилась как бы вне времени, была неподвластна его влиянию. Таким образом происходила постоянная самоидентификация группы и ее членов. Поэтому, в отличие от сегодняшнего дня, сообщества в архаичной культуре не были воображаемыми.

Устная традиция – это непосредственное восприятие истины через ее носителя – Учителя или в процессе ритуала. Несмотря на наличие в устном слове знаковой синонимии, т.е. возможности передачи одного и того же текста различными словами, сакральность Учителя или ритуала переносится на передаваемый текст, к которому неприменима любого рода интерпретация. Теоретически многовариантное устное произведение на практике предполагает только одно значение и не требует усилий истолкователя для его понимания. Текст в устной традиции не осмысливается, а запоминается, поэтому античные мыслители называют «забвение» невежеством души, потерявшей связь с первоисточником, «духовной слепотой сознания, удалившегося от истины» [4, с. 45]. Распространение письменности воспринимается как отрицательное явление, так как ученики станут «мнимомудрыми вместо мудрых» [5, с. 253], а уходящий ритуал – это объект ностальгии, потому что восприятие истины возможно только непосредственно через мистические практики (Плотин).

Разрыв с зарождавшейся в античности письменной традицией, новые сакральные практики привели к тому, что «средневековая культура была фундаментально мнемонической, в такой же высокой степени, в какой современная за-

падная культура является документальной» [6, р. 8]. Даже книжная традиция, существовавшая в монастырях, не предполагала диалога с текстом. Священная литература считалась носителем Истины, не допускавшей интерпретации. Поминальные книги, родословная, доказывающая древность происхождения, портреты предков – все это было подчинено сохранению и легитимизации сохраненного. К Новому времени об «искусстве памяти» стали забывать, и дело не только в изменении отношения к мертвым в мире живых, как указывала Ю. Е. Арнаутова [7], а в трансформации социальных условий. Миру начинающегося Модерна нужна была новая идентичность и, следовательно, другое отношение к прошлому. Философы того периода рассматривали память, прежде всего, как способность души, от которой тем не менее зависит личность человека, в том числе процессы идентификации (Локк, Юм).

История как нарратив о прошлом какой-либо страны – это изобретение Модерна. Набиравшие силу государства нуждались в легитимизации, как когда-то дворянские роды, доказывавшие древность своего происхождения. Эту роль исполняла история. Однако проявлением развития текстовой традиции становится не только история, а затем – через печатные органы – и формирование национальной идентичности, но и возрастание роли интерпретации.

В. Лысенко отмечает, что письменное слово, абстрактное и символическое по самой своей сути (набор знаков), постигается, прежде всего, разумом (хотя и попадает туда благодаря зрению), в то время как звучащее слово может восприниматься совершенно бессознательно (как набор звуков) и поэтому способно воздействовать на психику человека еще и чисто физически [8]. Авторитет Учителя или ритуала увеличивает сакральность полученной устно информации. Устное слово воспринимается и воспроизводится, а письменное интерпретируется. Если прежде информация передавалась напрямую от носителя знания – Учителя – к ученику, то текст не предполагает самостоятельной передачи знаний. По этой причине закладывается новый фундамент идентификации, которая теперь все более начинает зависеть от отдельных личностей, выполняющих роль интерпретаторов, согласующих картину мира отдельных индивидов с картиной мира, которой обладает сообщество. Значение стала иметь не информация сама по себе, а ее актуальность в меняющихся условиях. Если в традиционной культуре человек постоянно ощущал себя частью какого-либо сообщества через повседневные практики, то, когда сообще-

ства стали «воображаемыми» (Б. А. Андерсон), процесс идентификации должен был постоянно поддерживаться, актуализироваться. Именно интерпретаторы, а не носители знания, как в устной традиции, становятся новым актором культурной динамики.

Происходит перемещение акцентов со знания как ценности на его восприятие. Информация имеет смысл настолько, насколько она соответствует потребностям сегодняшнего дня, и именно так, как необходимо сейчас. Речь идет уже не о трансляции, а о переработке, переосмыслении. «Автор умер» (Р. Барт), а интерпретация меняет содержание. Если в устной традиции знание имело сакральный характер, так как его источником являлось что-то надчеловеческое, то в мире индивидуализма Модерна «все услышанное нами от других является для нас указанием других людей, а не разума» [9, с. 13]. Интерпретация ставит Разум выше Традиции. В линейном устремлении в светлое будущее, характерном для Модерна, не было места прошлому – разве только как объекту критики. Свободный от предрассудков прошлого Разум воспринимается как всесильный, конструирующий если не действительность, то ее смысл.

Интерпретация и другие «функционирующие в человеческом обществе механизмы информации образуют своеобразную “социальную память” – хранилище прошлого опыта, являющегося базой формирования индивидуальных сознаний и дальнейшего развития познания» [10, с. 5]. В традиционном обществе, построенном на доминировании устной трансляции, коллективная память присутствовала объективно. Интерпретация, связанная с письменной культурой, приводит к тому, что коллективная память не транслируется, а конструируется. При этом определения коллективной памяти, данные в рамках доминирования текстовой традиции, можно практически отождествить с представлением о культуре. Как и культура, «память – не склад информации, а механизм ее регенерирования», «свокупность наследственной информации» [2, с. 201], которую хранят сообщества.

Когда интерпретацию источников заменила интерпретация интерпретации, само представление о коллективной памяти стало сближаться с языком. Но если прошлое оборачивается словом, то где искать основу для идентификации?

С переизбытком текстов и интерпретаций пропадает информация. Авторитет интерпретаторов потерялся в обилии интерпретаций; последним интеллектуалом, готовым позвать на баррикады, был Ж.-П. Сартр (Ж. Ф. Лиотар), а сейчас каждый сам себе и всем вокруг авторитет.

Память постоянно меняется в результате дискурсивных практик; интерпретации, не соответствующие дискурсу, отрицаются и, следовательно, забываются. Вместо текста приходит гипертекст – теперь читатель интерпретирует уже во время чтения. У современной культуры отсутствует общедоступный и принимаемый хотя бы большинством символический код. Индивид, имея доступ к любой информации и, следовательно, к различным представлениям и репрезентациям прошлого, может быть дезориентирован. Нет элиты, следовательно, нет акторов, и культурная динамика превращается в хаос, в котором бы сам И. Р. Пригожин не нашел бы порядок. Возрастает роль субъекта – это «раскрытие горизонтов опыта проявляет действительное существование мира и его трансцендентность и показывает затем, что он неотделим от трансцендентальной субъективности, конструирующей смысл и действительность бытия» [11]. Но как субъект может что-то сконструировать, если он испытывает непрекращающийся в современном мире кризис идентичности? Прошлое становится нарративом, поэтому деконструируется, а могущественный Разум просветителей – опора человека в Новое время – обернулся рационализмом. Индивид вместо субъекта исторического прогресса стал частью «возбудимой народной массы, бурной, необузданной и податливой» [12, с. 24]; перестав быть частью сообщества, он так и не стал индивидуальностью, личностью.

Интеллектуалы наделили память онтологическим статусом. Это способ возвращения к себе (П. Рикер), источник социализации (П. Бергер, Т. Лукман), но проблема в том, что онтология все чаще остается за пределами внимания современных философов. Коллективная память больше не может быть частью «сверхпамяти универсума», так как универсум не выходит за рамки умственной абстракции. В мире, в котором прошлое оборачивается постоянно деконструирующимся нарративом, не может быть стабильной идентичности. Мир становится «текущим», в нем нет устойчивых структур, кроме возникающих для определенных целей или просто так сетей, нет смысла, кроме ситуативных конструктов. В такой ситуации перманентная идентификация становится основой экзистенции, и для человека это оказывается главной проблемой. Если прежде его идентичность выступала частью линейного нарратива, четко определяемого условиями, менее четко – классом или другими крупными сообществами, то сейчас сообщества оборачиваются просто описываемыми интеракционистами масками, а человек вынужден сам взять ответственность за выбор

своего жизненного пути. Это вызывает описываемую Сартром тревогу как «усилие отделения от будущего и устранения угрозы прошлого», проявление свободы в недетерминированном мире. Меняющаяся действительность, когда на место процессуальности приходит событие, не позволяет говорить об определении собственного «я» раз и навсегда. Если клиномен Эпикура является метафорой случайности в порядке, то теперь в хаосе случайностей необходимо каждый раз искать новый порядок, и найти его может только субъект. Способность сознательно выбирать свою идентичность из представленных возможных, брать ответственность за этот выбор собственного будущего делает из индивида субъекта, способного стать актором социокультурной динамики.

Таким образом, изменение методов трансляции опыта предыдущих поколений оказывает определяющее влияние на процесс идентификации человека. Современная социокультурная трансформация, «ризомность» не только построения текстов, но и всей культуры приводит к перманентному кризису идентичности, выход из которого возможен только при условии сознательного выбора своего будущего и ответственности за этот выбор.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Концептуальные основания политики памяти и перспективы пост-национальной идентичности» (№ 15-33-01003).

Список литературы

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 91–95.
2. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.
3. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград, 2009. 216 с.
4. Стародубцева Л. В. Философский нарциссизм и припоминание // Вopr. философии. 2011. № 11. С. 40–50.
5. Платон. Федр // Философы Греции. Основы основ : логика, физика, этика. М., 1999. С. 199–258.
6. Mary J. Carruthers. The Book of Memory in Medieval Culture. Cambridge, 1994. 540 p.
7. Арнаутова Ю. Е. MEMORIA : «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 19–37.
8. Лысенко В. Уроки устной традиции // Историко-философский ежегодник. 2001. М., 2003. С. 157–159.
9. Локк Дж. Опыты о законе природы // Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 3. 218 с.
10. Ребане Я. К. О социальной детерминации познания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1970. 45 с.
11. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск ; М., 2000. 752 с.
12. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. М., 1996. 478 с.

Transformation Methods Broadcast of the Experience of Previous Generations and the Problem of Identity

O. V. Golovashina

Tambov State University

33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392003, Russia

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

The article is devoted to development of methods of translation experience of previous generations. In oral tradition the transmission of information was carried out without intermediaries, written culture suggested the possibility of interpreting the text in accordance with the needs of the present. Interpreters become actors in the cultural dynamics, determining the identity of a community or person. In modern conditions it is necessary to talk about the construction of identity. Contemporary methods of transfer of experience of previous generations leads to permanent identity crisis. This places increased responsibility on the subject, because its a conscious choice they depend on the perceived meanings and strategies of interpretation.

Key words: collective memory, cultural dynamics, interpretation, identity.

References

1. Locke J. *An essay concerning human understanding*. Indianapolis; Cambridge, 1996. 380 p. (Russ. ed.: Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii. *Soch.*: v 3 t. Moscow, 1985. T.1, pp. 91–95).
2. Lotman Yu. M. Pamyat v kulturologicheskom osveshchenii (Memory in a cultural coverage). Lotman Yu. M. *Izbr. st.* (Selected works: in 3 vol.). Tallin, 1992. Vol. 1, pp. 200–202.
3. Makarov A.I. *Fenomen nadyndividualnoy pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* (The phenomenon of over-individual memory {images – concepts – reflection}). Volgograd, 2009. 216 p.
4. Starodubtseva L.V. *Filosofskiy nartsissizm i pripominanie* (Philosophical narcissism and recall). *Voprosi filosofii* (Voprosi Filosofii), 2011, no. 11, pp. 40–50.
5. Plato. Phaedrus. Plato. *Complete works*. Ed. by J. M. Cooper. Indianapolis; Cambridge, 1997, pp. 49–100 (Russ. ed.: Platon. Fedr. *Filosofy Grecii. Osnova osnov: logika, fizika, etika*. Moscow, 1999. pp. 199–258).
6. Mary J. Carruthers. *The book of memory in medieval culture*. Cambridge, 1994. 540 p.
7. Arnautova Yu.E. Memoria: «totalnyy sotsialnyy fenomen» i obekt issledovaniya (Memoria: «total social phenomenon» and the object of study). *Obraz proshlogo*

- i kolektivnaya identichnost v Evrope do nachala Novogo vremeni* (Images of the past and collective identity in Europe before the beginning of the New time). Moscow, 2003, pp. 19–37.
8. Lysenko V. Uroki ustnoy traditsii (Lessons oral tradition). *Istoriko-fisologofskiy ezhegodnik 2001* (History and philosophy yearbook 2001.). Moscow, 2003, pp. 157–159.
 9. Locke J. *Questions concerning the law of nature*. Ithaca; London, 1990. 260 p. (Russ. ed.: Locke J. Opyty o zakone prirody. *Soch.*: v 3 t. Moscow, 1988, vol. 3, pp. 3–53).
 10. Rebane Ya. K. *Osotsialnoy determinatsii poznaniya*: avtoref. dis. ...d-ra filos. nauk (About the social determination of knowledge: abstract of dis. ...PhD of philosophy). Moscow, 1970. 45 p.
 11. Husserl E. *Cartesian meditations. An introduction to phenomenology*. Boston; London, 1960. 163 p. (Russ. ed.: Husserl E. Kartezijskie razmyshleniya. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak stroгая nauka*. Minsk; Moscow, 2000. 752 p.).
 12. Moskovichi S. *The age of the crowds. Historical treatise on mass psychology*. Cambridge, 1985. 418 p. (Russ. ed.: Moskovichi S. *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass*. Moscow, 1996. 478 p.).

УДК 316

ПОРЯДОК РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ РИСК-ТЕНДЕНЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

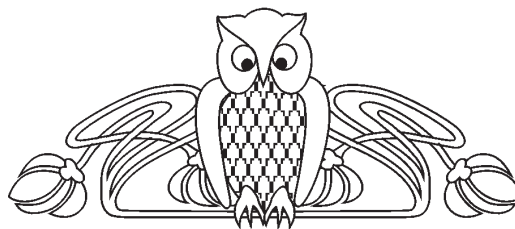
Данилов Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В работе исследуется социальный порядок революционного общества. На основе исторического опыта революций и исследований революционных процессов осуществляется анализ тенденций и противоречий данного состояния социальной динамики. Отмечаются ценностные трансформации: ценностный кризис, проявляющийся в пересмотре ценностных принципов предшествующего порядка – девальвации, сосуществует с риск-тенденциями ценностной актуализации, когда ценности наполняются новым историческим содержанием. Амбивалентность ценностной сферы революционного общества также проявляется в тенденциях консолидации-дезинтеграции. Амбивалентность институционального измерения фиксируется на примере «демонтажа» и генезиса социальных институтов, являющихся также риск-процессами.

Ключевые слова: социальный порядок, революция, риск, институты, ценности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-253-256

Вопрос о социальном порядке приобретает особую актуальность в связи с динамичными состояниями общества. Франция 1789 г., Россия 1917 г. или арабская весна 2011 г. (Египет, Тунис, Ливия, Сирия) обнаруживают больше сходств, чем различий, в формировании и развитии революционного процесса. Согласимся с утверждением, что понятие «революция» требует осторожного применения, так как речь в данном случае может идти не обо всех явлениях, а о тех, где проявляются намерения «установить новый

моральный и материальный миропорядок и провозгласить или заложить радикально новые модели повседневного поведения» [1, с. 96]. Содержание этого уточнения должно настраивать на масштаб осуществляемых трансформаций, где изменения внутреннего порядка обществ соединяются с идеей построения новой реальности как мирового порядка.

Революционный социум является примером транзитивного общества, в котором усиливается критическое состояние социальных явлений и процессов. Общество, находящееся в состоянии революции, вступает в период социального развития, когда усиливаются риски катастрофичности и вместе с тем происходят поиск новых путей развития, эскалация насилия и выбор новых ценностных и институциональных форм социального порядка и огромная роль отводится идеалу, «основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революции создают новый и лучший социальный порядок» [2, с. 44–45]. И, что важно, усиливается амбивалентность транзитивного, демонстрируя противоречивость изначальных состояний, с которыми система подходит к революционной точке кипения.

Исследовать динамику революционного общества важно в рамках социально-философского анализа, позволяющего, используя потенциал

исторического факта, выявить риск-тенденции и закономерности. Отметим, что уже французские просветители, особенно участники революционного процесса, были убеждены в способности революции создать новый порядок на основе и с помощью разума, освобождаясь от остатков старого. П. А. Сорокин, осмысливая революцию как социальное явление, в том числе события 1917 г., полагал, что из-за инстинкта самосохранения переворачивается существующий социальный порядок и одним из ключевых условий революционного взрыва выступает «бессилие организаций, обеспечивающих социальный порядок» [3, с. 272–282].

Упорядоченность общества имеет институциональную природу. Институциональные структуры возникают в результате формирования системы организованных взаимодействий, продуцирующих, в свою очередь, такие эффекты, как регулярность, повторяемость, предсказуемость. В условиях социальной упорядоченности гармонизируются действия социальных субъектов, что позволяет согласовывать социальные интересы, преодолевать рассогласованность и достигать снижения риск-эффектов от противоречий. В ходе социальных взаимодействий происходит постоянное воспроизводство практик, обеспечивающее стабильность и устойчивость социальных отношений. Как следствие воспроизводства взаимодействий осуществляется институционализация порядка.

Революционная транзитивность также характеризуется ценностными изменениями. Происходит пересмотр ценностных основ, что вызвано утратой представлений о ценностях, развивающихся нормативно-ценностных рассогласований. Прежние ценностные константы теряют свою значимость и перестают быть основанием институциональных структур. Данное состояние можно обозначить как ценностную девальвацию, ценностное обесценивание. Здесь, безусловно, проявляется ценностно-институциональная взаимообусловленность, когда обесценивание ценностей трансформирует институциональные структуры, а институциональные дисфункции девальвируют ценности и идеалы.

Кризис, проявляющийся в пересмотре ценностных принципов предшествующего порядка – *девальвации*, сосуществует с риск-тенденциями ценностной *актуализации*, когда ценности не меняются, но наполняются новым историческим содержанием. Разве революционному обществу не нужен порядок? Нужен. Система стремится к самосохранению, следуя базовым принципам упорядоченности – стабильности, определенности. Но идея прежнего порядка девальвирована, а новая социальная жизнь нуждается в новой

институционализации. Новый порядок нуждается в новых лидерах, организациях как эпицентрах альтернативы и будущей стабильности, необходимой здесь, в настоящем. С рассогласованным обществом необходимо говорить, и поэтому возрастает значимость антропо-дискурсивного фактора – «человека говорящего», будь то агитатор в окопах на полях сражений Первой мировой войны или лидер Октября 1917 г. в Петрограде. Становление нового порядка начинается с его дискурсивной актуализации, порядок должен быть услышан...

Амбивалентность ценностной сферы революционного общества проявляется в тенденциях *«консолидации/дезинтеграции»*. Так события февраля 1917 г. в России, как их описывает В. Б. Аксенов, можно определить как «ценностный ренессанс». Эта духовная ситуация характеризовалась романтизацией революции в обыденном сознании жителей Москвы и Петрограда. Ценности свободы, равенства как «классические» идеи-константы революции соединили в себе настроения и ожидания обществ, переживающих революционные трансформации. Необходимость выживания в условиях усиливающегося раскола, развивающейся разрозненности, поляризующих социальные группы на лагеря, приводит к единению, всеобщей консолидации как некоему социальному инстинкту выживания. В то же время очевидны дезинтеграционные тенденции, так как в революционном обществе выделяются две стороны, как минимум: сторонники революции и приверженцы существующего строя с их различиями в ценностных ориентациях.

Революционный процесс характеризуется коренными изменениями в социальной структуре общества, приводя, прежде всего, к институциональным трансформациям, и проявляется как выбор между порядками – старым и новым. Закономерен вопрос: насколько новый порядок является новым?

Анализ условий, в которых осуществляется революционный процесс, приводит к пониманию зависимости новых идей от существующих условий, вызывающих необходимость адаптации к ним. Как замечает М. Уолцер, несмотря на то, что «модели революционного класса могут намечать новый социальный порядок, его сознательные действия ограничены пределами старого и нацелены на приспособление там, где только возможно» [1, с. 97]. Нельзя отрицать, что сложившаяся система отношений, сил, системы распределения общественных ресурсов, основанные на институциональном фундаменте как совокупности признаваемых правил и норм, подвергаются критическому осмыслению и под

воздействием определенных факторов трансформируются. Т. Скочпол, исследуя опыт социальных революций в России, Китае, Франции, выделяет, с одной стороны, кризис порядка «старого» типа, когда государство отстраняется как от «отстаивания социально-экономических интересов классов, так и от процессов воспроизводства социальных структур и институтов, ориентированных на это» [4, с. 67]. С другой стороны, авторитарные монархии отстаивали свой внутренний порядок, конкурируя с внешней средой. Отметим, что задача обеспечения прежнего порядка реализуется через консервативно-авторитарную стратегию, когда власть зачастую сдерживает, а не создает новые институциональные образования. Это обнаруживается в условиях революционных кризисов, когда с особой интенсивностью проявляется властеориентированность российского социума. Революция всегда политична, и ее процессы определяются как кризисами власти, так и базируются на потенциале упорядочивать, стабилизировать социальную систему.

Амбивалентность революционного находит выражение не просто в существовании, но взаимовлиянии противоположных тенденций, противоречий в пространстве правил, норм. Определим некоторые из них.

«Демонтаж – генезис». Новый социальный порядок невозможен вне новых институтов, закрепляющих новые социальные связи, взаимодействия. Согласно распространенной позиции, революционный процесс 1917 г. был направлен на искоренение институтов и структур, относящихся к прежнему режиму. Ситуация «ценностного подъема», описываемого выше, характеризуется также и «институциональным упадком», когда происходит демонтаж институциональных структур, например органов исполнительной власти, отвечающих за безопасность. Логика революции направлена на коренную ломку институциональных структур и в таком деструктивном порыве уничтожается и то, что обеспечивает стабильность и упорядоченность существования: институты власти, церкви, как это было в российском опыте 1917 г. Делигитимация институтов проявляется, прежде всего, в снижении доверия общества, которое не видит в них основу социальной стабильности, их дисфункция проявляется в снижении регулятивного потенциала. Это имеет особое значение для нашей страны, так как, по словам К. Победоносцева, советника императора Александра III, «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем...» [5, с. 5].

В то же время институциональное строительство выражалось в порыве молодого активного

населения, прежде всего, интеллигентных и образованных слоев «организовывать всевозможные комитеты, профсоюзы и прочее» [6, с. 124]. В условиях, когда утрачиваются вера в порядок и доверие к власти, нарастает дисфункция социально-политических институтов, обусловленных, в том числе, внутренними противоречиями, когда, по свидетельствам, почти каждый рабочий в 1917 г. имел оружие, что являлось гарантом жизненного мира горожанина. Также отметим, что риски революционного транзита данного периода проявились в неспособности осуществить эффективную институализацию, и архитектура нового порядка, основанная на ценностных принципах «вдохновенного» общества, не смогла завершиться строительством формального правопорядка.

Процесс институализации не одномоментный, он требует временного ресурса, позволяющего обществу адаптироваться к новым правилам, принять новые нормы и поддерживать их, следуя им. Так называемый институциональный импорт сформировал рискогенную среду, в которую были интегрированы новые социальные институты. Процесс внедрения института был успешным, если он, например, соответствовал социокультурным основам общества, его ценностям, традициям, элементам его исторической памяти. Революционный транзит февраля–октября 1917 г. и его постреволюционный этап характеризуется, с одной стороны, внедрением институтов, основанных на традиционности – «общинности», «соборности», как в случае с институтами государственной власти, выражающими коллективистские ориентации. С другой стороны, формирование институтов социалистического порядка общества происходило также и вне социокультурного контекста, когда игнорировались особенности менталитета и традиционные основы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. Уолцер М. Интеллектуалы, социальные классы и революции // Логос. 2012. № 2 (86). С. 95–113.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
4. Епархина О. В. Китайская революция в фокусе исторической социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 60–75.

- Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России / под ред. В. В. Ильина. М., 1996. 400 с.
- Аксенов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 231 с.

The Order of the Revolutionary Society and the Ambivalence of Risk Trends: Social and Philosophical Aspect

S. A. Danilov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

In this paper the social order of the revolutionary society. Based on the historical experience of revolutions and revolutionary processes of researchers carried out the trends and contradictions of the state social dynamics analysis. There have values transformation: the crisis of values, reflected in the revision of the principles of the previous value of the order - the devaluation, coexists with risk trends of value actualization - when values are filled with new historical content. The ambivalence of valuable sphere of a revolutionary society is also reflected in the trends of consolidation-disintegration. Ambivalence institutional dimension is fixed on the example of the dismantling of the genesis and social institutions, which are also a risk processes.

Key words: social order, revolution, risk, institutions and values.

УДК 316.74:2

СЕКУЛЯРНОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Здоровцева Ольга Валерьевна – экстерн кафедры философии религии и религиоведения, Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный университет (г. Ростов-на-Дону). E-mail: olgazdorovceva@yandex.ru

В статье рассматривается позиция православного богословия, касающаяся религиозной жизни современного российского общества, на примере православных христиан как доминирующей в России конфессии. Делается попытка сравнительного изучения научного и теологического пониманий предпосылок секулярного сознания. Рассматриваются признаки неразвитости религиозной жизни православных христиан: 1) преобладание ритуализма и обрядоверия и непонимание подлинного смысла таинств Церкви; 2) непонимание сути молитвы и поста как инструментов «духовного делания»; 3) практика редкого причащения среди мирян. Это свидетельствует о глубокой секуляризации личного и общественного сознания современных россиян.

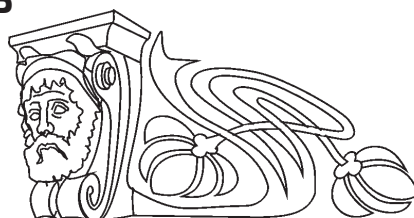
Ключевые слова: секулярное сознание, духовная жизнь, религиозность, православные христиане, российское общество.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-256-261

Для современной постсекулярной России, как и для других европейских стран, характерен возврат к религии. Процессы религиозного

References

- Walzer M. Intellectuals, Social Classes, and Revolutions. *Democracy, Revolution, and History*. Ed. by T. Skocpol. Ithaca; New York; London, 1998, pp. 127–142 (Russ. ed.: Uoltser M. Intellektualy, sotsialnye klassy i revolyutsii. *Logos*, 2012, no. 2 {86}, pp. 95–113).
- Eisenstadt S. N. *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. New York, 1978. 348 p. (Russ. ed.: Eyzenshtadt Sh. *Revolyuitsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy*. Moscow, 1999. 416 p.).
- Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* (Human. Civilization. Society). Moscow, 1992. 543 p.
- Eparkhina O.V. Kitayskaya revolyutsiya v fokuse istoricheskoy sotsiologii (The Chinese revolution at the focus of historical sociology). *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. (Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science)*, 2013, no. 1, pp. 60–75.
- Ilin V.V., Panarin A.S., Akhiezer A.S. *Reformy i kontrreformy v Rossii* (Reforms and counter-reforms in Russia). Ed. by V. V. Ilin. Moscow, 1996. 400 p.
- Aksenov V.B. *Povsednevnyaya zhizn Petrograda i Moskvy v 1917 godu: dis. ... kand. istoricheskikh nauk* (Daily life of Petrograd and Moscow in 1917: dis. ... PhD of historical sciences). Moscow, 2002. 231 p.

возрождения, происходящие в постсоветском обществе, на протяжении последней четверти века постоянно привлекают внимание социологов, философов, религиоведов, им даются порой противоречивые оценки. В целом эти оценки можно разделить на две группы: 1) российское общество секулярно (А. Морозов, Г. Кертман, А. Аполлонов), т.е. утратило связь с религией и, соответственно, подлинную религиозность; 2) российское общество недостаточно секулярно и безрелигиозно (А. Кырлежев, А. Шишков, Д. Узланер), поскольку в советский период «оно базировалось на одной из самых мощных политических религий современности» [1, с. 145], на атеизме, и в «Советском Союзе не произошло отделения религии (или «псевдо-религии») от других социальных институтов» [1, с. 145].

Однако проблема секуляризации, равно как и религиозности, на наш взгляд, гораздо глубже: не на уровнях культурной дифференциации или политизации православия (традиционной для России религии, к которой причисляют себя 68% россиян [2]), а на уровне личного и общественного сознания. Цель статьи – представить религиозную жизнь современных россиян (на примере православных христиан как доминирующей конфессии) как свидетельство глубокой секуляризации российского общества. Задачи: 1) дать определения религиозного и секулярного сознания и показать, в чем их главное отличие; 2) объяснить, как понимается религиозная жизнь с точки зрения православного богословия, и показать, что религиозность сознания определяет подлинность религиозной жизни; 3) показать признаки неразвитости религиозной жизни православных христиан с точки зрения православного богословия как свидетельство неразвитости их религиозного сознания.

Актуальность работы связана с поиском путей выхода российского общества из духовно-нравственного кризиса, а также нахождения консенсуса между современной секулярной социально-политической системой и религиозными организациями путём сотрудничества и выхода из этого кризиса.

В современном религиоведении религиозное сознание определяется обычно как «система чувственных и мыслительных форм, основанных на религиозной вере» [3, с. 101]. При этом понятия «вера» и «религиозность» дополняют друг друга и понимаются как убежденность в наличии высшей силы (Бога, Абсолюта и т.п.) и стремлении к поклонению ей. Религиозному сознанию присущи: конфессиональный догматизм, утверждение абсолютных ценностей, консерватизм, ориентация автономно религиозной личности на религиозный опыт конфессии.

В секулярном, а ныне постсекулярном обществе сознание человека претерпело изменения. Факт вытеснения религии из общественной сферы сформировал новое сознание, которое с полным правом можно назвать секулярным, поскольку для него характерны противоположные названным признаки: синкретизм, изменчивость ценностных ориентиров, неопределенность религиозных понятий, индивидуализация, восприятие религиозного опыта как одного из видов жизненного опыта.

Для религиозного сознания характерна нацеленность на сверхъестественное – трансценденция. Трансценденция не просто имеет в жизни верующего важное или главное значение, но определяет парадигму его мировоззрения и

социального поведения. Говоря языком православного богословия, подлинная религиозность предполагает понимание верующим своей жизни в целом, как личной, так и общественной, как синергии – «сотрудничества» с Богом в достижении главной цели – спасения души.

Секулярное же сознание предполагает «мировоззрение и соответствующий ему образ жизни, при котором <...> основные стороны человеческого существования <...> не только не связаны с верой и не укоренены в ней, но отрицается и сама необходимость или даже возможность подобной связи» [4], т.е. секулярное сознание лишено трансценденции. Парадокс секулярного сознания заключается в том, что «образ жизни» включает религию, тогда как «философия жизни» исключает ее» [4].

В научной литературе нет определений секулярного сознания, но по главному отличительному признаку мы можем попытаться определить его как систему чувственных и мыслительных форм, основанных на отрицании необходимости поклонения сверхъестественному.

Понятие трансценденции предполагает реализацию в жизни верующего предписанного религиозными догмами поведения, причем осознанную, основанную не только на иррациональной стороне религиозной веры, но и на рефлексии рациональной и теоретической ее составляющих. Религиозное сознание, таким образом, предполагает наличие у субъекта религиозной жизни. А она, как уже было сказано вначале, связана с уровнем религиозности.

Отечественная социология религии связывает религиозность с религиозным сознанием и определяет ее качественные характеристики, исходя либо из образа жизни верующего (Л. М. Воронцова, Р. Н. Лункин, С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман), либо из ценности религии в его жизни (В. Ф. Чеснокова, Ю. Ю. Синелина) [3, с. 99]. В наиболее популярных западных концепциях (Ч. Глока, Р. Старка, Г. Оллпорта) также делается акцент на отношении субъекта к религии. Так, согласно типологии религиозности Г. Оллпорта, религиозность (и, соответственно, религиозная жизнь) может быть внешняя (неразвитая) и внутренняя (подлинная). Первая имеет место в том случае, когда религия для человека лишь способ достижения целей, внешних по отношению к самой религии, вторая – когда религиозный поиск для человека – самоцель и самоценность, определяющая все его бытие. Именно эта концепция представляется нам наиболее подходящей для оценки религиозной жизни православных христиан в России, так как она наиболее близка к богословской интерпретации.

Православное богословие понимает религиозную жизнь как достижение единения с Богом, так называемого «обождения» – приведения образа личности к божественному идеалу через использование личностью «церковного инструментария» таинств и богослужения. Религиозная жизнь предполагает воцерковленность, т.е. участие в жизни Церкви, которая должна в идеале перейти в «охристовление» жизни. Последнее возможно в результате внутренних усилий личности, а не только соблюдения внешних условий: «христианин убеждается, что то или иное в нём самом, в его собственном существовании не соответствует евангельской Христовой правде, вследствие чего он прилагает внутренние, духовные, религиозные (и лишь во вторую очередь внешние, культурно-социальные) усилия к тому, чтобы этой евангельской правде соответствовать» [5]. Главное условие подлинности религиозной жизни – это восприятие поклонения Богу как необходимой «отправной точки» для полноценного бытия. Для этого нужна религиозная вера.

Секулярное сознание может признавать необходимость религиозной веры и существование Бога, но оно не ставит Бога «во главу угла» и не видит необходимости стремления к Абсолюту, необходимости поклонения как акта, «который определяет его человеческую природу и осуществляет ее» [6]. Таким образом, понятия «секулярное сознание» и «религиозная жизнь» исключают друг друга.

Сталкиваясь с различными проявлениями, внешне похожими на проявления внутренней религиозности (посещение богослужений, участие в деятельности религиозных организаций и т.п.) и не изучая при этом духовной жизни современных россиян, многие исследователи делают ошибку, ассоциируя эти проявления с возрождением религиозности.

Ниже представлены искажения в религиозной жизни современных православных христиан в России, которые возникли вследствие проявлений секулярного сознания.

1. *Преобладание ритуализма и обрядоверия и непонимание подлинного смысла таинств Церкви.* Подавляющее большинство христиан из мирян не знакомы либо поверхностно знакомы с вероучением православной Церкви и практически не знают Церковного Устава. Это – итог советского периода секуляризации, когда изучение религии было запрещено и преследовалось. Несмотря на то, что последние 25 лет эти запреты сняты и религиозная литература имеется в свободном доступе, просвещение в этой области практически не сдвинулось с «мертвой» точки.

В среднем по стране из государственных высших учебных заведений ежегодно выпускается около 11,360 млн специалистов [7], в 2015 г. из них лишь 5 тыс. были теологами [8]. В масштабах страны это приблизительно 0,004% численности всего населения и 0,009% численности лиц, составляющих примерно 40% «церковного народа» среди православных [2]. Что касается знакомства со священным писанием, то в России лишь 6% населения [2] регулярно читают Евангелие и другие библейские тексты.

Следствием такой непросвещенности является смешение понятий христианства с язычеством и другими религиозными верованиями (синкретизм), а также восприятие Церкви как совокупности обрядов, запретов и правил, схожих с дисциплинарными нормами, соблюдение которых «механически» воздействует на человека и его жизнь, принося какие-либо положительные либо отрицательные результаты.

Ритуалисты обычно не знают глубинного смысла церковных таинств. Они ищут в Церкви «духовного воздействия», смутно представляя себе, в чем оно заключается. Так, только 1% опрошенных заявили, что собираются венчаться потому, что хотят быть вместе после смерти, остальные 11% (в совокупности) в качестве причины назвали все, что угодно («не хочу жить в грехе», «укрепляет брак», «подтверждение любви», «красивый обряд», «так принято в семье» и проч.), только не веру в жизнь после смерти [9]. Статистики по поводу того, как понимаются другие таинства Церкви, пока в России нет, но просмотр в Интернете многочисленных форумов и ответов священников позволяет сказать, что соборование нередко представляется как «таблетка» от болезней или предсмертное напутствие, исповедь – лишь как прощение Богом неких ошибок, без последующей необходимости изменения поведения и мышления, причастие – как способ укрепить здоровье «душевное и телесное», а таинство священства – как автоматическое возведение человека в ранг «святого», «непогрешимого», у которого можно спросить совета на все случаи жизни только потому, что он в священном сане. Не удивительно, что такие «верующие» приходят в храм, чтобы «очистить карму», «набраться положительной энергии», «снять сглаз» или решить свои бытовые и личные проблемы посредством участия в молебне. Такое восприятие лишает «обрядоверов» возможности обрести свободу в том смысле, в каком ее понимает Церковь: свободу от греха. Поменяв свободу на правила и запреты, человек думает, что он приобрел «гарантию спасения».

Подлинный же смысл всех таинств православной Церкви заключается в максимальном приближении человека к Богу. Для такого понимания таинств необходимо наличие элемента, который присущ подлинно религиозному сознанию – трансценденции. Ритуализму же присуще магическое понимание Церкви и потребительское отношение к религии, которое сосредоточено на «мире сем». Секулярность сознания здесь налицо.

2. *Непонимание сути молитвы и поста как инструментов «духовного делания».* Молитва – одно из самых необходимых условий религиозной жизни христианина. Святитель Игнатий (Брянчанинов) называл молитву «матерью добродетелей и дверью ко всем духовным дарам» [10]. Начальный уровень молитвы, как его понимает православное богословие, это обращение человека к Богу за помощью в преодолении своих греховных привычек и страстей. При этом религиозный опыт Церкви предписывает христианину определенную последовательность освоения молитвы, предполагающую постепенность и самопонуждение. Ключевым же моментом молитвы является осознание человеком необходимости обращения к Творцу как подателю духовных (и материальных) благ. И здесь секулярность сознания становится главным препятствием.

Секулярное сознание включает индивидуализацию, обособление индивида внутри социума и «замыкание» его на самом себе, при этом опыт социума оказывается для личности не первостепенным. То же происходит и в религиозной сфере. Это приводит к тому, что религиозный опыт, во-первых, рассматривается лишь как один из видов жизненного опыта, а во-вторых, опыт конфессии перестает быть для автономной личности образцом и примером для подражания: «Мирская сфера жизни при этом мыслится как автономная, т. е. руководимая своими собственными ценностями и принципами, отличными от религиозных» [4]. Следствием этого в религиозной жизни является:

1) в богослужении – предпочтение личной молитвы общественной (53% лиц, считающих себя православными, молятся своими молитвами, не зная церковных [2]);

2) в отношении личной молитвы:

а) использование молитвы как средства для достижения вполне конкретных материальных целей, в том числе, наряду с магическими ритуалами, медитацией и т.п. «духовными инструментами», б) стремление к овладению аскетическими духовными практиками православия без покаяния и должной подготовки.

Последнее явление о. Серафим (Роуз) называл сверхдуховностью: «Таковой, производя с внешней стороны впечатление святого, всех

любящего, никому не делающего зла, находящегося в непрестанной молитве, радости и подвиге – с внутренней же, как не приобретший путем борьбы со своим ветхим человеком главнейшего в духовной жизни – смирения, оказывается в действительности лжесвятым» [11]. Это может привести человека к психическим срывам и даже гибели.

По словам святителя Игнатия (Брянчанинова) первым неперенным условием молитвы должно быть внимание и благоговение, а целью – покаяние. Правильное отношение к молитве дает конкретный результат: человек со временем начинает видеть свои греховные страсти и недостатки, сожалеть о них, раскаиваться и стремиться их преодолеть.

Можно предположить, что молитва покаяния присутствует у 23% [2] православных, заявляющих, что они читают молитвы церковные и (или) положенное в молитвослове правило. Современные исследования показывают, что за последние 20–25 лет количество таких людей в России практически не изменилось, более того, ровно столько же «православных» не молятся вообще [2]. Это и неудивительно: привычка постоянной молитвы означает перемену сознания: понимание насущной необходимости общения с Богом для изменения себя, а не для комфортабельного устройства своей жизни.

Индивидуализация религиозного опыта касается не только молитвы, но и такого средства самопонуждения и борьбы со страстями, как пост. Пост, как его понимает православное богословие, это духовный путь возврата к Богу посредством усмирения желаний плоти. Подавляющее большинство (59% [2]) православных россиян пост не соблюдают вообще, считая его необязательным и устаревшим требованием, несовместимым с условиями современной жизни. Те же 5% [2], которые пытаются это делать регулярно, зачастую воспринимают пост как самоцель, как способ «морально-физической тренировки», но не как средство отсечения греховных желаний. Чтобы в этом убедиться, достаточно в период Великого поста набрать в Интернете строку «постное меню» для того, чтобы увидеть нескончаемое разнообразие предлагаемых вариантов постных блюд. Смещение акцента с внутреннего усилия на внешнее выполнение «среды» и «пятницы» (при этом еще и с выгодой для себя) приводит к нивелированию различия между постом и диетой и подмене исполнения евангельской заповеди любви к ближнему (как цели поста) «блюдением субботы».

3. *Практикование редкого причащения среди мирян.* Причастие (евхаристия) – главное

таинство православной церкви, которое соединяет человека с Богом. Православные богословы указывают на то, что в нем человек душою и телесно приобщается к Божественным энергиям, «включаясь» в инобытие. Это дает «эффект» постепенного усмирения страстей и утверждения добродетелей при условии того, что он и сам прилагает волевые усилия. Только в единении с Богом человек обретает духовные силы, крепость веры, душевный мир и любовь. Евхаристия – своеобразная экологическая проповедь о призвании человека к преобразению себя и мира, поэтому лучшие русские литургисты и богословы в упадке практики причащения всегда видели «упадок церковной жизни, отступление от Предания и от подлинных норм церковности» [12].

В России самое «частое» причащение, раз в месяц, практикуют лишь 2% православных. Доля тех, кто практически не причащается, в общей сложности 66,5% [2]. Это – прямой показатель незнания вероучения и косвенный – отсутствия осознания потребности единения с Богом для полноты жизни как душевной, так и телесной, либо отрицания таковой необходимости.

У этой проблемы есть другая сторона: в Русской Православной Церкви бытует практика обязательного трехдневного поста перед причащением и чтения специального молитвенного правила, возникшая еще в Синодальный период. При этом нередки такие «перекося», как: требование от христианина, регулярно посещающего богослужения, исповеди именно в день причащения, но никак не за день, а тем более за два или три до него; соблюдение телесного поста даже для желающих еженедельного причащения, между тем как Типикон не предусматривает дополнительного поста для тех, кто соблюдает посты в среду и пятницу. Это приводит к профанации исповеди и поста и пониманию их мирянами как некоего магического доступа к причащению, а само таинство евхаристии приобретает номинальный характер.

Указанные искажения в религиозной жизни православных христиан в России свидетельствуют о том, что суть христианского делания остаётся не востребованной, т.е. внутренняя (подлинная) религиозная жизнь в научном и богословском понимании практически не ведется, она «подменяется некоторым формальным минимумом (посещение богослужений, причащение раз в году, кое-какой пост и воздержание от развлечений)» [4].

Соответственно, при поиске решения проблемы упадка религиозности российского общества основные усилия должны быть направлены на перемену сознания личности – как в личной внутренней борьбе, так и в стараниях церковных общин.

Обратившись к первоначальному посланию о том, что секулярное сознание исключает развитую религиозную жизнь, следует признать, что представленная в данном исследовании картина неразвитости религиозной жизни православных христиан как доминирующей в России конфессии является неоспоримым свидетельством глубокой секуляризации российского общества на уровне сознания.

Список литературы

1. Матецкая А. В. Сакральное и профанное в современном российском обществе // Свеча-2015. Т. 29. «Образ» религии в России : образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности. Владимир, 2015. С. 143–153.
2. Синелина Ю. Ю. Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 27.01.2016).
3. Астанов С. Н. Понятия «религиозность» и «религиозное сознание» в современном религиоведении // Проблема сознания : разные ракурсы. Ростов н/Д, 2014. С. 97–108.
4. Шмеман А. Д., протоиерей. О секуляризме. URL: http://azbyka.ru/hristianstvo/iskazheniya_hristianstva/4g76-all.shtml (дата обращения: 21.12.2015).
5. Петр (Мещерин). Духовная борьба в России. Доклад на Международной Экуменической Конференции в Бозе 16.10.2009 г. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/486182.html> (дата обращения: 18.01.2016).
6. Шмеман А. Д. Богослужение в секулярный век. URL: <http://predanie.ru/quote/one/77096/> (дата обращения: 23.12.2015).
7. Основные показатели образования // База данных Росстата. URL: <http://cbsd.gks.ru/#> (дата обращения: 30.01.2016).
8. Ореханов Г. Принципиальной возможности защищаться по теологии в России еще нет. URL: <http://pstgu.ru/news/press/2015/10/22/61486/> (дата обращения: 20.01.2016).
9. О венчании. База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 31.01.2016).
10. Осипов А. И. Сравнение практики молитвы Иисусовой по трудам святителя Игнатия (Брянчанинова) и «Откровенным рассказам Странника». URL: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/molitva/isihazm_iisusova_molitva/osipov_uchenie_o_molitve_isusovoy-all.shtml (дата обращения: 18.12.2015).
11. Серафим Роуз. Как сегодня быть православным. Почаев, 2013. 48 с. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/kak-segodnja-byt-pravoslavnym (дата обращения: 10.01.2016).
12. Шмеман А. Д. Исповедь и причастие. Доклад Св. Синоду Православной Церкви в Америке. URL: http://shmeman.ru/modules/myarticles/article_storyid_47.html (дата обращения: 25.12.2015).

Secular Consciousness and the Spiritual Life in the Modern Russia

O. V. Zdorovitseva

Institute of Philosophy and Social and Political Studies,
South Federal University
105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: olgazdorovitseva@yandex.ru

The article discusses the position of Orthodox theology on religious life in the modern Russian society on the example of how Orthodox Christians in Russia, the dominant denomination. It attempts to give definition and description of the secular consciousness on the base of the scientific and theological premises. The author considers the signs of underdevelopment of the spiritual life of Orthodox Christians: 1) the dominance of ceremonialism and misunderstanding of the authentic meaning of the sacraments of the Church; 2) a misunderstanding of the nature of prayer and fasting as tools of the «spiritual activity»; 3) practice of rare communion among the laity, – and presents them as the evidence of the profound secularization of personal and social consciousness of modern Russians.

Key words: secular consciousness, spiritual life, religiosity, the Orthodox Christians, the Russian society.

References

1. Matetskaya A.V. Sakralnoe i profannoje v sovremennom rossijskom obshchestve (The sacred and the profane in contemporary Russian society). *Svecha-2015*. T. 29. «Obraz» religii v Rossii: obrazovatelnye proekty I konstruirovaniye religioznoy tolerantnosti (Candle-2015. Vol. 29. «The image» of religion in Russia: educational projects and the construction of religious tolerance). Vladimir, 2015, pp. 143–153.
2. Sinelina Y. Y. Religioznost v sovremennoy Rossii (Religiosity in modern Russia). *Otechestvennye Zapiski* (Notes of the Fatherland). 2013, no. 1 (52). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii> (accessed 27 January 2016).
3. Astapov S.N. Ponyatia «religioznost» i «religioznoe soznanie» v sovremennom religiovedenii (The concepts of «religiosity» and «religious consciousness» in modern religious studies). *Problema soznania: raznye rakysy* (A problem of consciousness: different perspectives). Rostov-on-Don, 2014, pp. 97–108.
4. Schmeman A.D. *O sekulyarizme* (On secularism). Available at: http://azbyka.ru/hristianstvo/iskazheniya_hristianstva/4g76-all.shtml (accessed 21 December 2015).
5. Petr (Meshcherinov). *Dukhovnaya borba v Rossii. Doklad na Meshdynar. ekymenicheskoy konf. v Boze* (Spiritual struggle in Russia. The report on the International ecumenical conference at Bose). Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/486182.html> (accessed 18 January 2016).
6. Schmeman A. D. *Bogoslyzhenie v secularnyy vek* (Worship in a secular age). Available at: <http://predanie.EN/quote/one/77096/> (accessed 23 December 2015).
7. Osnovnye pokazateli obrazovaniya (Basic education indicators). *Basa dannyx Rosstata* (Database of Rosstat). Available at: <http://cbsd.gks.ru/#> (accessed 30 January 2016).
8. Orekhanov G. *Printsipialnoy vozmozhnosti zashchishchatsya po teologii v Rossii eshche net* (There is not principal possibility to defend a theological thesis in Russia yet). Available at: <http://pstgu.ru/news/press/2015/10/22/61486/> (accessed 20 January 2016).
9. O venchanii (On the wedding). *Basa dannyx FOM* (Database FOM). Available at: <http://bd.fom.ru/> (accessed 30 January 2016).
10. Osipov A. I. *Sravnenie praktiki molitvy Iisusovoy po trydam svyatitelya Ignatiya (Bryanchaninova) i «Ot-krovennym rasskazam strannika»* (The comparison of the Jesus Prayer practice between the writings of St. Ignatius {Bryanchaninov} and «Frank stories of the Wanderer» book). Available at: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/molitva/isihazm_iisusova_molitva/osipov_uchenie_o_molitve_isusovoy-all.shtml (accessed 18 December 2015).
11. Serafim Rose. *Kak segodnya byt pravoslavnyy?* (How to be an Orthodox today). Pochaev, 2013. 48 p. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/kak-segodnja-byt-pravoslavnyy/ (accessed 10 January 2016).
12. Schmeman A. D. *Ispoved i prichastie. Doklad Sv.Sinody Pravoslavnoy Tserkvi v Amerike* (Confession and communion. The Report of St. Synod of the Orthodox Church in America). Available at: http://shmeman.ru/modules/myarticles/article_storyid_47.html (accessed 25 December 2015).

УДК 101.1:316.614

ПОИСКИ ЛОГОСА: МЕЖДУ ТЬМОЙ И СВЕТОМ

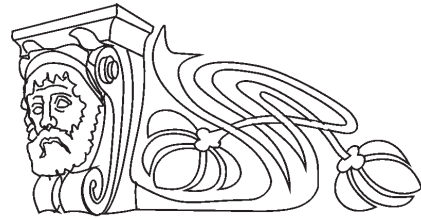
Кириллов Герман Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Пензенский государственный университет. E-mail: gekir10@mail.ru

В статье в диахронической перспективе осуществлена попытка осмысления динамики становления философского концепта «Логос» в двух его ипостасях: тёмной и светлой – на разных этапах развития философской мысли. Основное внимание при этом уделено философии Гераклита, а также рецепции понятия «Логос» средневековой христианской теологией. Намечена структура каждой из форм Логоса, предложенная М. Мерло-Понти и А. Г. Дугиным. Удалось доказать, что идеи М. Мерло-Понти, касающиеся возможности взаимоперехода двух ипостасей Логоса, во многом созвучны концепции диалога культур В. С. Библера. В заключение утверждается, что современной философии, ищущей новые способы самовыражения, не избежать нового осмысления понятия «Логос».

Ключевые слова: Логос светлый, Логос тёмный, *logos endiathetos*, *logos prophorikos*, intersубъективность, Другой, хиазма, медиационный и инверсионный диалог.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-262-267

Термин «Логос» один из самых значимых, ёмких и вместе с тем загадочных в философии. Он имеет тысячелетнюю историю и обрастает всё большим количеством смыслов и значений, приобретая новые оттенки. О проблеме Логоса написаны сотни статей и книг, но его тайна остаётся скрытой. Загадочностью и таинственностью Логос во многом обязан своему автору Гераклиту, которого неслучайно современники именовали Тёмным. И всё же сквозь завесу тьмы брезжит свет, иначе творение Гераклита не привлекало бы внимание всё новых поколений исследователей. По мнению С. М. Муравьёва, современного интерпретатора текстов греческого мыслителя, «темнота» Гераклита, прежде всего, связана с особенностями поэтики его прозы, «лишённой каких-либо устоявшихся терминов, но богатой звуковыми эффектами, дометафорическими смыслообразами, синтаксической и семантической полифонией (многозначностью) и изысканнейшими параллелизмами, хиазмами, кольцевидными образованиями и прочими предриторическими формальными и смысловыми фигурами» [1, с. 9]. При этом Муравьёв подчёркивает, что «все эти надязыковые структуры выполняли у него отнюдь не декоративную, а весьма важную смыслообразующую функцию» [1, с. 9]. Впрочем, «темнота» эта не носит нарочитый характер, на это указывает, например, М. Хайдеггер. Он объясняет это так: «Гераклит “тёмен” потому, что

мыслит бытие как себя скрывающее и говорит сообразно помысленному» [2, с. 52].

В дальнейшем Хайдеггер напоминает о связи Гераклита с культом светоносной богини Артемиды и о том, что тёмное и светлое принадлежат друг другу. Каким же представляется Хайдеггеру первичное мышление? Речь здесь идёт о таком мышлении, которое ещё не дифференцировано и не заключено в словесную оболочку. Обращаясь к этимологии слова Логос, Хайдеггер отмечает, что в самом слове «λόγος» нет даже намёка на слово и речь. Однако оно этимологически связано с производным словом «говорить» («λέγειν»). Как отмечает известный российский учёный В. Д. Бондалетов, у Гераклита и его современников «воззрения на язык <...> получили филологическое, а затем и отчетливо выраженное философское содержание» [3, с. 14]. Гераклит полагал, что речь людей в принципе способна правильно передавать объективную истину, однако это не означало, что между явлением и словом, его обозначающим, действительно существует природная органическая связь. Гераклит настаивает на том, что мы должны не столько слышать Логос, сколько внимать ему. Мы слышим не только слова, но и шелест листьев, плеск волны и т.п., но можно ли услышать невыразимое? Вот ответ самого Гераклита: «Одно, единственное знаемое не желает быть сказанным и в то же время вверяет себя сказанному как сказуемое в имени Зевса» [2, с. 304]. Логос нужно не просто слышать, в него надо вслушиваться. В ещё одном отрывке эфесский мудрец утверждает: «Таким образом, настоящее знание состоит в том, чтобы говорить и делать несокрытое, из вслушивания...» [2, с. 305]. Причём понятие «говорить» («ομιλοῦειν»), по свидетельству Хайдеггера, имеет здесь значение «говорить то же самое, что говорит кто-то другой» [2, с. 307]. Но кто этот Другой, кому следует научиться внимать?

Философская мысль средневековья нашла свой ответ на этот нелёгкий вопрос. Филон Александрийский, стремясь соединить две традиции – иудейскую и греческую – вносит новый оттенок в понимание важнейшего древнегреческого термина. Логос у Филона – это личность, имеющая посредническую функцию между непостижимым Богом и тварью. Логос – это разум Бога.

В дальнейшем Иоанн Богослов провозглашает, что Христос и есть Логос, только Логос Божественный. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [4, с. 111] – так звучит синодальный перевод евангельского текста. Но откровение – удел немногих избранных. Для прочих Логос в Новое время начинает всё более ассоциироваться с логикой. Но вряд ли это единственно возможное понимание, ведь логика не является «изначальным знанием» о Логосе. Тем не менее искания Логоса продолжались и в Новое время, в том числе и русской философией. В своей программной работе «Борьба за Логос» В. Ф. Эрн противопоставляет безличному неоническому западному «*ratio*» полнокровный и первозданный «Логос», который был присущ мышлению древних греков и оказался воспринятым русской философией с её онтологизмом. Согласно Эрну, «это не начало, в безразличии которого тонут все многообразия личности, это живая стихия, в которой личность раскрывается и углубляется» [5, с. 78]. Итак, в понимании Логоса появляется новый оттенок: в нём раскрывает себя личность во всём многообразии её свойств.

Поиски ускользающего Логоса продолжают и в наступившем столетии, в этом плане представляет, например, интерес недавняя работа А. Г. Дугина «В поисках тёмного Логоса: философско-богословские очерки». Современный русский философ среди поборников Логоса неожиданным образом называет Ницше, который, по словам Дугина, ставит очень важную проблему о возможности другого Логоса, при этом считает себя «учеником Диониса» и собственную философию тоже называет «дионисийской». По мнению Дугина, фигура Гераклита возникает на рубеже эпох господства Мифоса и становления Логоса, предтечей которого является древнегреческий философ. Логос возникает из Мифоса. Дионисийский Логос должен помещаться ниже Логоса аполлонического, ведь, по преданию, могила Диониса находилась под треножником Аполлона. Дионисийский Логос теснее связан с землёй, жизнью и страстью. Логос Гераклита – это, очевидно, переплетение Логоса светлого и Логоса тёмного. А. Г. Дугин справедливо замечает, что Логос Диониса – это Логос рождающийся, Логос же Аполлона – Логос родившийся и возмужавший. Вот как сам автор пишет об этом: «Дионис всё время рождается. В нём тайна всеобщего рождения, становления, твёрдого и гибкого одновременно, упругого движения в сторону солнца» [6, с. 491]. Конечно, Ницше зовёт не назад к Мифосу, а вперёд, к тайнствам тёмного Логоса. В самом деле, философию, начиная с Ницше, всё больше интересуется Логос рождающийся и становящийся.

Она в своей неклассической стадии возвращается к истокам. Важным является вопрос о структуре Логоса. Дугин очерчивает структуру светлого Логоса как «порядок, вертикальность, свет, чистота, неприкасаемость, сдержанность, собранность, самодостаточность, активность, кара за отклонение, суд» [6, с. 485]. О тёмном Логосе и его структуре говорить намного труднее, потому что он воплощает изначальное, недифференцированное мышление, не замкнутое в словесную оболочку.

Новые открытия и прозрения в философии связаны со становлением в XX в. философии экзистенциализма и применением феноменологического метода исследования. Речь идёт о принципиально новом понимании Логоса как «логоса телесности». Его различные интерпретации мы обнаруживаем в феноменологии языка А. Ф. Лосева и М. Мерло-Понти. Лосев толковал «логос телоса» как нисходящие вещные и силовые воплощения смысла. При этом Логос рассматривался им как уровень сознания, зависимый от эйдетики. Всё это не могло не сказаться и на понимании Лосевым логической сферы. Логика извлекает и разворачивает вовне внутреннюю смысловую структуру «положенного» субъекта эйдетического коммуникативного высказывания. Очевидно, речь у Лосева скорее всего идёт о «светлом» аспекте Логоса.

Что касается Мерло-Понти, то в своей «Феноменологии говорения» он придаёт важнейшее значение перцептивной и «телесной доминанте» бытия и выражающего её языка. В противоположность Лосеву, пониманию Логоса Мерло-Понти свойственна динамика, речь у него, вероятно, идёт о его тёмном аспекте. На вопрос о том, является ли тело вещью или идеей, философ даёт следующий нестандартный ответ: «тело – масштаб вещей» [7, с. 221]. Тело – поле сцепления вещей («плоти») и идеи. Свои воззрения, касающиеся «онтологии дикого бытия», Мерло-Понти излагает в итоговой работе «Видимое и невидимое». По словам Г. Степстада, современного исследователя творчества Мерло-Понти, отправной точкой истолкования французского философа является «*λέγειν*» (вербальная форма Логоса), с которой он связывает сцепление и значение, а конечным пунктом назначения для философии Мерло-Понти является «наиболее трудная точка» сцепления плоти и мысли – «непонятного сцепления».

Проблему Логоса Мерло-Понти называет «универсальной темой философии». Восприятие для него является значимым сцеплением человеческих сенсорных полей с полем мира в соответствии с перцептивной схемой, которая является разновидностью возникающего Логоса. Французский философ полагал, что об этом

перцептивном Логосе можно думать как о стиле, предполагающем определённое единство черт, таких как походка, рост, цвет волос и т.д. Итак, понимание тёмного Логоса приобретает в онтологии Мерло-Понти ещё одну важную характеристику – «стиль». Причём, по мысли философа, узнавание стиля Другого начинается с наших собственных телесных ощущений и движений: «Тактильные ощущения моей руки объединяются и связываются с зрительным восприятием этой самой руки, как и с восприятием других участков тела, со стилем её жестов, который подразумевает стиль движения моих пальцев и, с другой стороны, вносит свой оттенок и способ в движения моего тела. Тело можно сравнить не с физическим объектом, а, скорее, с произведением искусства» [8, с. 200].

В дальнейшем идеи, связанные с понятием стиля, для Мерло-Понти преобразуются в понятие «лингвистического жеста». Все возможности языка, он считает, уже даны в структуре безмолвного мира человека, в ней же есть все условия для того, чтобы наше говорение было нацелено на мир и адресовалось Другому. Особый интерес философ проявляет к нередуцируемой живой речи. В статье «О феноменологии языка» он отмечал, что наш язык неспособен полностью выразить все и вся. Закономерно поэтому встает вопрос о соотношении слова и его невербального «заменителя», прежде всего, жеста. В более поздних работах, в том числе итоговой работе «Видимое и невидимое», понятие «Логос» помимо стиля приобретает у Мерло-Понти новый смысл: «значение», «единство» одновременно «плоти вещей» и «плоти языка». Философ стремится охарактеризовать плоть при помощи того, чем она действует. Её действие он характеризует при помощи слова, взятого из биологии – «раскрытие», «распускание» (бутона или цветка). При этом то, что было скрытым, становится видимым. Плоть – это то, из чего состоят вещи, но это не материя и не субстанция, хотя ей и не чужды пространственные измерения и, в первую очередь, «глубина». Видимое и невидимое, внешнее и внутреннее, полость и поверхность находятся в постоянном движении, взаимодействии, пересечении, переплетении, обратимости, «хиазме».

По мнению современного исследователя творчества Мерло-Понти И. С. Вдовиной, взаимоотношение человека и мира в его концепции неразрывно связано со взаимоотношениями человека и человека, с тем, что в современной философии обозначается термином «интерсубъективность». Вдовина подчёркивает, что все возможности языка, в трактовке Мерло-Понти, «уже даны в структуре безмолвного мира человека, в

ней же есть все условия для того, чтобы наше говорение было нацелено на мир и адресовалось “Другому”» [9, с. 66].

Феноменологически понимаемый мир есть смысл, просвечивающий в пересечении опыта Я и опыта Другого, в их взаимном переплетении; при этом смысл неотделим от субъективности и интерсубъективности. Точка отсчёта общения с миром, по мысли Г. В. Мелихова, «иногда может начинаться не с мысли и не с бытия, но с простого человеческого опыта общения – значимого взаимодействия с Другим...» [10, с.199].

Без прорыва к Другому, без заключения с ним договора, предоставляющего Другому место во Мне, а Мне – места в Другом, без создания «междумирья», разделяемого Я с Другими, Я, взятое исключительно как мыслящее «*cogito*», перед которым Другие предстают как конституируемые им объекты, оказывается обреченным на объективизацию и отчуждение, полагает Мерло-Понти. Он считает, что без взаимности не существует *Alter Ego*, поскольку мир одного обволакивает мир Другого, так что один чувствует себя отчужденным в пользу Другого. Но парадоксальность и трагизм «существования с Другим» заключается в том, что это междумирье все равно является «моим» замыслом. Акт коммуникации, отчуждение Себя в пользу Другого, ожидаемая взаимность, обретаемое единство – всё это краткие, единичные вспышки смысла, обретаемые в результате попыток Я вырваться за пределы Себя Самого. Но именно в этом Мерло-Понти видит повод для оптимизма. Осознавая свою, в конечном счете, неизбежную замкнутость в себе, в своем теле и сознании и рефлексировав над ней, Я в результате строит солипсическую философию, но, даже делая это, Я допускает общность говорящих людей и адресуется к ней.

Всякое существование решительно внеположно Другому лишь тогда, когда оно пребывает в праздности и довольствуется естественным различием. Итак, смысл рождается в точке пересечения лингвистических стилей, жестов, мимики взаимодействующих субъектов. По мнению Мерло-Понти, не существует умопостигаемого мира, однако существуют язык, мышление и ощущающий мир, т.е. плоть, артикулируемая в речи. Хиазматическое переплетение нашей плоти и плоти мира вызывает речь. Плоть говорит, и мы говорим посредством неё. Значение выражения существует в дифференциациях и артикуляциях. Произносить речь – значит мыслить мысль. Мысль, таким образом, становится артикуляцией плоти. «Значащий» язык проговаривает Логос плоти. Мысль не предшествует речи, а воплощается в ней. Отношение между воспринимающим

субъектом и воспринимаемым объектом – значимый промежуток между ними – вот пространство возникновения Логоса. Логос – собрание плоти, понимания, речи.

Для прояснения своих идей Мерло-Понти обращается к древнегреческим понятиям *logos endiathetos* и *logos prophorikos*. Он вкладывает в эти термины собственное понимание. Для него *logos endiathetos* – «значение прежде логики», перцептивная открытость миру. Здесь он становится логикой, становится метафизикой. Так осуществляется связь между плотью и идеей. Мы касаемся идеи, которая не противоречит чувственному, не чужда плоти. Воплощённая идея – *logos endiathetos*, становясь видимой, так сказать, материализуется. *Logos endiathetos* взывает к выражению в речи. Безмолвный мир преобразуется в мир говорящий. Попытаемся в общих чертах наметить структуру тёмного Логоса: тьма, безмолвие, хиазма, глубина, сокрытость, взывание к Другому, амбивалентность, двусмысленность. По-видимому, обе ипостаси Логоса постоянно взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга, потому их нелегко уловить. Как связаны две эти непохожие и вместе с тем неразрывно сцепленные ипостаси Логоса? Думается, ключ к решению этой проблемы также можно найти в феноменологии Мерло-Понти.

Полеом выражения, медиативным «пространством между» безмолвным Другим и нарождающимся миром самости становится живое феноменологическое тело. Мерло-Понти напряжённо ищет доинтеллектуальную базу отношения человека и мира, человека и человека, пространство «первичной встречи». При этом философ склонен идентифицировать организм и мир с живым телом («феноменальным телом»). Речь в поздних работах Мерло-Понти идёт о человеке в его бытии, в его целостности, о том, что может быть обозначено греческим словом «*soma*», т.е. человек в его духовно-телесной целостности.

«Феноменальное тело», являясь посредником между бытием вещей и идеальными формами сознания, обладает такими характеристиками, как плотность, глубина, экзистенциальное «пространство». Безмолвное бытие «феноменального тела» находит своё воплощение в лингвистическом жесте и приобретает артикуляцию в речи. Между полюсами сказанного и несказанного происходит постепенная трансформация и изменение смысла. Философ делает вывод о том, что должно существовать некое «понимание до понимания». Этот уровень понимания наиболее явно проявляется в интерсубъективных формах поведения: в языке и в сексуальных отношениях. В своей феноменологии говорения Мерло-Понти

подчёркивает онтологическую значимость языка, полагая, что любое усилие поймать обитающую в слове мысль лишь оставляет на кончиках наших пальцев немного вербальной материи.

Речь, с его точки зрения, это момент, когда ещё молчащая и постоянно актуальная сигнификативная интенция обнаруживает себя способной включиться в культуру, мою собственную и культуру Другого, дать мне и Другому форму, трансформируя смысл культурного инструментария. Изначальный способ связи человека с миром осуществляется в процессе восприятия, являющегося одновременно актом самовыражения человеческой субъективности и конституированием культурного мира смысла. На наших глазах из безмолвного, содержащего в себе всё, мира Другого, носителя тёмного Логоса, возникает, разбухая и лопааясь, как распускающаяся по весне почка, мир человеческой субъективности, артикулированное, высказанное бытие.

Зарождающаяся мысль – это ещё не звук, не цвет, не запах, но тем не менее это нечто, воспринимаемое человеком и оставляющее след в его сознании, то, что служит зародышем того, из чего Гераклит выведет Логос, а его последователи, в том числе Мерло-Понти, будут наполнять выделенную им тончайшую оболочку всё новым содержанием. Логос существует как особая реальность в пространстве «между» феноменальными мирами вступающих в общение субъектов, в экзистенциальном поле межчеловеческой коммуникации.

На наш взгляд, эти новаторские идеи Мерло-Понти оказываются во многом созвучны концепции диалога культур В. С. Библера, в которой философ-диалогист выделяет два типа диалога: медиационный и инверсионный, в основе которых лежат две противоположные логики движения мысли. Инверсия – это логически мгновенное изменение значения смысла на противоположный. Инверсионность нацелена на сохранение устойчивости исторически сложившейся меры взаимопроникновения смыслов. Медиация в большей степени нацелена на поиск нового смысла за пределами полюсов дуальной оппозиции, ранее сложившихся ценностных представлений.

Итак, диалог изначально оказывается тем пространством, которое связывает и разъединяет два Логоса и даже диалога логики, если дело касается отдельных субъектов как носителей культуры. Сначала диалог понимался скорее как разделяющий надвое, теперь же, опираясь на этот термин, человечество стремится объединиться, преодолевая внутренние разногласия. С этой точки зрения, диалог инверсионного типа представляется как направленный на разделение, а

медиационный – как соединяющий. Очевидно, оба этих типа являются отражением различных сторон человеческого бытия.

В этой связи особый интерес приобретает трактовка понятия «диалог», предложенная В. А. Малаховым: «Зачастую диалог понимают как разговор двоих, противопоставляя полилогу как разговору многих, повод для такого суженного истолкования диалога даёт ошибочное прочтение греческого префикса, с которого начинается слово “διάλογος”, как “δι”, т.е. “двойной”, “дважды” (...), на самом же деле здесь имеем не “δι”, а “διᾶ” – приставку, указывающую на сквозное движение, проникновение, разделённое действие». Отсюда «диалог изначально выступает, скорее, как разделённый, ширящийся логос либо как то, что преодолевает пределы отдельного логоса, соединяя его с другим» [11, с. 256].

В настоящее время так называемый «коммуникативный разум», т.е. «интерсубъективное начало», приходит к осмыслению существования множественных миров со своей логикой. Разнообразии существующих сегодня «пониманий» и «самопониманий» приводит к необходимости сцепления этих «универсумов». При этом приоритетной является идея об осмыслении разнообразных миросопряжений в единое логическое пространство. В этих смысловых мирах решаются вопросы о том, что такое «истина вообще», что такое «понимание». Современная постнеклассическая философия постоянно находится в поисках языка самовыражения, дабы объединить наследие прошлого и проблематику современности, традиции и инновации. Думается, что без нового понимания Логоса, пусть и не трактуемого уже как некий Метадискурс, современной философии не обойтись. Новое понимание Логоса призвано будет преодолеть замкнутость и ограниченность отдельных логосов и осуществить их синтез на новом уровне.

Список литературы

1. Гераклит Эфесский : всё наследие : на языках оригинала и в рус. пер. / подгот. С. Н. Муравьев. М., 2012. 416 с.
2. Хайдеггер М. Гераклит. 1. Начало западного мышления. 2. Учение Гераклита о Логосе / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб., 2011. 503 с.
3. Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка. М., 2004. 506 с.
4. Библия. М., 1994. 303 с.
5. Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. 576 с.
6. Дугин А. Г. В поисках тёмного Логоса : философско-богословские очерки. М., 2013. 515 с.
7. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. Минск, 2006. 400 с.

8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 608 с.
9. Вдовина И. С. Морис Мерло-Понти : интерсубъективность и понятие феномена // История философии. Вып. 1. М., 1997. С. 59–69.
10. Мелихов Г. В. Открытость Другому : опыт введения в феноменологическую этику Э. Левинаса (не без помощи Л. Бессона) // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, вып. 5. С. 199–210.
11. Генрих Степанович Багищев / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. 335 с.

The Search for Logos: Between Darkness and Light

G. M. Kirillov

Penza State University

40, Krasnaya str., Penza, 440026, Russia

E-mail: gekir10@mail.ru

In the article in the diachronic perspective the attempt of understanding the dynamics of the concept of Logos in its two forms: the dark and light-on different stages of the development of philosophy is made. The general attention is given to the philosophy of Heraclitus, as well as the reception of the concept «Logos» by medieval Christian theology. The structure of each of the forms of the Logos proposed by Merleau-Ponty and A. G. Dugin is outlined. It has been proved that the ideas of Merleau-Ponty on possibility of mutual transition of two incarnations of the Logos are largely in tune with the concept of dialogue between cultures by V. S. Bibler. In conclusion it is affirmed that modern philosophy, searching for new ways of expression shouldn't avoid a new comprehension of the Logos.

Key words: bright logos, dark logos, logos endiathetos, logos prophorikos, intersubjectivity, Other, chiasm, inverse and mediated dialogue.

References

1. Heraclitus (of Ephesus). *Fragments*. Ed. by T. Robinson. Toronto, 1987. 214 p. (Russ. ed.: *Geraklit Efesskiy: vse nasledie: na yazykakh originala i v rus.per.* Ed. by S. N. Muravyev. Moscow, 2012. 416 p.).
2. Heidegger M. *Heraklit. Der Anfang des Abendlandischen Denkens Logik. Heraklits Lehre vom Logos (Sommersemester 1944)*. Frankfurt a/M., 1979. 503 p. (Russ. ed.: Haydegger M. *Geraklit. I. Nachalo zapadnogo myshleniya. 2. Ucheniye Geraklita o Logos.* Per. s nem. A. P. Shurbelev. St.-Petersburg, 2011. 503 p.).
3. Hrolenko A. T., Bondaletov V. D. *Teoriya yazyka* (The theory of language). Moscow, 2004. 506 p.
4. *Bibliya* (The Bible). Moscow, 1994. 303 p.
5. Ern V. F. *Sochineniya* (The Works). Moscow, 1991. 576 p.
6. Dugin A. G. *V poiskakh temnogo Logosa* (Searching for dark Logos). Moscow, 2013. 515 p.
7. Merleau-Ponty M. *Le visible et l'invisible*. Paris, 1964. 362 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Vidimoye i nevidimoye.* Per. s fr. O. N. Shparaga. Minsk, 2006. 400 p.).
8. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, 1945. 531 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya.* Moscow, 1999. 608 p.).
9. Vdovina I. S. Moris Merlo-Ponti: intersubektivnost i ponyatie fenomena (Moris Merlo-Ponti: Intersubjectivity

and the concept of the phenomenon). *Istoriya filosofii (History of Philosophy)*. Iss. 1. Moscow, 1997, pp. 59–70.

10. Melikhov G. V. Otkrytost Drugomu: opyt vvedeniya v fenomenologicheskuyu etiku E. Levinasa (ne bez pomoshchi L. Bessona) (Openness to the Other : the Experience of the Introduction to a Phenomenological

Ethics of E. Levinasa {not without the help of L. Besson}). *Uch. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*, 2007, vol. 149, iss. 5, pp. 199–210.

11. *Genrikh Stepanovich Batishchev* (Genrikh Stepanovich Batishchev). Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, 2009. 335 p.

УДК [1: 316] (430) + 929 Шелер

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ МАКСА ШЕЛЕРА: ПОЛИТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Ломако Ольга Михайловна — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: olga-lomako@yandex.ru

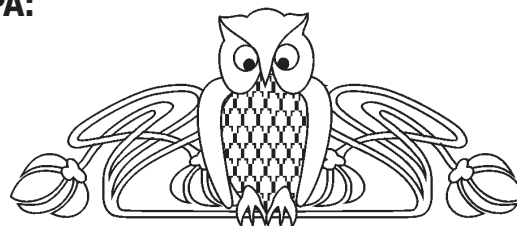
Статья посвящена анализу политических, этических и педагогических оснований бытия человека в социальной философии М. Шелера. Являясь по своей сути антропологической, эта философия направлена на историческое восприятие европейского общества в его социально-феноменологическом измерении. Понятия «человек», «жизнь», «политика», «война», «образование» раскрывают социально-политические истоки антропологического поворота Шелера в философии. Речь идет о необходимости рассмотрения образования как социального бытия человека, включающего разум и чувства, переживания и историческую память. Феноменология войны и власти связана с апологией любви и солидарности. Социально-философский анализ единства политики, этики и образования в процессе их исторической трансформации осуществляется через понятия «ценность», «уравнивание», «конвергенция».

Ключевые слова: немецкая философия, Шелер, феноменология, социальная философия, политика, этика, образование, война, история, духовная элита.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-267-271

Немецкий философ и социолог Макс Шелер известен как основоположник философской антропологии, как инициатор антропологического поворота западноевропейской философии 20-х гг. прошлого столетия. Однако проблема генеалогии антропологического поворота в творчестве М. Шелера, которая отправляет к социально-политическим истокам его антропологической концепции, остаётся мало исследованной и должна стать предметом социально-философского осмысления методом социальной феноменологии.

Своя собственная философская точка зрения появилась у М. Шелера только после его «знакомства» с феноменологией. Для него она стала инструментом, с помощью которого можно расширить предмет философии на сферы человеческой жизни, познаваемые в их непосредственной

данности. Здесь обнаруживается связь его метода с философией Э. Гуссерля и в то же время — отличие от неё. Если для Э. Гуссерля феноменология была научной основой философии, то для М. Шелера она являлась, в конечном итоге, лишь вспомогательным средством, которое можно применить в том случае, когда это необходимо для прояснения сути дела. Феноменология была и осталась для него только практическим инструментом, прежде всего, осмысления социальных феноменов действительности [1, с. 119–121]. К таким феноменам относятся политика и образование, поскольку поиск подлинного воспитания и образования, которые коренятся в социально-политических условиях и формах, становится насущной практической проблемой.

Называя среди основных «специфических монополий» человека такие свойства, как постоянное прямохождение и язык, изготовление орудий и науку, мораль и религию, образование государств и исторический прогресс, немецкий философ приходит к неизбежному выводу о том, что «быть человеком трудно». Человек — лишь «короткий праздник в огромной временной длительности универсальной эволюции жизни» [2, с. 31]. Он — «тупик» (как биологическое существо) и в то же время — «выход» (как существо духовное) [2, с. 26]. И этот «выход», по убеждению Шелера, невозможен без знания и образования.

Однако, вопреки тому, отмечает философ, что знание и образование «становятся центральными» для формирования человека, «никто не пытался дать философское, сущностное определение образования» [2, с. 20]. Исходя из двух идей — идеи личности как микрокосма и идеи

становления человека – он понимает образование как категорию бытия. Это значит, что образование, по Шелеру, не сводимо лишь к «учебной подготовке к чему-то», к профессии, к специальности, к любой производственной деятельности. Образование существует вовсе не ради такой учебной подготовки, поскольку его основная цель – полное развитие личности. Этой цели служит знание, поскольку само «знание есть бытийное отношение» [2, с. 39].

Принципиальный поворот к политико-педагогической тематике произошел у М. Шелера в период Первой мировой войны. В своём содержательном смысле он обозначал переход от абстрактных философских размышлений к практической реальности текущего времени. Философ приходит к выводу, что теория развивается только на почве действительного общения человека с миром. Рациональное осмысление реальности оказывается включенным во всеобъемлющую взаимосвязь чувств и настроений, во многом определяясь ими. Не случайно работа М. Шелера «Сущность и формы симпатии» посвящена анализу чувств не в психологическом, а в философском и педагогическом аспектах. С присущим ему радикализмом философ задаётся вопросом: правомерно ли подходить к оценке чувств с установленной заранее шкалой «негативные чувства – позитивные чувства»? Как правило, такие чувства, как радость, удовольствие, веселье и юмор, получают позитивную оценку, тогда как печаль, страдание и отчаяние оцениваются негативно. Согласно М. Шелеру, чувства и настроения не должны быть редуцированы к меткам на какой-либо оценочной шкале: они обладают множеством оттенков и поэтому могут каждый раз проявляться по-новому. При этом различение отдельных проявлений чувств, по убеждению философа, может представлять собой довольно трудную феноменологическую задачу [3, с. 45–46].

В период Первой мировой войны, выявляя «болевы́е точки» своей родины и своего времени, М. Шелер приступает к философскому анализу важнейших социально-политических явлений: войны, мира, воспитания, образования. Его социальная феноменология войны изначально антропологична и педагогична, так как призывает сохранять в себе *человеческое* в любых условиях, не поддаваться разрушительной ненависти. Задавая вопрос: «Как мы (немцы. – О. Л.) должны относиться к ненависти мира?», философ считает «этот вопрос важнейшим в его национально-педагогическом значении» [4, с. 145]. Для него совершенно очевидно, что однозначной реакцией должна стать «не ответная ненависть, а анализ и

критика причин этой ненависти», поскольку ни мужество, ни ненависть не заставляют человека вступать в войну, причиной агрессии является его страх, и потому основным врагом следует считать не самого человека, а его страх. Дело в том, что очень часто сам человек не осознает своего страха, действуя бессознательно, и даже не знает, почему он ведет войну. Ответная ненависть, полагает философ, недостойна человека.

Согласно М. Шелеру, война не вступает в противоречие с жизнью и с сущностью человека, так как она присутствует в самой его жизни и его сущности. Как и труд, война не обусловлена лишь биологическими законами и вовсе не означает некое бессилие разума, а определяется формами духовности, хотя имеет «жизненные корни» [5, с. 34]. Война для Шелера является лучшей школой жизни, поскольку в ней проявляются все силы человека, она – подлинная жизнь и вершина бытия. Находясь на грани жизни и смерти, человек получает возможность встретиться лицом к лицу с миром и с самим собой. Война – трудное «время учения» (*Lehrzeit*), это тяжёлая «работа», из которой надо извлечь жизненно важный урок: получить экзистенциальный опыт пограничной ситуации, духовную установку на то, что достойно человека, и преодолеть то, что недостойно называться человеческим. Философ последовательно проводит свою мысль, которая очень важна для понимания его жизненной социальной и политической позиции: чтобы остаться человеком, нельзя позволить всеразрушающей ненависти проникнуть в свое сердце.

Пожалуй, можно предположить, что позиция М. Шелера базируется на гераклитовском *λόγος* – войне как отце всех вещей. С этой точки зрения, *λόγος* в любом случае лучше спора и ещё лучше изначального выявления различий. Именно на этом понятии основаны концепции современных философов, особенно «чувствительных» к понятиям власти, силы, господства – Э. Гуссерля, Ж. Деррида, Э. Левинаса, М. Фуко [6, с. 241]. Человек, полагает М. Шелер, впервые создает строгие нормы человеческого общежития как «организованные отношения господства». Результатом их развития становится государство, где более или менее полно реализуются отношения войны и мира, поскольку одни формы власти и господства над природой и людьми неизбежно сменяются другими формами [7, с. 2]. Согласно интерпретации Шелера, война представляет собой такое общественное проявление социального бытия, в котором происходит рождение нового через уничтожение старого. Утверждая человеческое бытие, война предполагает и его разрушение. Именно поэтому

она составляет в своей сути «динамический принцип истории», тогда как мир (Frieden), напротив, воплощает противоположный для человека «статический принцип».

Социальная философия М. Шелера, осуждавшая все формы классовой борьбы, «европейскую войну» оценивала как важный воспитательный фактор. Рассматривая войну как человеческую работу и как опыт преодоления сопротивления вещам, который несводим к чисто биологическому отношению, философ вскрывает духовные истоки войны. Он видит их в изначальном стремлении самой жизни к самоутверждению, власти и господству: «Истинные корни войны заключаются в том, что жизни самой по себе, независимо от специфических форм ее проявления, изначальна присуща тенденция к усилению, росту, разворачиванию своих разнообразных и разносторонних функций» [5, с. 31]. Прежде всего, «воинственность» и «милитаризм» означают для М. Шелера духовно-деятельную позицию молодежи, отрицающую не только буржуазное господство, но и любую централизацию власти. Под «милитаризмом образа мыслей» философ понимает интеллектуальное движение «сверху», восприятие и осмысление жизни в новом антибуржуазном и в то же время антипролетарском духе. Как буржуазия, так и пролетариат, согласно социально-философской концепции М. Шелера, олицетворяют «дух денег», в котором проявляются материальные и экономические инстинкты. «Не снизу, из материи, инстинкта, но только лишь сверху, из духа любви, из Бога можно прийти к согласию и единению» [5, с. 402] – делает вывод философ.

Новый мир возникает из кризиса не через рациональный порядок бытия как таковой, а через государство как волю целого и через духовное творчество как познание сути, только следуя этим двум направлениям, человек может обрести себя. При этом государство представляет собой лишь возможность для такого обретения. Прежде всего, необходимо личное духовное творчество [8, с. 22]. Для Шелера личность не есть конкретный индивидуум только потому, что она обладает целым рядом определённых свойств, или потому, что она занимает определенное место в конкретном пространстве-времени. Личность есть конкретный индивидуум постольку, поскольку она должна осуществить в своей жизни исключительно индивидуальную задачу, исходя из тех ценностей, которые, по существу, этой определённой личности уже даны как обязанность. В осуществлении этой задачи наибольшее значение имеет любовь. Через неё происходит понимание высших ценностей, необходимых именно этой личности. Истинная

любовь выходит за границы фактического бытия личности и рассматривает его в свете ценностей, которые она и только она может реализовать в жизни. Поэтому любовь никогда не бывает абстрактной, а всегда представляет индивидуума в своей единственности. Из этого Шелер делает вывод, что высшим этическим идеалом никогда не бывает изолированная от общества личность, а только общность солидарных личностей, каждый раз признающих свою индивидуальность. Такое солидарное общество будет признавать ценности, присущие каждому индивидууму, и одновременно требовать от него следовать обязанностям, касающимся других. М. Шелер верил, что этот этический идеал можно обосновать только феноменологическим методом [1, с. 130].

Реформа образования, точнее, университетского образования обусловлена для М. Шелера верой в мировоззренческую и даже в миротворческую силу воспитания и образования, которые способны оздоровить и преобразовать общество. Так, в статье «Внутренние противоречия немецких университетов» философ отмечал «несоответствие между обучением по специальности, с одной стороны, и воспитанием – с другой. Он предлагает введение новых, более жизненных специальностей, а также учебных курсов, дающих знание о жизни восточных стран; формирование в университете атмосферы товарищества преподавателей и студентов, исключая авторитаризм со стороны первых» [9, с. 123]. Любое классовое и экономическое давление философ считал несовместимым со свободным духом университета.

М. Шелер рассматривал человека как открытое миру существо, и эта открытость определяется, прежде всего, тем, что человек есть изначальное существо *любящее*. Любовь – тот первоначальный акт, посредством которого сущее покидает себя самое, не переставая при этом оставаться сущим. Любовь, делает вывод философ, пробуждает к познанию и воле [10, с. 352]. Так, философия войны становится апологией любви. «Нет такой силы, которая создаёт любовь, – отмечает философ. – Ни война, ни мир её не создают. Но потребность в любви намного больше во время войны» [7, с. 8].

В социальной философии М. Шелера задаются иные, по сравнению с классической философией, нормы понимания человека: его невозможно рассматривать как некий «факт», ибо он есть «процесс» истории. Война интерпретируется им как «новая атмосфера переживания», как «совместное переживание жизни с другими», как «воздух истории по сравнению с воздухом социальных состояний» [7].

В своём программном докладе «Der Mensch im Zeitalter der Nivellierung» («Человек в эпоху уравнивания») Шелер рассматривает важную социально-политическую проблему Германии, формулируя её в двух основных целях государственной политики: во-первых, преодоление «извечной немецкой трагической *противоположности власти и духа*, во-вторых, возрождение духа через немецкую *элиту*. При этом он считает заблуждением рассмотрение демократии и элиты как противоположностей. Ссылаясь на точку зрения В. Парето, согласно которой независимо от формы государства история есть «циркуляция элит», М. Шелер раскрывает специфику соотношения демократии и элиты. Демократия, не создавая сама противоречия, лишь более открыто и более беспощадно «срывает покровы» с уже существующих социально-исторических противоречий любой социальной группы, будь то род, класс или партия. Раскрывая эти противоречия, демократия более чётко определяет стоящие перед элитой задачи [11, с. 98].

И вновь основной задачей философ считает развитие образования, конкретнее – соединение в лице элиты образованности и силы. Он раскрывает генеалогию политических элит, которые «никогда не возникают непосредственно из самой политической сферы, а рождаются из новых *духовных* и в то же время увлечённых новым ощущением *жизни* движений, чтобы потом постепенно вращаться в политическую сферу» [11 с. 99]. Несомненным и очевидным Шелер считает тот факт, что элита уже никогда не сможет быть кровно-родственной элитой, передаваемой по традиции. Необходимыми условиями развития новых социально-политических отношений философ представляет единство национального образования и понимания истории, без которых невозможны свободная демократическая дискуссия и формирование парламентской общей воли.

Трудность заключается в том, что, не являясь более традиционно кровно-родственными, элиты в то же время не возникают из определённого класса или профессиональной группы. Каковы же в таком случае истоки происхождения элит? Философ определённо отвечает на этот вопрос: те элиты, которые в какое-то время выполняют функцию «мудрого распорядителя каким-либо политическим или культурным достоянием, и которым само время говорит “Твори!”», должны созреть в таинственной глубине самого народа, созреть долго, не показываясь на свет преждевременно» [11 с. 100]. В наше время, отмечает он, это представляется возможным через слияние различных «кругов», образующихся вокруг лидирующих личностей.

Характеризуя задачу наступающей мировой эпохи как «уравнивание», Шелер имел в виду уравнивание почти всех специфических особенностей, которые свойственны социальным группам, подразумевая, в том числе, преодоление расовой напряжённости, «уравнивание менталитетов» в больших культурных кругах, прежде всего Азии и Европы, уравнивание капитализма и социализма, «*мужского и женского* типов духа в их борьбе за господство над человеческим обществом» и, конечно, «уравнивание специального научного знания и образования человека» [11, с. 106]. При этом уравнивание как «*неотвратимая судьба* человечества» должно быть направлено таким образом, чтобы оно «соответствовало ценностному росту вида “человек”» [11, с. 107]. Именно это философ считает первостепенной задачей всякой политики, поскольку начиная с «первого общего переживания человечества», которым явилась Первая мировая война, эпоха постоянно нарастающей партикуляризации сил уступила место эпохе универсализации или уравнивания сил.

При этом философ совершенно определённо предостерегает: не эпохи застоя и возрастающей напряжённости и не эпохи партикуляризации сил, а именно эпохи выравнивания являются самыми опасными и сопровождаются разрушениями, смертью и слезами. В связи с этим важнейшей политической задачей он считает такое управление процессом выравнивания, которое могло бы свести неизбежные разрушения к минимуму. При этом немецкий философ возлагает большие надежды на возможность управления социальными процессами и на тот потенциал, который объединит человечество. Его исследования «эпохи тотального выравнивания» послужили методологическим и концептуальным базисом теорий конвергенции и социального партнерства.

Путь к высшим ценностям был представлен им не как акт обращения или просвещения, а как сложный культурно-исторический процесс становления, включающий эмоциональное и рациональное, духовное и телесное, индивидуальное и социальное. Попытка рассмотреть человека как самостоятельную философскую проблему связана у М. Шелера с его политико-педагогическими воззрениями. Социально-феноменологическое рассмотрение войны, мира, образования позволило понять человека во всей его конкретности и определить цели его бытия, значительно расширив методологическую базу философского исследования: нормы социального бытия и познания должны не задаваться формально-логически, а определяться самой человеческой жизнью.

Список литературы

1. *Lübcke P.* Max Scheler : Wert und Person // Philosophie im 20. Jahrhundert : in 2 bd. Bd. 1. Phänomenologie, Hermeneutik, Existenzphilosophie und Kritische Theorie / A. Hügli und P. Lübcke (Hg.). Reinbeck bei Hamburg, 1992. 587 S.
2. *Шелер М.* Формы знания и образования // *Шелер М.* Избр. произв. М., 1994. С. 15–56.
3. *Scheler M.* Wesen und Formen der Sympathie. Frankfurt/Main, 1948. 287 S.
4. *Scheler M.* Die Ursachen des Deutschenhasses. Eine national-pädagogische Erörterung. Leipzig, 1919. 158 S.
5. *Scheler M.* Politisch-pädagogische Schriften // *Gesammelte Werke* : in 15 bd. Bern ; München, 1982. Bd. 4. 717 S.
6. *Brücher G.* Fragen über Krieg und Frieden // *Philosophische Rundschau*. 2006. Bd. 53, heft 3. S. 236–262.
7. *Scheler M.* Krieg und Aufbau. Leipzig, 1916. 429 S.
8. *Löwith K.* Heidegger-Denker in dürftiger Zeit : zur Stellung der Philosophie im 20. Jahrhundert // *Sämtliche Schriften* : in 9 bd. Stuttgart, 1984. Bd. 8. 298 S.
9. *Ломако О.М.* Генеалогия воспитания : философско-педагогическая антропология. СПб., 2003. 264 с.
10. *Шелер М.* Ordo amoris // *Шелер М.* Избр. произв. М., 1994. С. 341–377.
11. *Шелер М.* Человек в эпоху уравнивания // *Шелер М.* Избр. произв. М., 1994. С. 98–128.

Social Philosophy of Max Scheler: Political and Pedagogical Aspects

O. M. Lomako

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

The paper is devoted to the analysis of political, ethical and pedagogical grounds of a man's being in the social philosophy of Max Scheler. Actually her philosophy can be considered the anthropological philosophy and thus it focuses on historical perception of European society in social-phenomenology dimension. The concepts of the philosophy «human», «life» «war», «education» reveal socio-political origins of the anthropological turn in the philosophy of Scheler. It is about the need to consider education as a social human being, including the mind and feelings, experiences and historical memory. Phenomenology of war and power is related with the apology of love and solidarity. Social-philosophical analysis

of interrelation between the policy and ethics in the process of their historical transformation is revealed through such concepts as «value», «equalization», «convergence».

Key words: German philosophy, Scheler, phenomenology, social philosophy, policy, ethics, education, war, history, spiritual elite.

References

1. Lübcke P. Max Scheler: Wert und Person(Value and person). *Philosophie im 20. Jahrhundert*: in 2 Bd. Bd. 1. *Phänomenologie, Hermeneutik, Existenzphilosophie und Kritische Theorie* (Philosophy in the 20 century: in 2 vol. Vol. 1. Phenomenology, Hermeneutics, Existential Philosophy and Critical Theory). Eds. A. Hügli und P. Lübcke. Reinbeck bei Hamburg, 1992. 587 p.
2. Sheler M. Formy znaniya i obrazovaniya (Forms of knowledge and education). Sheler M. *Izbr. proizv.* (Selected works). Moscow, 1994, pp. 15–56.
3. Scheler M. *Wesen und Formen der Sympathie* (Essens and forms of sympathy). Frankfurt/Main, 1948. 287 p.
4. Scheler M. *Die Ursachen des Deutschenhasses. Eine national-pädagogische Erörterung* (The Reasons for Hatred of the Germans. A National-Pedagogical Discussion). Leipzig, 1919. 158 p.
5. Scheler M. Politisch-pädagogische Schriften (Political and Pedagogical Writings). *Gesammelte Werke*: in 15 Bd. (Collected works: in 15 vol.). Bern; München, 1982. Vol. 4. 717 p.
6. Brücher G. Fragen über Krieg und Frieden (Questions about war and peace). *Philosophische Rundschau* (Philosophical review), 2006, vol. 53, part 3, pp. 236–262.
7. Scheler M. *Krieg und Aufbau* (War and construction). Leipzig, 1916. 429 p.
8. Löwith K. Heidegger-Denker in dürftiger Zeit: zur Stellung der Philosophie im 20. Jahrhundert (Heidegger-thinkers in less time: The position of philosophy in 20 Century). *Sämtliche Schriften*: in 9 Bd. (Complete set of works: in 9 vol.) Stuttgart, 1984. Vol. 8. 298 p.
9. Lomako O.M. *Genealogiya vospitaniya: filosofsko-pedagogicheskaya antropologiya* (Genealogy of education: Philosophical and pedagogical anthropology). St.-Petersburg, 2003. 264 p.
10. Sheler M. Ordo amoris (The Order of Love). Sheler M. *Izbr. proizv.* (Selected works). Moscow, 1994, pp. 341–377.
11. Sheler M. Chelovek v epokhu uravnivaniya (People in the era of equalization). Sheler M. *Izbr. proizv.* (Selected works). Moscow, 1994, pp. 98–128.

УДК 165.4

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНО РАЗЛИЧАЕМАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

Мартынович Сергей Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: sfmart@mail.ru

Статья посвящена осмыслению проблемности исследований в области философии науки. Предлагается определение понятия философии науки, исходящее из понимания её вовлеченности в исторический контекст традиции мышления бытия. Философия науки понимается как исторически определяемый процесс и результат систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению феномена науки, истории науки. На этой основе аргументируется, что концептуально различаемая и исторически определяемая множественность проблем философии науки предполагает такие подмножества, как проблемы метафизики науки и проблемы неметафизического дискурса относительно природы науки, проблемы онтологии и эпистемологии науки, аксиологии, методологии и праксиологии научного исследования.

Ключевые слова: понятие философии науки, метафизика науки, неметафизическая философия науки, онтология науки, эпистемология науки, аксиология науки, методология науки, праксиология науки.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-272-276

Осмысление специфики проблемности исследований в области философии науки необходимо для самоопределения этой, ставшей уже исторической, традиции. Определение понятия философии науки, исходящее из понимания её вовлеченности в исторический контекст традиции мышления бытия, открывает перспективы для концептуально осмысленной универсализации философских исследований природы науки.

В свете исторического опыта традиции мышления бытия философия науки может быть понята как исторически определяемый процесс и результат систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению феномена науки, истории науки. Это конвенционально предлагаемое определение философии науки имеет конкретные последствия.

В контексте традиции мышления бытия, сформировавшейся в античной Греции и продолжающейся третье тысячелетие, оформились такие способы её реализации, как метафизика и неметафизический дискурс, онтология, эпистемология и аксиология, методология и праксиология. В их структурах исторически концептуально различаемая множественность проблем тради-

ции мышления бытия предзадает дифференцированную целостность смыслов, определяющих возможности осмысления определённых ареалов опыта бытия человека в мире. Это относится и к осмыслению исторического опыта научного познания. Следовательно, множественность проблем философии предполагает такие подмножества проблем философии науки, как проблемы метафизики науки и проблемы неметафизического дискурса относительно природы науки, проблемы онтологии науки и эпистемологии науки, аксиологии науки, методологии и праксиологии научного исследования.

В метафилософских дискуссиях проясняется понимание статуса метафизики науки, её отношения к другим областям философии науки. В традиции концепт метафизики восходит к тексту Аристотеля, известному под названием «Метафизика». «Σοφία» (мудрость), «Πρώτη φιλοσοφία» (первая философия), «наука» о «бытии qua бытии» повествует о принципах, причинах, субстанциях, бытии, сущности, материи, форме... Современные интерпретации акцентируют ряд смыслов. Πρώτη φιλοσοφία, поименованная традицией как метафизика, осмыслялась как теология, как общая онтология, общая наука о причинах, о субстанции, об основных логических принципах, об актуальном и потенциальном бытии [1, р. 53–68]. Концепты *οντος*, *θεος*, *λογος* (being, God, reason – бытие, Бог, логос) исторически составили генетическую структуру концепта метафизики. Их общее свойство состоит в том, что они являются конструируемым продуктом и предметом «чистой» мысли. Их предметные миры не даны в опыте.

История традиции мышления бытия была в определённом смысле историей соотношения метафизического и неметафизического дискурсов. Поскольку метафизика осмыслялась её адептами как смысловой центр теоретической философии, постольку определение её смысла значимо для понимания философии, онтологии, эпистемологии, аксиологии, методологии и праксиологии.

Систематические размышления об этих областях мыследеятельности привели к формиро-

ванию направлений, определённых концептом «meta» – метафилософия, метаонтология, метаэпистемология, метааксиология, метаметодология. Особый интерес для понимания статуса метафизики науки представляют идеи, аргументы и вопросы, обсуждаемые в контексте метаметафизики [2, р. 1–36]: как следует понимать статус и основания метафизики? В чём специфика её языка? Какова семантика её терминов и утверждений? Разрешимы ли её задачи?

Аргументируется позиция, согласно которой метафизика науки в определённом смысле может быть понята как предшественница эпистемологии науки. Метафизика науки в такой версии имеет дело с ненаблюдаемыми частями мира, описываемого научными теориями, а эпистемология науки отнесена к оценке специфических методов, используемых для генерации научных утверждений, для их обоснования. Влияние антиметафизической ориентации критического позитивизма, логического позитивизма, логического эмпиризма вело к элиминации метафизической проблематики, возникающей при обсуждении аргументов научного реализма. Осмысление принципов реалистического истолкования научного познания и знания соотносится с необходимостью экспликации метафизических смыслов, выполняющих роль смысловых контекстов познавательной деятельности учёных. Убеждённость современных философов науки в том, что установки научного реализма могут обеспечить концептуально самосогласованное движение научного познания, сталкиваются с аргументами антиреалистического, инструменталистского подхода к проблемам философии науки.

Дискуссионными являются ответы различных концепций на вопросы, которые конституируют тематику философии науки. *Онтологический вопрос* есть вопрос о реальности, существующей независимо от сознания. *Семантический вопрос* – о том, можно ли толковать смыслы теории буквально. *Эпистемологический вопрос* – о научном знании. А. Чакравартти реконструировал ответы на эти вопросы, которые давались с позиций, соответственно, реализма, конструктивного эмпиризма, скептицизма, логического позитивизма (логического эмпиризма), традиционного инструментализма и идеализма. Реализм на все три вопроса отвечает положительно. Конструктивный эмпиризм отвечает положительно на онтологический и семантический вопрос. Ответы на эпистемологический вопрос дифференцированы: о наблюдаемом знании возможно, о ненаблюдаемом – нет. Скептицизм отвечает положительно на онтологический и семантический вопросы. Ответ на эпистемоло-

гический вопрос оказывается отрицательным. Логический позитивизм (логический эмпиризм) затрудняется (воздерживается) от ответа на онтологический вопрос. Ответы на семантический вопрос дифференцированы: о наблюдаемом смысле теории толковать буквально возможно, о ненаблюдаемом – нет. Ответ на эпистемологический вопрос положительный. Традиционный инструментализм на онтологический вопрос даёт положительный ответ. Ответы на семантический вопрос дифференцированы: о наблюдаемом смысле теории толковать буквально возможно, о ненаблюдаемом – нет. Ответы на эпистемологический вопрос также дифференцированы: о наблюдаемом знании имеется, о ненаблюдаемом – нет. Идеализм даёт отрицательные ответы на онтологический и семантический вопросы, ответ на эпистемологический вопрос положительный [3, р. 10].

Суть метафизики науки предлагается выражать с позиций реализма в тезисах о том, что в её контексте явления объясняются в терминах языка вещей, лежащих в основе наблюдаемого. Это с необходимостью предлагает определённые спекуляции о ненаблюдаемом. Критическая установка эмпиризма в таком случае выражается посредством отрицания этих тезисов метафизики науки. Его позитивная установка сводится к восприятию методов самой науки в качестве модели, применяемой для исследования проблем философии науки.

Современные дебаты в сфере метафизики науки основываются на осмыслении проблем, свойственных новоевропейской философии. Д. Юм, например, предполагал, что базовый уровень реальности составляют события как логически независимые, темпорально обусловленные сущности. Объекты здравого смысла, причинные отношения, законы природы мысленно конструировались языком событий. И. Кант, оппонируя Юму, полагал, что темпорально обусловленные сущности не являются базовым уровнем реальности. Этот уровень сам нуждается в объяснении [4, р. 428]. В научной метафизике Ч. С. Пирса, наследующей аналогичную тематику, осмысливается природа случайности, закона, эволюции [5].

Проблематика метафизики науки конкретизируется посредством перехода к проблематике метафизики, скажем, физики. Физические теории содержат неэмпирические компоненты. К ним относятся, например, принятые стандарты измерения физических величин, конвенции относительно скорости света. В этом ряду и определённые метатеоретические принципы: метафизические идеи относительно структуры эмпирической реальности, законов природы. Эмпиризм и рационализм есть те концептуальные «основания», из которых могут исходить метатеоретические

принципы физических теорий. В классическом детерминизме, например, мотивированном рационализмом, полагается, что эмпирическая реальность однозначно детерминирована, в квантовой механике, напротив, актуализирована идея неопределённости.

Метафизические идеи порядка природы мотивировали принципы симметрии, использованные в ходе критики понятий абсолютного пространства и абсолютного времени, принятых в «Математических началах натуральной философии» И. Ньютона. Идеи рационального порядка мира явлений гармонируют с методологическими принципами единства и простоты законов физических теорий [6, pp. 31–38].

Трудности в различении эмпирических и неэмпирических элементов физических теорий актуализируют дискуссию по пересмотру исходной концепции метафизики, смыслы которой трактуются как неэмпирические.

В современных публикациях складывается понимание того, что к тематике метафизики науки относятся принципы и законы научных теорий, природа которых осмысливается в дебатах эмпиризма и научного реализма, продолжающихся в области философии науки не менее двух последних столетий [7, p. 9–48]. Проблемы неметафизического дискурса относительно природы науки связываются с аргументами эмпиризма вообще, логического эмпиризма и конструктивного эмпиризма в особенности.

Проблемным является понимание соотношения метафизики науки и онтологии науки. Онтология в философии понимается как репрезентация реальности, как теория общих свойств реальности, включающая исследование категорий, а также анализ общих законов, принципов, например, принципа причинности [8, p. 6]. Онтология науки включает всё множество дескриптивных терминов языка науки, репрезентирующих определённые реальности, выражает научные смыслы, претендующие на вовлечённость в ответ на вопрос науки о том, что реально существует (в реальном пространстве и времени). Вопрос о существовании объектов научного познания – вопрос онтологии науки. Всё, что существует, может быть предметом научных репрезентаций и концептуализаций, фиксируемых в языке науки. Онтологические смыслы языка научных объяснений, например, эволюционировали от языка вещей к языку событий [9]. При этом важно отметить, что события научных наблюдений составляют слой онтологических смыслов, непосредственно связанных с чувственным опытом.

Если в контексте онтологии науки осмысливается соотношение, скажем, детерминизма и

индетерминизма, то в контексте метаонтологии науки ставятся вопросы об условиях возможности нового понимания реальности, осмысливаются интересующие возможности самой онтологии науки [10, p. 77–89].

Аксиология науки формируется как исследование оценочно-ценностного отношения человека к миру с точки зрения того, как в контексте оценки ценности вещей (всего того, что может быть поименовано) осуществляется процесс научного познания. Оценки и ценности, идеалы и нормы различаются как социокультурные и эпистемические, находящиеся во взаимосвязи. Научная рациональность, например, осмысливается одновременно и как эпистемическая ценность, и как ценность культуры. Различные оценки ценности научного знания в целом (сциентизм, антисциентизм) соотносятся с осмыслением того, как любой процесс, любая познавательная функция (описание, объяснение, предсказание, обоснование, наблюдение, измерение, экспериментирование...) регулируются в деятельности научного сообщества определёнными идеалами и нормами их осуществления [11, p. 44–59].

Сопряженность аксиологии науки с другими аспектами философии науки эксплицируется при исследовании проблематики научной рациональности. Динамическая соотнесённость в практике научного исследования фактуальных, методологических и аксиологических утверждений выражается в различных моделях рациональности, в том числе в «иерархической», «сетчатой» [12, p. 23–41, 62–66]. Возобновляющиеся попытки рационально представить способ взаимосвязи этих типов утверждений науки выявляют как сложность самой проблемы, так и их неустрашимость из ткани научных дебатов. Актуальной проблемой современной аксиологии науки является проблема оценки ценности научного знания, соотношение знания и понимания. Является ли ценность научного знания абсолютной или возможные и действительные оценки этой ценности контекстуальны, вписаны в контексты определённых ситуаций, определённых культур?

Проблематика философии науки конкретизируется посредством взаимосвязи, сходств и различий проблематики аксиологии науки и эпистемологии науки. Вторая включает темы знания, истины и обоснования в качестве конституирующих её содержание проблем. Научные факты, законы и теории осмысливаются с точки зрения определённых типов рациональности научного исследования. В их контекстах формируются идеалы научного знания, представления о его истинности и обоснованности. Глубинные трудности в осмыслении понятий «знание», «истина»

«обоснование», выявленные в соответствующих многообразных концепциях, их историческая эволюция указывают на идеализирующий характер самих концепций, на специфическую предпосылочность их исходных установок.

Научные исследовательские программы и парадигмы научного исследования как концепты философии науки, ориентированные на опыт истории научного познания, систематически вводят проблематику методологии и праксиологии науки. Оппозиции монизма и плюрализма, дескриптивизма и прескриптивизма в методологии науки актуализируют проблематику выявления конвенциональных компонентов, функционирующих в практике научных исследований. Открытия конвенциональной определенности систем аксиом в структуре аксиоматических теорий, выявление конвенций относительно включения новых фактов в контексты научных дискурсов конкретизируют понимание соответствующих аспектов методологии современной науки.

Осмысление соотношения знания и понимания вводит телеологическую проблематику в контексты философии науки. Возможно ли осмысление соотношения знания и понимания с точки зрения соотношения цели и средств? Является ли знание средством для достижения понимания? Если так, то научное познание мира человеком осуществляется для понимания как мира, так и человека с его отношениями к миру. Или понимание есть необходимое условие возможности производства нового научного знания о мире и человеке?

Выявляемая взаимозависимость научного познания и понимания, свойственная научному поиску, соотносится с идеей ценности жизни, осмысляемой как предельное основание оценки и переоценки ценности «вещей», ценности научных знаний.

Осмысление проблемности исследований в области философии науки, исходящее из понимания её вовлеченности в исторический контекст традиции мышления бытия, открывает возможности для систематического применения философии к осмыслению науки. Если философия науки понимается как исторически определяемый процесс и результат систематического применения всего смыслового потенциала философии к осмыслению феномена науки, истории науки, то тогда не возникает соблазна редукции её проблематики к одному из разделов философии. Или иначе: концептуально различаемая и исторически определяемая множественность проблем философии науки предполагает такие подмножества, как проблемы метафизики науки и проблемы неметафизического дискурса отно-

сительно природы науки, проблемы онтологии и эпистемологии науки, аксиологии, методологии и праксиологии научного исследования.

Список литературы

1. *Furley D.* From Aristotle to Augustine. L. ; N.Y., 1999. 462 p.
2. *Metametaphysics.* New essays on the foundations of ontology. Oxford ; N.Y., 2009. 529 p.
3. *Chakravartty A.* A metaphysics for scientific realism. Knowing the unobservable. Cambridge ; N.Y., 2007. 251 p.
4. *Watkins E.* Kant and the metaphysics of causality. Cambridge ; N.Y., 2005. 452 p.
5. *Reynolds A.* Peirce's scientific metaphysics : the philosophy of chance, law, and evolution. N.Y., 2002. 228 p.
6. *Falkenburg B.* Particle metaphysics. Berlin ; Heidelberg ; N.Y., 2007. 386 p.
7. *Dilworth C.* The metaphysics of science. An account of modern science in terms of principles, laws, and theories. Dordrecht, 2006. 333 p.
8. *Bunge M.* Causality. The place of the causal principle in modern science. Cambridge, 1959. 380 p.
9. *Humphreys P. W.* Scientific explanation // Scientific explanation. Minneapolis, 1989. P. 288–293.
10. Философия науки. Вып. 14. Онтология науки. М., 2009. 276 с.
11. *Kvanvig J. L.* The Value of knowledge and pursuit of understanding. Cambridge ; N.Y., 2003. 216 p.
12. *Laudan L.* Science and Values. The aims of science and their role in scientific debate. Berkeley ; Los Angeles ; L., 1984. 149 p.

Problems of the Philosophy of Science as a Conceptually Different Multiplicity

S. F. Martynovich

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: ssmart@mail.ru

The paper considers problematical studies in the field of philosophy of science. It proposed a definition of philosophy of science that comes from an understanding of its involvement in the historical context of the tradition of being thinking. Philosophy of science is understood as a historically defined process and the result of the systematic application of all sense-building philosophy to understanding the phenomenon of science, history of science. On this basis, argued that conceptually different and historically determined by the multiplicity of the problems of philosophy of science suggested a subset of such as problems of metaphysics of science, problems non-metaphysical discourse about the nature of science, the problems of ontology and epistemology of science, axiology, and methodology of scientific research.

Key words: concept of the philosophy of science, metaphysics of science, non-metaphysical philosophy of science, ontology of science, epistemology of science, axiology of science, methodology of science, praxeology of science.

References

1. Furley D. *From Aristotle to Augustine*. London; New York, 1999. 462 p.
2. *Metametaphysics. New Essays on the foundations of ontology*. Oxford; New York, 2009. 529 p.
3. Chakravartty A. *A metaphysics for scientific realism. Knowing the unobservable*. Cambridge; New York, 2007. 251 p.
4. Watkins E. *Kant and the metaphysics of causality*. Cambridge; New York, 2005. 452 p.
5. Reynolds A. *Peirce's scientific metaphysics: the philosophy of chance, law, and evolution*. New York, 2002. 228 p.
6. Falkenburg B. *Particle metaphysics*. Berlin; Heidelberg; New York, 2007. 386 p.
7. Dilworth C. *The metaphysics of science. An account of modern science in terms of principles, laws, and theories*. Dordrecht. 2006. 333 p.
8. Bunge M. *Causality. The place of the causal principle in modern science*. Cambridge, 1959. 380 p.
9. Humphreys P. W. *Scientific explanation // Scientific explanation*. Minneapolis, 1989, pp. 288–293.
10. *Philosophiya nauki. Vip. 14. Ontologiya nauki* (Philosophy of science. Iss. 14. Ontology of science). Moscow, 2009. 276 p.
11. Kvanvig J. L. *The Value of knowledge and pursuit of understanding*. Cambridge; New York, 2003. 216 p.
12. Laudan L. *Science and Values. The aims of science and their role in scientific debate*. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. 149 p.

УДК 172.1

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА В ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

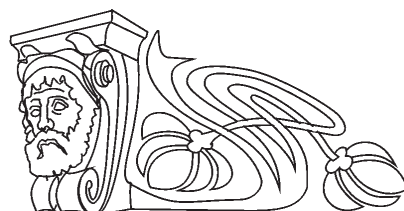
Миронов Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры исторических, философских и социальных наук, Севастопольский государственный университет. E-mail: andreyvmironov@gmail.com

В статье рассматривается становление идеи патриотизма в греческой философии. Представлены исторические, социальные, религиозные причины формирования этого общественного явления. Выделяется взаимосвязь устной традиции и теоретического осмысления феномена, оказавшего приоритетное влияние на ценностную шкалу античной нравственности. Исследуется логическая парадигма патриотизма во взаимодействии с общественными задачами, представленными в творчестве Платона и Аристотеля. Особый акцент в понимании патриотизма делается на соотношении морали и политики в общественном сознании. Приводятся особенности терминологического истолкования понятия «патриотизм», принятое в трудах Платона и Аристотеля. В статье анализируются взаимодействие социальных реалий и генезис гражданских добродетелей.

Ключевые слова: патриотизм, интерес, общество, государство, благо, гражданственность, выбор, идентификация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-276-280

Понимание темы патриотизма является актуальным для системы гуманитарного знания на протяжении всей человеческой истории. В зависимости от уровня развития социальных, политических, религиозных отношений между индивидом и обществом она варьировалась, получала различные толкования, наполнялась новым содержанием. Кризисы, затрагивающие основы государства, войны, социальное противостояние, смена цивилизационных импульсов инициировали внимание к фундаментальным составляющим данного феномена. Анализ причин

возникновения идеи патриотизма, исторической обусловленности, генезиса развития, изначального наполнения, особенностей национального распространения в общественном сознании предоставляет возможность более четкого и ясного понимания современных интерпретаций этого духовного явления. Обращение к истокам становления патриотизма – философии древней Греции – предполагает комплексный подход с привлечением социальных, политических, религиозных исследований исторического периода, в противном случае утрачивается целостность рассматриваемой идеи. Смысловые аналогии прошлого и настоящего толкований патриотизма должны учитывать атрибутивность в использовании понятия с поправкой на произошедшие изменения в социальной структуре. Научный интерес к данной теме совпадает с общественным вниманием к сфере поиска этнической и общественной идентификации, связанной с кризисными вызовами истории.

В VIII–VI вв. до н.э. происходит изменение формата сопричастности у членов греческих сообществ. Кровно-родственные связи постепенно вытесняются гражданским статусом индивида, соответственно, обновляется смысловое наполнение понятий, составляющих основу коммуникации: обязанностей, прав, социальных функций. Групповое сознание сородичей распространяется в освоенных пределах борьбы за физическое

выживание. Восприятие себя гражданином формирует чувство ответственности не только за жизненное пространство, удовлетворение потребностей племени, но, прежде всего, за духовные феномены, носящие сакральный характер для большинства и представляющие основы общественного объединения. Человек становится гражданином полиса (города-государства) и в этом качестве нуждается в такой основе, которая связывает его с согражданами и благодаря которой они для него становятся «своими». Заинтересованность в процветании общественной системы, забота о благе каждого, внимание к проблемам государства задают условия коллективного существования. Единство с согражданами формирует чувство патриотизма, т.е. ответственность перед будущими поколениями за настоящее, в котором гражданин реализует личностный потенциал, воспитанный на примерах доблести ушедших поколений. Фундаментальная связь между индивидом и обществом позволяет ощущать себя значащим началом истории, от которого зависят судьба Отечества, его слава и возвышение. Стремление гражданина к достижению гармонии в социальных отношениях мотивируется эмоциональным восприятием своего государства как уникального и неповторимого.

Патриотизм в греческом обществе становится тем средством, с помощью которого решается ряд жизненно важных проблем, связанных с выживанием социума. Враждебное окружение актуализировало дилемму «свободный – раб». Утрата независимости государством могла обернуться для индивида утратой самой высшей ценности греческого мира – свободы. Вместе с ней исчезали возможности личностного развития, самоуважение, перспективы, чувство собственного достоинства. Таким образом, направленность государства на обеспечение защищенности граждан совпадала с общественным посылом сохранения личной свободы. Интересы отдельно взятого человека в этом ракурсе отождествлялись с интересами общности и создавали предпосылки для возникновения целостного гражданского мировоззрения. Внутренние раздоры, противостояние различных групп, отстаивающих корпоративные предпочтения, безудержное властолюбие правителей создавали потенциальную угрозу всему сообществу. Формой борьбы с подобными проявлениями служило лишение гражданских прав. «Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, которые, умножив

наследие предков, своими трудами создали столь великую державу...» [1, с. 303]. Сохранение и приумножение территорий, государственного устройства, духовных ценностей становилось главной задачей человека и гражданина.

Перикл в своих речах, обращенных к согражданам, взывает к Афинам, а не к богам, тем самым наделяя город-государство величием, требующим особого почитания, и уравнивает по значению с высшими принципами. Патриотизм становится явлением сверхъестественного порядка по степени влияния на граждан. Поддержание преемственности гражданской традиции, включающей уважение предшествующих поколений по степени их вклада в приумножение славы и могущества государства, совпадает с обязанностью выполнения религиозных обрядов. Измена согражданам равносильна измене богам. Героическое прошлое становится критерием восприятия и оценки самого себя, сравнение проводится по значимости результатов деятельности, принесшей пользу сообществу. Ответственность за достижения, успехи, победы, совершенные предками, преобразуется в стимулы дальнейших усилий, направленных на развитие общества, и становится неотъемлемой составляющей патриотизма.

Следует обратить внимание на важное событие греческой истории – колонизацию новых территорий, во многом оказавшее значительное воздействие на становление греческого мировоззрения. В этом процессе идея патриотизма оказалась максимально востребованной. Враждебное окружение чуждых этносов требовало от греческих анклавов единства, сплоченности, солидарности в отстаивании государственной суверенности. Внешняя опасность умножалась внутренними угрозами в виде социальных раздоров, борьбы за власть, материальных конфликтов. Единственной формой поддержания независимости социума становился патриотизм. В кризисных условиях раскрывается его значение для подавляющего большинства граждан. Открытость интеллектуальным и житейским заимствованиям при столкновении с чужими культурами имела пределы в политической и духовной адаптации с местными элитами. Ограничения опирались на убежденность в верховенстве собственных социальных принципов, они противопоставлялись всем остальным как варварским. «Скооперировавшись в пути, что неизбежно, когда люди оказываются в “одной лодке” перед лицом общей опасности, они предпочитают и дальше жить и действовать в соответствии с заведенным на корабле порядком» [2, с. 144]. Общее для всех, объединяющее в

единый коллектив соплеменников должно было стать наивысшей ценностью, понятной любому гражданину нового города-государства.

Коллективный характер жизни города-полиса предполагал насыщенную коммуникацию его жителей. Частые встречи, торжественные собрания, совместные религиозные обряды усиливали чувство солидарности и взаимовыручки среди граждан. Совместный досуг, спортивные состязания, военные игры создавали ощущение единства как некоей данности, не имеющей завершения. Греческие риторы, собиравшие сотни слушателей, основными темами своих выступлений выбирали героическое прошлое или примеры мужественного служения своему государству. Геродот избрал своей темой историю деяний греков и варваров, «чтобы ни события, ни дела не изгладилась из памяти людей» [3, с. 227]. Эмоциональный накал, создававшийся в результате выступлений, служил основой поиска рационального восприятия патриотической традиции.

Предложенный Платоном проект «идеального государства» можно воспринимать как гражданское завещание греческого мыслителя. В диалоге «Государство» он обращается к истолкованию темы патриотизма (этот термин имеет латинское происхождение). В качестве понятия, равного по значению современному понятию «патриотизм», Платон пользуется словосочетанием «общее благо», которое помещает на вершину иерархии ценностей и которое людям как награда за благочестие. Оно раскрывается через совершенство, подлинность, добро, высшее. В такой же степени определяя мир через данную идеальную сущность, Платон использует ее как критерий функционирования социального устройства, пытаясь очертить наиболее значимые для всех положения. Благо всеобщее понятно и разделяемо большинством. «Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо и зло, такое государство обязательно, по-моему, скажет, что это его собственное переживание, и все целиком будут вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть» [4, с. 239]. Единство восприятия через общий фокус, которое предлагает Платон, реализуется в связи части и целого: вне государства гражданин не является значимой единицей, только вместе с остальными у него появляются возможности представить себя другим. Общность чувств может рассматриваться как отсутствие существенных противоречий внутри гражданской структуры.

Выявляя причины формирования «общего блага», Платон обращается к категории справедливости, регулирующей отношения, поступки, действия, мысли жителей идеального государ-

ства. В логике греческого философа патриотическая направленность осуществима в том случае, когда отношения гражданина и государства сбалансированы при помощи справедливого воздаяния. Подлинные законы должны совпадать с этим требованием и служить ограничению несправедливости в обществе. Идея справедливости служит связующим звеном между гражданами и помогает преодолеть частные разночтения, касающиеся наиболее важных вопросов существования государства: войны, экономических трудностей, социальных распрей, природных катастроф: «... закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества» [4, с. 301]. Доверие к институту власти оправдывается позитивными результатами, полученными благодаря приоритету общего над частным. Выполнение законов – долг патриотически настроенного индивида, тем самым он не допускает несправедливости к другим согражданам и служит общим принципам процветания государства. Запреты, ограничения на проявление частных устремлений, содержащих индивидуальные интересы, противоречащие общим, должны стать непререкаемыми для всех.

Общественное мнение конструирует образ гражданина, достойный подражания, его действия направлены на служение Отечеству. В греческой педагогике утверждалось воспитание патриотических качеств подрастающего поколения через систему знаний, встроенных в более общую систему навыков гражданской жизни [5, с. 7]. Модификация простирается до создания мифа со всеми присущими ему сакральными свойствами: он представлен в виде устных преданий, фантазий, легенд. В идеальном государстве Платона сословие мудрецов-правителей контролирует общественные нравы, используя в качестве средства регуляции набор ценностных требований, направленных на сохранение и укрепление государственной структуры. В такой ситуации патриотизм становится наиболее адекватным способом достижения социальной стабильности как условия возвышения государства. Через него могут обосновываться различные формы социальной деятельности: приобретение знаний, самосовершенствование, физическое и духовное, воспитание моральных качеств. Таким образом, патриотический ресурс содержит возможности расширения диапазона приложения гражданского волеизъявления, не замыкаясь только на военных подвигах.

Предложенная Платоном закрытость границ как форма существования государства видоизменяет восприятие человеком иного мира. В таком случае изолированность социума должна компенсироваться чувствами совершенства, исключительности, превосходства над другими политическими образованиями. Основанием выдвигается чувство любви к Родине, абсолютная сущность вне временных рамок: «...им (гражданам. – А. М.) должна быть присуща любовь к своему государству, испытанная и в радости, и в горе, и должно быть заметно, что от этого своего правила они не откажутся ни при каких трудностях, опасностях или иных превратностях...» [4, с. 283–284]. Платон убежден, что самое сильное переживание индивида связано с общим благом, а не личными обстоятельствами, так как оно и есть истина, данная богами.

Выявление причин, препятствующих возникновению, реализации, развитию патриотических чувств, является одной из главных задач правителей. С точки зрения Платона, существенную опасность представляют имущественные различия, ярко выраженное тщеславие, желание неоправданной славы, стремление к самолюбванию. Зависть вносит разлад как между отдельными гражданами, так и целыми сословиями. Эмоциональные переживания, мотивированные разделением на богатых и бедных, знатных и незнатных довольно часто в Греции становились поводом для мятежей и городских восстаний. Лишение определенных социальных групп права собственности и возможностей завести семью, по мнению Платона, устраняет причину конфликта, способного негативно воздействовать на идею и воплощение патриотизма. Искусственные, формализованные схемы проявления патриотического чувства теряют свою основу в такой ситуации, пространство межличностной коммуникации освобождается от материальных и сословных барьеров. Коллективное взаимодействие, лишённое значимых противоречий, получает долгосрочную перспективу единства общественных интересов: «Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком общежитии, где рядом не обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни ревности, ни зависти» [4, с. 148].

В этических и политических трудах Аристотеля понятие патриотизма истолковывается как ракурс государственных интересов. Гражданское сообщество уступает свои функции официальной системе и рассматривается только в качестве составной части целого. Данное явление связано с утратой независимости городов-полисов. Империя Александра Македонского расширила границы греческой цивилизации, присоединила

новые этносы, освоила иные традиции. Имперское сознание, реагируя на случившиеся вызовы, трансформирует прежние ценности в соответствии с изменением общественной структуры. Аристотель выстраивает четкую схему служения граждан друг другу и отношения к государству. Патриотизм включается в составляющие, гарантирующие благо государства. Эмоциональный посыл в такой ситуации утрачивает свое значение. Делая упор на рациональные возможности человека, мыслитель логически обосновывает комплекс чувств любви к Родине, благоговения перед историческим прошлым, бескорыстного служения согражданам. В качестве первой и фундаментальной предпосылки он избирает указание на сущность человеческой природы: «...никто не избрал бы обладание благом для себя одного, действительно, человек – общественное существо, и жизнь сообща прирождена ему» [6, с. 259]. Следовательно, все, что не способствует гражданским проявлениям, противоречит природе и разуму.

Правильное понимание баланса личных и общественных интересов становится отправной точкой в осознании себя патриотом, т.е. законопослушным гражданином. Обмен возможностями, которыми располагают индивид и государство, опирается на взаимную выгоду через средства материального стимулирования. Выполнение законов объявляется приоритетной обязанностью гражданина, в такой ситуации наступает взаимответственность, регулируемая понятными для всех правовыми критериями. Акцент в интерпретации патриотизма смещается с исключительно героического, как правило, военного истолкования (подвигов, мужества, доблести) на добропорядочную деятельность, связанную с гражданскими обязанностями в сфере экономики, политики, воспитания, науки. Этика и политика неразделимы в утверждении смысловых свойств гражданской сущности человека, при этом моральные добродетели используются как критерии общезначимых ценностей. Моральная деформация индивида разрушает основу согласия между людьми, отражаясь на доверии граждан к социальной системе. Воспитание достойного человека Аристотель провозглашает одной из главных функций государства. Знание и опыт, приобретенные предшествующими поколениями, должны помочь сформировать правильные ориентиры действий, опирающиеся на понятие гражданской ответственности, тождественной, по сути, патриотическому волеизъявлению. Порицание индивида со стороны окружающих или почитание его поступков (общезначимых) становятся определени-

телем гражданской доблести. Мироззренческая целостность социума определяется совпадением в понимании гражданином и государством духовных принципов, представляющих основу гармоничного взаимодействия и сотрудничества. В этой интерпретации патриотизм – точка пересечения жизненно важных аспектов части и целого.

Таким образом, идея патриотизма в греческом обществе возникает как результат социального творчества, имеющего целью выживание сообщества, поиск способа самоидентификации этноса, средств поддержания баланса интересов между различными сословиями, преодоления социальных барьеров внутри общественной структуры: «...массовые миграции обусловили взаимодействие с другими народами и их культурами и вели к утрате привычного образа жизни, порождая кризис античного полиса» [7, с. 37]. «При наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать, имея в виду жизнь, согласную с требованиями добродетели» [6, с. 471]. Платон и Аристотель обосновывают сложившуюся традицию понимания патриота-гражданина, выделяя в качестве отличительного признака патриотизма тождественные по смыслу понятия «общего блага» и «гражданственности». Их аргументация опирается на сущность человеческой природы, рациональные способности, стремление индивида к свободе и счастью. С течением времени в Греции гражданственность утрачивает свою приоритетность в общественном мнении, так как социум теряет черты привлекательности, индивид обособляется от государства, переставшего выполнять функцию связующего начала с согражданами.

Список литературы

1. Фукидид. История // Историки античности: в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. М. Томашевской. М., 1989. Т. 1. С. 205–405.
2. Тойнби А. Постижение истории. М., 2004. 640 с.
3. Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею // Античные риторика / собр. текстов, ст., коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 167–237.
4. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. 654 с.
5. Gibson C. A. Better living through prose composition? Moral and compositional pedagogy in ancient Greek and Roman progymnasmata // A Journal of the History of Rhetoric. 2014. Vol 32, № 1. P. 1–30. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1525/rh.2014.32.1>. doi:10.1525/rh.2014.32.1.1.
6. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4. 829 с.

7. Орлов М.О. Кризис духовной традиции в европейской культуре и основания социального коллапса : философский аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 36–40.

The Idea of Patriotism in Greek Philosophy

A. V. Mironov

Sevastopol State University

33, Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

The article discusses the formation of ideas of patriotism in Greek philosophy. Historical, social, religious reasons for the formation of this social phenomenon. Highlights the interrelationship of oral tradition and the theoretical understanding of the phenomenon, which had a priority impact on value scale of antique morality. Examines the logical paradigm of patriotism in collaboration with public tasks, presented in the works of Plato and Aristotle. Special emphasis in the understanding of patriotism is done on the correlation of morality and politics in the public mind. The features of the terminological interpretation of the term patriotism, adopted in the works of Plato and Aristotle. The article examines the interaction of social reality and the Genesis of civic virtue.

Key words: patriotism, interest, society, state, benefit, citizenship, choice, identification.

References

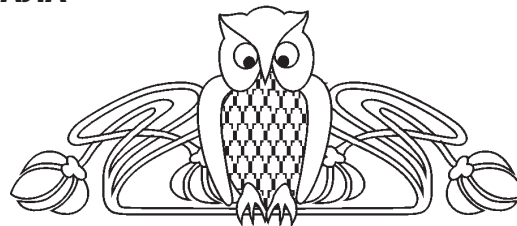
1. Thucydides. *History*: in 2 vol. Oxford, 1908. Vol. 1. 450 p. (Russ.ed.: Fukidid. *Istoriya. Istoriki antichnosti*: v 2 t. Sost.,vstup. st. i primech. M.Tomashevskoy. Moscow, 1989.T. 1, pp. 205–405).
2. Toynbee A. J. *A study of history*. 1934–1961. Jacksonville, 1987. 600 p. (Russ. ed.: Toynbi A. *Postizhenie istorii*. Moscow, 2004. 640 p.).
3. Dionysius of Halicarnassus. *The three literary letters*. Cambridge, 1901. 614 p. (Russ. ed.: Dionisiy Galikarnasskiy. *Pismo k Pompeyu. Antichnie ritoriki*. Sobr. tekstov, st., comment. i obshch. red. A.A. Takho-Godi. Moscow, 1978, pp. 167–237).
4. Plato. *State*. Yale, 1997. 351 p. (Russ. ed. :Platon. *Gosudarstvo. Soch.*: v 4 t. Moscow, 1994. T. 3. 654 p.).
5. Gibson C. A. Better living through prose composition? Moral and compositional pedagogy in ancient Greek and Roman progymnasmata. *A Journal of the History of Rhetoric*, 2015, pp. 1–30. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.1525/rh.2014.32.1>. doi:10.1525/rh.2014.32.1.1
6. Aristotle. *Politics*. Oxford, 1962. 444 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Politika. Soch.*: v 4 t. Moscow, 1984, vol. 4. 829 p.).
7. Orlov M. O. *Krizis dukhovnoy traditsii v evropeiskoy kulture i osnovaniya sotsialnogo kollapsa: filosofskiy aspekt* (The crisis of spiritual traditions in the European culture and the Foundation of social collapse: philosophical aspect). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. Vol. 15, iss. 3, pp. 36–40.

УДК 1:316

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orok-saratov@mil.ru

Один из главных призывов наступающей эпохи сводится к поиску собственной индивидуальности. И этот поиск ведется по уже заранее заданной схеме: индивидуальность оказывается всего лишь проекцией той или иной модели. «Быть собой» значит исповедовать тот или иной стиль. В современной западной цивилизации человеческий капитал не сводится к грубым функциональным моделям, которые были во многом характерны для индустриальной стадии ее развития. С закатом культуры, выстроенной под знаком тотальной функциональности, перед людьми открываются перспективы нового обретения себя, нового и более разнообразного применения своих способностей, нового психосоматического опыта. Человеческая телесность и бессознательные влечения становятся капиталом в условиях социального кризиса.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальная динамика, кризисный социум, философия телесности, бессознательное.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-281-286

В общественном сознании устойчиво укоренился априорный факт, что мы живем в осевое время, прерывающее привычную связь времен. Однако за всем этим стоит разночтение, где и в чем именно заключена принципиальная суть этого перелома, хотя степень определения вопроса коррелирует с психологической отдачей от встречи с будущим: от четкого понимания до полной фрустрации. Попытки охватить ход событий в планетарном масштабе не теряют своей остроты со времен «Заката Европы», а в последнее время новейшая история оценивается с позиции глобализации, фиксируя ускорение и укрупнение событийного потока. Однако скоростное мелькание смазывает картину и вводит в заблуждение, не давая осознать, что принципиальная новизна в данном ракурсе – лишь скорость воспроизведения – количественная сторона, и как бы это ни было значительно, но для цельной оценки эпохи недостаточно. Уникальные особенности эпохи можно выявить лишь в качественных оценочных категориях, ухватив складывающийся архетип новой эпохальной единицы. Только таким образом возможно оценить, воплощаются ли наконец эсхатологические чаяния или мы наблюдаем лишь процесс отслаивания рудиментарных элементов эпохи.

Каким же образом возможно умозрительно охватить эпоху? Простое разложение тех или иных объективных явлений в системе переменных идентичного порядка существенного результата не обеспечит: всю систему необходимо рассматривать сквозь призму «человеческого фактора». Мы живем в век не только и не столько информационно-технической, но антропологической революции: осевая линия пересекает такие феномены, как человеческое тело и психика. Именно с этой точки совокупность происходящего имеет шанс быть оцененной, как оригинальная историческая целостность.

Современная философия трактует эту оригинальность не напрямую, но через осмысление от противного: путем отбрасывания сути классического сознания пытается сформировать суть сознания постклассического. Базовым утверждением при данном подходе является определение новоевропейской философии, в том числе, в качестве прообраза психологии, как философии сознания. Именно философия сознания, торжество разума было обозначено европейской цивилизацией Нового времени защитным механизмом перед страхом жизни, способом преодоления безразличия и холодной неподатливости мира. Краеугольный камень любой цивилизации – ответ, который она дает на такую фактически неразрешимую для человека проблему, как жизнь. Вариантов может быть много, один из них: передача своей судьбы в руки всемогущего Бога как вседержителя смысла бытия.

Социокультурной новацией новоевропейского сознания стало оценивание человеческого капитала через призму производительного труда. Произошло концептуальное утверждение труда в качестве лекарства от страха. При этом труд несет принципиально иной характер, нежели он осмыслялся в древности – как наказание, принуждение обездоленных обеспечивать славу благородно-рожденным. В новоевропейском сознании труд приобретает характер аскетического религиозного служения ради преодоления неоформленности внешнего материала, его окультуривания в гармоничную и комфортную среду обитания.

В первую очередь этому послужил миф о трудолюбии как высшей и универсальной добродетели, несмотря на то, что она исторически весьма молода. Например, античность была уверена в том, что труд – это удел рабов, которые именовались «говорящим орудием», а свободный человек должен ценить достоинства возвышенного досуга выше бытовой суеты. И это далеко не единственный исторический пример, когда идея недеяния обладала значительно более высоким статусом, чем труд. Естественно, что с появлением новой господствующей идеологии труда как добродетели потребовались соответствующие психические формы его обеспечения, каковыми стали формы логического мышления, при помощи которых можно выстраивать умозрительные аналоги действительной взаимосвязи явлений.

Классика новоевропейской культуры воплотилась в философии и психологии сознания, поскольку постигающее себя мышление стало тождественным природе человека, став негативной моделью следующей исторической ступени развития. Тем не менее даже логически выверенные системы в психологической науке обладают лишь условно-инструментальным характером, поскольку человеческая психика – суть транзитивы, но не субстантивы, которые поддаются осмыслению только через последовательность исторических переходов в форме диалектического отрицания предыдущего, при этом даже общие особенности психики еще остаются проблемными и не прояснены до конца.

Психология сознания – это локальный ответ человеческой культуры на подсознательную жажду победы над страхом. Реакцией на экзистенциальный страх перед жизнью стал культ производительного труда. Это сознание, воплощенное в экстенсивном окультуривании «данного природой для человеческих нужд», мимикрировавшее под психику вообще, окончательно оформилось в идею всемогущества опытной науки научно-технического прогресса, где иные разделы психологии играли роль вспомогательной пропедевтики.

Более того, с возведением в ранг царицы культуры рационального сознания были вынесены за скобки как излишества, а то и вовсе табу, все нерационализованные сферы психики: телесные удовольствия, искусство, общение и досуг, если они не были связаны с производительной деятельностью. В результате среднестатистический человек, получая удовольствие через удовлетворение своих желаний, вне общественно-полезной деятельности ощущал моральную вину. Феномен господства рационального сознания и производительного труда как наивысшей

его ценности усугубляется еще и следующим фактором: человек – существо социальное, не мыслимое вне коммуны, на благо коей и должна быть направлена его деятельность. В рамках коммуны собственное удовольствие выстраивается по остаточному принципу. С другой стороны, коммунальная модель поведения – исторически сложившийся способ выживания человечества. Индивидуалистическое сознание стало возможно лишь после становления постиндустриального общества, когда выживание отдельного человеческого индивидуума не зависит от окружающего социума напрямую. При этом мораль в обществе рационального сознания приобретает подчеркнуто запретительный характер. Крупнейший авторитет классической философии сознания называет моральным лишь тот поступок, который совершается вопреки желанию. Поэтому моральное сознание – это переживание энергии волевого усилия, приложенного к преодолению естественных желаний, ради общественной и рациональной пользы [1, р. 10].

Общий закон общественной морально оправданной деятельности можно при этом выразить в одном явлении – эквивалентности. Некоторое количество волевой энергии обменивается на соответствующее количество полезного продукта, поддерживающего жизненный комфорт. Такова модель человеческой капитализации. Она воспроизводится и в общении, в форме рыночного обмена равными воздаяниями, и в государственно-политической сфере в форме справедливого в рамках юридического сознания возмездия за содеянное, и даже в сфере семейных отношений, где секс принимает формы квазитрудовой семейной обязанности ради поддержания здоровья и продолжения рода.

Неслучайно классическое буржуазное общество названо представителями структурализма – дисциплинарным. Ядром буржуазного общества стало беспрекословное следование праву. Именно поэтому апофеозом Реформации, которая нашла опору именно в зарождавшейся буржуазной идеологии, стало пуританство. Эта модель общественного сознания оказалась настолько эффективной, что за пару столетий превратила Европу в хозяйку мировой цивилизации, рассматривающей свой рационализм как единственно верный вектор развития всего человечества, а рационализация и технологизация выступали формами человеческого прогресса.

Однако целостность основанной на культе труда и разума картины мира и беспрецедентная эффективность такого союза в деле окультуривания бытия, построения общества всеобщего благоденствия и преодоления фобий перед жиз-

нию привело классическое сознание буржуазного общества к необычайной самоуверенности. Возникло устойчивое убеждение, что общество, в котором мы живем, есть конечная точка мировой истории, а не одно звено из цепочки сменяющихся исторических состояний. Ошибка такого сознания – восприятие человека в рамках понятий уходящего в небытие индустриализма, а также уверенность, что просвещенный и освобожденный человек сам непринужденно заживет по законам труда и разума. Однако получив свободу и почти неограниченные возможности, человечество утратило страх перед жизнью, но оказалось перед лицом рационально непреодолимого страха – страха перед смертью. Выстраивание цепочки элементов стратегической психологии в форме линейки – страх перед жизнью – скука, апатия, одиночество – это заблуждение, поскольку в одном смысловом контексте с жизнью находится идея смерти: все остальное – лишь уточнение этих конечных констант.

Испокон веку защитой человечества перед страхом смерти была такая универсальная система, как религия, ядром которой является вера в бессмертие души. Религия – феномен, задолго предвещающий появление общества рационального сознания, поскольку страх перед смертью первичен по отношению к страху перед жизнью. Страх перед жизнью – это атрибут более-менее предсказуемого бытия, поэтому он и возникает с появлением сложных обществ. А философия сознания сумела развести эти два экзистенциальных столпа в параллельные сферы. В результате страх перед жизнью как сфера внешняя на несколько столетий перекрыл страх перед смертью, объявив религию анахронизмом. Вера в загробный мир как гарант базового инстинкта самосохранения стала отступать, сначала под натиском «научной» картины мира, потом под секулярными квазирелигиями, примером которых может быть сталинский марксизм или гитлеровский нацизм. После крушения тоталитарных псевдорелигиозных режимов были предприняты попытки реанимировать традиционные культы, которые выглядят для современного человека если не экзотической бессмыслицей, то лишенными внутреннего огня церемониями.

При этом современный человек нуждается в утешении как никогда прежде. Ушел в прошлое всепоглощающий напряженный труд ради выживания, человек живет долгой, но крайне непредсказуемой жизнью, изобилующей досугом, где есть широкий простор для размышлений о конечной точке бытия. Страх смерти остается рационально неразрешимым, при этом человек отучен получать утешение в религии. Поэтому,

идя на поводу защитных реакций психики, он сублимирует страх в более сильную, а главное – приятную и доступную эмоцию – сексуальную, которая в определенных исторических условиях становится формой человеческого капитала. Зародившись как сила беспрецедентной эффективности, которая направлена на привлечение к воспроизводству, у индивидуума эта психосоматическая реакция обособилась от репродуктивных функций и в филогенезе стала физиологической основой для первичной формы духовно-символической деятельности, устанавливающей связи, исключая страх и агрессию, а затем перерастающие в личную привязанность духовного свойства [2, с. 93].

На примере некоторых народов можно наблюдать, насколько велик эмоциональный потенциал такого рода взаимоотношений: свободные от забот о хлебе насущном, люди заняты, прежде всего, друг другом, и во главу угла ставятся либо взаимное уничтожение, либо межполовые отношения, в том числе и в первичной социализации, поскольку основой воспитательного процесса становится обучение навыкам войны и/или умение доставлять удовольствие друг другу [3, р. 22].

Логично, что при торжестве культа целерациональной деятельности столь яркие эмоции, способные перекрыть все прочие, не могли быть выпущены из-под контроля. Благодаря религиозной запретительной морали нравственное поведение фактически сводилось к соблюдению ограничений, вытесняя плотские помыслы за грань социальной практики и сознания, а отношения вне брака – за рамки официальной культуры. Последующая секуляризация привела к утрате сакрального смысла таких практик, как аскетизм и воздержание до брака, что обусловило серьезные проблемы в пространстве светской культуры. В итоге буржуазное общество, утратившее христианские ориентиры, оказалось невротическим, на что обратил в свое время внимание З. Фрейд и его последователи.

Под властью норм секулярной запретительной морали половое общение было обезличено и технологизировано. Однако женская эмансипация, возникшая в богемных салонах Серебряного века, привела в середине прошлого столетия к сексуальной революции и легитимизовала все возможные формы удовольствия. Половое общение усложнилось, обнажив неведомые ранее пласты. Открылся неожиданный факт, что психология влечения не менее сложна и парадоксальна, чем психология мышления, а сами влечения приобретают форму человеческого капитала. Современные исследования психических процессов мозга показали, что, казалось бы, элементарные

интимные переживания моделируются гораздо сложнее, чем высшие мыслительные процессы. При этом они обладают качественным индивидуальным характером, поэтому любые изменения в психике, затрагивающие интимные сферы человеческой жизнедеятельности, становятся необратимыми. Либерализованная половая мораль возвела эротические эмоции в точку отсчета современной человеческой психики, сделав их внутренним подтекстом человеческого общения, а значит ориентиром для выбора форм капитала. В этом контексте человеческий капитал оказывается подчинен логике культа молодости, поэтому конструирование модели «стратегической экономики» без учета этой новой доминантной точки обречено на неудачу. Современные психосоциальные процессы выражены в интериоризации: изменении человеческой природы через «перехлест» внешнего, телесно-процессуального во внутреннее, процессуально-психическое. В итоге секулярная культура формирует образ героя нашего времени: это человек отнюдь не умный и нравственный, но способный быть молодым и красивым (при этом возраст становится категорией функциональной), умеющий доставлять удовольствие и себе, и другим, пользующийся своим телом как универсальным инструментом наслаждения, причем это явление принципиально отличается от гедонизма античности. Центр удовольствия и главная зона восприятия удовольствия и удовлетворения современного человека – это мозг.

Капитал влечений, как еще вчера капитал труда, начинает поглощать все обозреваемые сферы жизни, выстраивая очередную историческую целостность. Труд как настойчивая систематическая деятельность по преодолению сопротивления материала с целью превращения его в товар сегодня лишается всякого пафоса, становясь, по мнению масс-медиа, делом «второсортных» людей, таких как гастарбайтеры, обслуживающий персонал, «офисный планктон» или работники социальной сферы. Престижным становится «творческий труд», который мыслится как сублимация сексуальной энергии. Модель такого труда перерастает в различные формы манипуляций символами ради обладания неким ускользающим симулякрот. Подобные эффекты мы наблюдаем в виртуальном пространстве, в мире высокой моды или игры на бирже, такой спецификой обладает в глобализирующейся экономике и супердорогой сервис. Атрибутом новой эры как «эры удовольствий» становится услуга, в отличие от предыдущей эры труда, знаменем которой было производство. Отсюда так прочно вошли в оборот учреждений образования и

культуры понятия: «образовательная услуга» или «эффективная коммерческая реализация Art-проектов» [4, p. 155].

На этих же принципах выстраивается и «творческий» образовательный процесс, который формирует у учеников впечатление, что учиться можно играя, получая удовольствие, просто раскрепощаясь и следуя за учителем – творцом. Царицей нематериальной сферы становится идея-симулякр: неважно чего, уникальной ли дизайнерской находки из ничего или эффектного и эффективного имиджа для провального политика или неликвидной продукции. Все остальное становится работой для «негров», пусть даже и высокообразованных.

Энергия соблазна и влечений не обошла стороной и политическую жизнь современного общества, причем не только в феномене «соблазнительного политика», которому положил начало Дж. Кеннеди, но и самих принципах политического управления. Классический буржуазный принцип «надзирай и наказывай» сейчас уже неэффективен, даже апелляция к здравому смыслу и осознанной выгоде сегодня немногого добьешься. Сегодня эффективный политический и экономический менеджмент кроется в умении управлять энергией иррациональных человеческих влечений по принципу «соблазняй и манипулируй», чтобы зону контроля вывести в принципе за пределы осознания человеческой массы.

Конечно, новая эпоха началась не вдруг – ее предпосылки развивались в течение всего прошлого века. Начало было положено западноевропейской секуляризацией ценностей и последующим освобождением человеческих влечений из-под контроля морали. Технологии виртуализации и информатизации способствовали дальнейшим моделям освобождения, таким как постепенное превращение информации в полноценный товар и появление потребителя с досугом, и постепенное обнажение женского тела, и проникновение сложной техники в бытовую сферу, и замена материи на энергию в физике, появление философии постмодерна, и ренессанс психологии бессознательного, чьим предметом становится то, что ранее считалось несущественным, а то и вовсе неприличным, и легитимация свободных желаний в искусстве. Общий знаменатель этих трансформаций выразился в сетевом конфигурировании социальной реальности, открывающей индивидуальному субъекту возможность чуткого восприятия своих желаний. Но окончательное формирование адекватной для психологии влечений материально-технической базы происходит с удвоением податливой действительной реальности и превращением её в виртуальную, где же-

лания становятся одновременно и образами этой реальности, атрибутами сетевого общества, где, как в первобытном хаосе, партиципирование может происходить по самым невероятным критериям. Иначе говоря, для философии интересны те объективные процессы, которые запущены сетевой глобализацией.

В понятиях неоконсервативной идеологии произошла замена эры труда, с ключевой ролью сознания, эрой свободных влечений, где во главу угла ставятся, прежде всего, бессознательные механизмы психики [5, с. 57]. На уровне социальной реальности – это культивирование либеральных идей, являющихся маской, ширмой, прикрытием для вседозволенности как на уровне международной политики США, так и на уровне индивидуальных субъектов, стремящихся найти оправдание своих аморальных желаний или даже преступлений. Вообще дихотомия в стиле хорошо/плохо при рассмотрении столь масштабных явлений – неуместный подход. Эпохи морально неменяемы, как минимум, потому, что их не выбирают. Оценка эпохи и, собственно, эпоха – разбросанные во времени явления. При этом гегелевское понимание свободы как меры общественного прогресса сохраняет актуальность и для постиндустриальной эры. Однако опасность этой свободы не в том, что она снимает внешние ограничения с мира человеческих влечений. Свобода представляет угрозу, когда приложена к устаревшим индустриальным ценностям, которые определяют развитие наращиванием производственных объемов вещных богатств, прежде всего. При этом доступные средства для прогрессивного производства на сегодняшний день практически безграничны. Дурная бесконечность перепроизводства замыкается лишь на одном препятствии – потреблении. Преодоление этого препятствия становится смыслом существования субъекта и единственной исполненной страсти задачей. Человеческий быт забит вроде бы нужными, но явно ненужными вещами, а индустрия торговли демонстрирует невиданное богатства выбора. Но производство продолжает работать по нарастающей, превращая купленное вчера в сегодняшний мусор. На сегодняшний день самой острой проблемой является это превращение цивилизации в тотальную свалку потребления. Та же самая логика распространилась на отношение к идеям и ценностям. Утрата опыта приобщения к священному и подлинному бытию децентрирует все человеческие стратегии и желания, обрекая человечество на неминуемый реальный Апокалипсис.

Однако если невозможно блокировать рост потребностей, искусственно стимулируемый

перепроизводством, может быть, следует заменить его ростом иных потребностей, столь же эмоционально насыщенных, но не требующих максимума предметного оснащения [6]? Если взглянуть на проблему с иной стороны, можно предположить, что современность не только поставила человечество перед глобальной проблемой, но и нащупала пути ее разрешения? И потребности, следующие из человеческих влечений, можно противопоставить страсти к предметно-вещным накоплениям?

Сфера бессознательного, в отличие от сферы сознания, которая прозрачна для познающего разума, нуждается либо в специальном анализе в целях переключивания бессознательных психических процессов на язык дискурсивного мышления, либо в символической персонификации психических процессов с дальнейшим моделированием в форме драматического действия [7, с. 57]. Это варианты только у порога сферы бессознательного, где находится сегодняшняя наука, за которым нас ожидает немало пока еще не явленных горизонтов.

Наконец, на базе именно психологии бессознательного возможна новая стратегия управления человеческим капиталом, которая не будет запрещать какие-либо действия, но девальвировать их через позиционирование более адекватных обстоятельствам, эмоционально позитивных. При этом психология бессознательного не является безусловной альтернативой психологии сознания, но, подобно разным слоям человеческой психики, надстраивается и дополняет одна другую, однако это уже тема отдельного исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. *Frega R.* Between Pragmatism and Critical Theory : Social Philosophy Today // Human Studies. October 2013. P. 6–29.
2. *Иванов А., Дорошин И.* Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска // Власть. 2012. № 11. С. 92–96.
3. *Rehg W.* The social authority of paradigms as group commitments : rehabilitating kuhn with recent social philosophy // Topoi. April 2013. Vol. 32, iss. 1. P. 21–31.
4. *Barnard R.* Philosophy as continuous with social science? // Metascience. 2014. Vol. 23, iss. 1. P. 153–156.
5. *Орлов М. О.* Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 54–59.

6. Демидова М. В. Социально-философское обоснование теории символического капитализма // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 20–23.
7. Орлов М. О., Данилов С. А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // Философия и общество. 2008. № 4. С. 126–131.

Transformation of Human Capital in a Crisis Society: Social-philosophical Analysis

М. О. Орлов

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: orok-saratov@mail.ru

One of the main appeals of the coming epoch is reduced to finding its own identity. And this search is already on a predetermined scheme. Individuality is merely a projection of a particular model. «Be yourself» means to practice a particular style. In modern Western civilization, human capital can not be reduced to a gross functional models that were largely characteristic of the industrial stage of its development. With the sunset of culture, built under the total functionality of the sign, in front of people opening new perspectives gained themselves a new and more varied use of their abilities, the new psychosomatic experience. The human body and the unconscious desire becomes capital in conditions of social crisis.

Key words: human capital, social dynamics, crisis society, philosophy of physicality, unconscious.

УДК 167.7

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ АНТРОПОГЕНЕЗА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Устименко Дмитрий Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления, Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики (г. Ростов-на-Дону). E-mail: UstimenkoD2006@yandex.ru

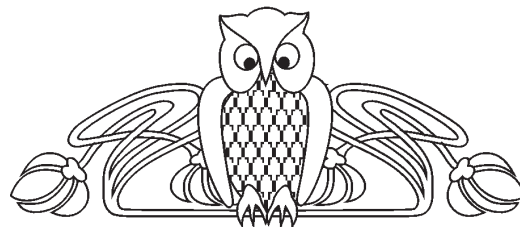
Статья посвящена осмыслению феноменологического понимания времени как антропогенетической категории. Показывается, что субъективное время не изменяет формы опыта человека. Феноменологическая структура времени идентифицирует человеческое бытие, сохраняя его целостность. Время сохраняет форму изначальности и ее основных структур, интенций восприятия, памяти, мышления. Указывается на абсолютную синтетичность формы времени, позволяющую говорить об ее отсутствии. Доказывается, что время не «развивает» и не «эволюционирует» человека. Делается вывод о мгновенности происхождения человека, когда время само начинается и «сопутствует» его феноменологической истории.

Ключевые слова: антропогенез, феноменология, темпоральность, идентичность, мгновенность, событие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-286-292

References

1. Frega R. Between pragmatism and critical theory: social philosophy today. *Human Studies*. October 2013, pp. 6–29.
2. Ivanov A. V., Doroshin I. A. Ideologicheskii i politicheskii diskurs religioznogo fundamentalizma v obshchestve riska (The ideological and political discourse of religious fundamentalism in a risk society). *Vlast (Power)*, 2012, no. 11, pp. 92–96.
3. Rehg W. The social authority of paradigms as group commitments: rehabilitating kuhn with recent social philosophy. *Topoi*. April 2013, vol. 32, iss. 1, pp. 21–31.
4. Barnard R. Philosophy as continuous with social science? *Metascience*. 2014, vol. 23, iss. 1, pp. 153–156.
5. Orlov M. O. Etika diskursa kak osnova strategii sotsializatsii v globaliziruyushchemsya mire (The ethics of discourse as the basis of socialization strategies in a globalizing world). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 54–59.
6. Demidova M. V. Sotsial'no-filosofskoe obosnovanie teorii simvolicheskogo kapitalizma (Socio-philosophical foundation of symbolic theory of capitalism). *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*, 2015, vol. 4 (71), pp. 20–23.
7. Orlov M. O., Danilov S. A. Rol' kommunikatsii v politicheskoy zhizni sovremennogo obshchestva (The role of communication in the political life of modern society). *Filosofiya i obshchestvo (Philosophy and Society)*, 2008, vol. 4, pp. 126–131.

Проблема антропогенеза издревле находилась в центре внимания человека. Древние религиозно-мифологические системы народов сосредоточивались вокруг идеи творения, связывая с ней практику духовного возрождения и выстраивая соответствующие эсхатологические представления. Возвращение к истокам, к Бытию, осуществление «анамнезиса истины» теоретически напряженно сопровождает всю философскую и научную традиции. Однако современное знание в этой области остается гетерогенным, несвязанным, что в «эпоху глобализации» не может не сказываться на характере мировоззренческого отношения к своей изначальной сущности и, как следствие, нравственном состоянии человека.

При культурной гетерогенности проблема обострится тем, что, по мысли Б. Хюбнера, «человеку приходится постоянно дезидентифицировать себя со своим происхождением, чтобы мочь освободиться для возможностей и необходимостей пред-восхищаемого» будущего [1, с. 223]. Образуется эпистемологический парадокс, состоящий в признании единства происхождения как изначалия истории и истины человека и одновременно существования множества диаметрально противоположных интерпретаций антропогенеза.

Дефицит философско-методологического осмысления такой фундаментальной проблемы, имеющей сегодня вероятностно-гипотетический характер, прежде всего, делает актуальным ее феноменологическое исследование, потому что в преобладающем большинстве учений о происхождении человека используется объективистская методология, оперирующая внешними факторами, косвенными фактами, ссылками на авторитеты текстов, рассмотрение человека в качестве объекта, в первую очередь тела, образуемого и существующего во времени, тогда как феноменология, исходящая из принципа очевидности, нацелена на понимание смысловой жизни человека с ее субъективной темпоральностью. Она исходит из интуиции бытийного тождества современного и «первого» человека. Сам человек, в себе, в имманентной сфере субъективного осознания видится «причиной» и самоданной демаркационной реальностью, всегда актуально, здесь и теперь открывающей «доступ» к истине своего Начала. Антропогенез «во мне» и «есть человек» в своей возможности. Феноменологически очевидно, что тело, душа и дух генетически едины и одновременны: человек, образуемый из одновременности души и тела, произошел мгновенно – человек первый есть непостижимое чудо Мгновенного Акта. Связь антропогенетического познания и проблемы темпоральности и станет предметом нашей мысли.

Еще схоластом Фомой Бразвардиным было подмечено, что «Всякое начало и конец не измеряется временем, а мгновением» [2, с. 152]. Этот тезис близок феноменологической философии. Например, Р. Ингарден отмечает: «Выполнение чего-либо, вхождение в бытие, воплощение определенного положения вещей (*urzeczywistnienie*) – вот что является событием. И это выполнение, это возникновение, это существование некоторого положения вещей может произойти только одномоментно <...> Событие не выходит за рамки сингулярного конкретного настоящего» [3, с. 149]. Здесь категория мгновения представляется наиболее «рациональной» и «понятной» в рамках предельной грани мысли об антиномии

невозможной возможности происхождения человека как существа и целостного, и удостоверяющего свою темпоральность, относительность. Почему? Потому что «переход от абсолютного к относительному не доступен пониманию <...> не становится понятным для непрерывного мышления» [4, с. 156].

По нашему мнению, идея мгновенности антропогенеза есть разумное и базовое следствие из феноменологической интуиции человека. Она исходит из базовой феноменологической идеи – Уникальности и Идентичности онтологии человека. И теоретическое свое обоснование она получает именно в учении о времени. Как бытие вручается человеку, так и его время не «есть», а «дано». Суть учения можно свести к тому, что форма времени осуществляет воспроизводство и необходимую сохранность антропологической идентичности, что «Настоящее» – «Актуальное Теперь» – является единственным очевидным темпоральным «полем зрения» человека. Время – это «изначальная» синтетическая форма сознания, Синтез, подводящий интенциональное многообразие под единство осознания в Настоящем. Время неотделимо от рефлексии, непрерывного акта самосознания. В трансцендентальном измерении данная идея восходит к учению И. Канта о «формах чувственности» как фундаменте критического отношения к опыту, который немислим иначе как посредством «темпорального синтеза», обеспечивающего как «первоначальный синтез самосознания», так и само единство познания.

Синтез времени образует, по мнению В. Е. Семенова, базовую структуру «трансцендентального исследования процесса конституирования опыта» [5, с. 469]. Время, по Хайдеггеру, является таким «экзистенциалом *Dasein*», Бытием, в котором «человеческое существование может быть целостным» [6, с. 158]. Время в форме универсального потока есть «вмещение» реального бытийного содержания трансцендентального *ego* и, как таковое, образует феноменологическую форму памяти и антиципации. По Гуссерлю, «синтез трансцендентального времени» обеспечивает «всю жизнь сознания» [7, с. 375]. «Явление в точном смысле презентации принадлежит только сфере представления настоящего» [8, с. 103].

Познание, как и вся жизнь человека, функционирует единственно в Актуальном Теперь, в Настоящем: «Это принадлежит к сущности восприятия, что оно не только удерживает во взгляде точечное Теперь и не только выпускает из своего взгляда Только-что-бывшее и характерным способом все же “еще осознает” “только что бывшее”, но и переходит от Теперь к Теперь и идет ему навстречу, предвосхищая (*vorblickend*).

Бодрствующее сознание, бодрствующая жизнь есть жизнь-навстречу (Entgegenleben), жизнь от Теперь навстречу новому Теперь. Изначальная интенция идет от Теперь к Теперь, связывая себя то с неопределенными, то с более или менее определенными интенциями опыта. И этот переход есть нечто Изначальное» [8, с. 120].

Время в этом смысле сохраняет форму изначальности: предельная изначальность – это первичность Новых интенций (впечатлений, памяти, фантазии и т. д.), каждой темпоральной точке которой «соответствует Актуальное Теперь». В «Идеях» Гуссерль именует время источником «первозданности». И здесь возникает вопрос: если сознание времени является истинным «первоисточком», то следует ли начинать изложение с этого *primum quod se* (первого самого по себе) или оно должно восходить от восприятия как готового и уже ставшего единства сознания, с *primum quod nos* (первого для нас)? Как замечает Н. Мотрошилова, «поскольку здесь проблема сознания времени выдвигается в первую очередь в качестве возможного начала, только при овладении проблемой восприятия ей (а вместе с тем и естественной мировой жизни) отдается предпочтение. Необходимо понять: это мотивирует феноменологию вообще» [9, с. 86].

Сама феноменология, по Гуссерлю, всегда сосредоточена в очевидности первоначального восприятия «Теперь». Этот факт обуславливает антропогенетичность всего феноменологического познания. «От любого переживания <...> мы возвращаемся к известным прапереживаниям, к *«впечатлениям»*, каковые представляют абсолютно первоначальные переживания в феноменологическом смысле <...> в своей конкретности они обладают лишь *одной-единственной*, но притом и беспрестанно непрерывно текущей *абсолютно первоначальной фазой* – моментом живого *“теперь”*» [10, с. 237]. Это значит, что любое переживание теперь обладает формой первоначальности и входит в единый исходный горизонт чистого Я.

Времясознание конституирует сознания и, как следствие, идентичность человека, делая человека человеком. Время не «истощает» содержательность опыта, напротив, время есть форма «обогащения», «наращивания» собственного единства, ежесекундно воспроизводящая «целое, не только тогдашнее настоящее сознания (Bewusstseinsgegenwart) с его потоком, но *“implicite”* весь поток сознания до живущего настоящего» [8, с. 57]. Оно непрерывно и постоянно сохраняет целостность потока сознания. Согласно М. Мерло-Понти, ретенциально-протенциальная структура времени оформляет не «линию» выстроенных вплотную «моментов»,

но «модифицирует единую интенциональную “сеть”». «Мы имеем здесь дело не с множеством феноменов, но с единым феноменом истечения (ecoulement). Время – это единое движение, согласное с собой во всех своих частях» [11, с. 279]. Именно оно конституирует одновременность и, в строгом смысле, Актуальную мгновенность Всего феноменологического – лично переживаемого – опыта Теперь. Осмысляя сознание времени как «всеединство», «всеохватность» опыта «Вместе», «Все-сразу», Гуссерль называет его потокообразным, в котором «сознание по своей форме тождественно» [8, с. 82] и «идентично» и по отношению к которому как «предельному конституирующему сознанию больше нельзя говорить о времени» [8, с. 83].

Из мысли об «отсутствии» времени, ассоциирующей его с мгновением, точкой, на первый план в качестве «первичности» или истины самого времени выходит содержание восприятия и как его форма – пространство. Ведь вопрос – «где и когда возникает время?» – методологически всегда уже опаздывает. Время всегда уже возникло, уже «есть» – в этом состоит своего рода «невозможность» вопрошания о времени. Согласно Ж. Деррида, «“Уже не” и “еще не-” (бытие), которое относило линию к точке и плоскость к линии, – эта негативность в структуре *Aufhessung* уже была временем <...> Всякое отрицание, всякое отношение уже есть время. Поэтому “время есть истина пространства”. Пространство “темпорализуется, оно относится к себе и опосредуется собой как время. Время есть пространственность. Оно есть отношение к себе пространства, его для себя”» [12, с. 179].

Это означает, что внутренняя временность обеспечивает сохранность историчности и идентичности человека, связывая его настоящее с предельно историческим прошлым и будущим. Сохранность этой связи и отношение к этим предельным полюсам через их зримость только и обуславливает подлинное существование человека. По мнению Г. Т. Маргвелашвили, «неподлинность человека, т.е. его рассыпанное по мелочам ежедневности бытие, определяется полным растворением человека в настоящем времени, его жизнью без учета своего собственного будущего и своего собственного прошлого, его неперспективным существованием на временном поле экзистенции. Экзистенциальная подлинность же человека, наоборот, предполагает равномерное распределение его внимания на подобном поле» [13, с. 14].

Итак, феноменологическое время оказывается формой природного единства первого и современного человека, полагая возможность методологической инверсии: современный чело-

век в себе посредством субъективного времени раскрывается в качестве первого человека. Время не изменяет специфичности формы события происхождения, но сохраняет целостность его фазисов вплоть до настоящего. Ведь оно «определяется как то, что “уже не” и что “еще не”. Оно есть то, что не есть, и не есть то, что оно есть» (Аристотель). Таким образом, время составлено из элементов не-сущего, из того, что не принадлежит присутствию, субстанции, *ousia*» [12, с. 178]. И обратно: настоящее ретроконститутивно отнесено к актуальности «первозданного». «Время, – подчеркивает Р. Ингарден, – по своей собственной сущности, есть нечто, что не может быть присоединено извне к тому, что существует. Оно также не может быть оторвано от того, что в нем происходит, совершается или длится. Если мы на этом остановимся, то нетрудно понять, каким образом событие может быть, несмотря на его моментальность, чем-то темпорально определенным или просто темпоральным. Оно двояким образом тесно связано (сплавлено) с тем мгновением, в котором оно происходит, и неким образом несет на себе стигму этой единственности и специфичности. Во-первых, потому, что оно всегда связано с некой системой современных себе событий, так как не существуют события строго изолированные. Это принадлежит форме мира как бытийной области особого рода. Во-вторых, потому что данный момент выделяется своеобразием, единственностью, которую уже нельзя далее ни пояснить, ни свести ни к чему другому [(он «единственный в своем роде»)], и это своеобразие пронизывает все, что в нем вообще существует» [3, с. 151].

В этой связи уместно подчеркнуть один базовый антропогенетический принцип феноменологии – личность мышления. Как метко заметил Гуссерль, «Само себя полагающее Я, о котором говорит Фихте, – разве может оно быть каким-то другим Я, нежели Я Фихте?» [14, с. 269]. Основой времени выступает субъективность как таковая: я осуществляю переход, я уже нахожусь в наступающем настоящем. Времясознание обеспечивает не только внутренне свободную динамику жизни сознания, открывая возможность «мгновенно воспринимать всю потенциально бесконечную линию собственного временного горизонта» [15, с. 168], но и оставляет разуму человека право на личное «свидетельское» мышление. Это означает и то, что личностное достоинство человека даруется Бытием, а «не достигается в процессе физиологического развития и не устанавливается ни медицинским анализом, ни общественным мнением» [16, с. 207], и то, что Само Источно-Бытие имеет Личностное измерение. Жизнь

посредством времясознания нанизывается на личный «интенциональный луч» [8, с. 143]. Закон субъективного времени не нивелирует личную свободу: человек не только направленно временится в Настоящем, но и осознает свою временность. Временящееся структурировано с вневременным, «неподвижным», ускальзывающим от схватывания «абсолютным сознанием». Временение само возможное из интенции вечного «покоя», образует человеческое Бытие, впервые разверзающее смысл свободы. Свобода в темпоральном срезе получает истину в качестве выбора Онтологического призвания, в бесконечных вопросах времени – ответа на Зов Бытия.

Итак, феноменологический анализ внутреннего времени-сознания показывает, что в антропогенетическом смысле невозможно придавать онтологическое значение самой по себе «объективности» – время принципиально субъективно, а значит – человек с первого мгновения Сразу – уже в настоящем, во времени-рефлексии, в антропологической полноте. Как заметил В. И. Молчанов, «Как “поворот назад” рефлексия невозможна, ибо невозможен поворот к состоянию, которое существовало до действия определенных сил внутреннего притяжения и отталкивания. Проникнуть в “догравитационное” состояние невозможно, а в искусственной невесомости трансцендентализма опыт вырождается в конструкцию, сомнение – в предположение, восприятие – в суждение, общность и общение – в сообщении и сообщаемость. Необходимость конструкций сомнительна» [17, с. 143].

Аналитика «вдруг-времени», прекрасно, например, представленная в работах В. Подороги, дает понять, что первомгновение происхождения есть не «бывшее» явление, но всегда, постоянно, уже из настоящего, осознаваемое и переживаемое как таковое: «Вдруг обозначает некое действие, которое прерывает текущее время, превращая его в прошлое или взрывая будущим, заставляя исчезнуть с той же быстротой, с какой оно проявилось. Внезапность изменения, вторжение-шок, неожиданная весть. Вдруг что-то произошло – вот это изменение указывает на время, чье основное свойство заключается в том, чтобы быть внезапным. Следовательно, внезапное – это такое время, которое, осуществляясь, уступает место тому, что не существовало. Это не просто мгновение, которое вспыхивает, делясь на другие, но имеет постоянное темпоральное качество. Было что-то и... вдруг, – на его месте другое теперь, а то, что было, его уже нет» [18, с. 589].

Если структура времени не позволяет выйти за границы ее (пассивного) синтетического функционирования, то в антропогенетическом плане

немыслимо говорить и о развитии человека, об эволюционной или иной «последовательной» форме Генезиса человека. Если время неотъемлемо от Бытия человека и само образует его Бытийное измерение, то именно оно обеспечивает антропологическую сохранность – бытийную идентичность. Во «времени», по Гуссерлю, «я сознаю, что <...> заранее был дан себе <...> в постоянной тождественности с самим собой в едином непрерывном синтезе изначального опытного самопознания <...> развертывая свое собственное тождественное бытие, сохраняя свою тождественность» [7, с. 449]. «Время» сохраняет цельное и содержательное устройство человека. Субъективное время не только обеспечивает целостность жизни человека, но и показывает ее конечность, что одновременно, «через себя» указывает на другой антропологический аспект – вечность, антропологический генезис «из вечности»: «Время есть актуальный синтез бытия и небытия, бывание, *Werden*. Настоящее, которое всегда поглощается прошлым и устремляется в будущее, есть как бы не имеющая измерения точка, движущаяся в океане меонального бытия: полубытия прошедшего и будущего, – уже-небытия и еще-не бытия. В интуиции временности ощущается антиномия тварности – божественного начала, погруженного в ничто и его собой оплодотворившего. Ибо время есть преходящее и ничтожество всего сущего, но вместе и возможность всего бывающего, *πάντα ῥεῖ* бытия. Самое сознание временности, с его жгучестью и остротой, порождено чувством сверхвременности, не-временности жизни, оно рождается лишь при взгляде во время из вечности» [4, с. 175]. Таким образом, феноменологическое время есть сущностная антропоформа, фундамирующая уникальные формы бытийствования – память, познание, мир экзистенциальных переживаний, саму жизнь. Оно «возникает» с человеком и имеет свою истину только в отношении к нему. В этом сказывается парадоксальность феноменологического созерцания антропогенеза: невозможно говорить о времени без человека, придавая ему «силовые» возможности, о до-антропологическом времени, производящем человека и изменяющем структуру мира.

Характеристика «открытости» феноменологического времени предусматривает один существенный дискурс феноменолого-антропологического понимания – антиэссенциализм. Если, согласно М. Хайдеггеру, в правильном понимании феномена времени «коренится центральная проблематика всей онтологии», то только потому, что «временное», которым бытийствует человек, как-то соотносится с онтологическим, ассоции-

руемым с вечным. Качество «открытости» нивелирует изоляцию, а значит антропо-бытийное отношение экзистенциально или, как об этом говорит современная отечественная синергичная антропология, – энергично. Это означает, что условием проникновения вечности во время может быть только дискретно понимаемое время – такой опыт, когда время является «открытым» в каждое уникальное мгновение, допуская энергичное «вхождение» Бытия в человека. Таким образом, «дискретность», «разомкнутость» времени, зависящая от «духовного» опыта личности, обеспечивает антропологии онтологический опыт Откровения. «Время дискретно, состоит из абсолютно независимых друг от друга мгновений, каждое из которых приходит из небытия. Каждое следующее мгновение – в некотором смысле абсолютно начало» [19, с. 60].

И, кстати, феноменологическое понимание времени, гарантирующее целостность сознания, обязывает признать реальность души человека. Более того, по нашему мнению, времясознание является достаточным условием для признания реальности человеческой души. Эта тема своеобразно решалась ещё Платоном. В феноменологии она получает новое обоснование, рассмотрение которого требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Хьюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время : метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / пер. с нем. А. Б. Демидова. Минск, 2006. 384 с.
2. Брэдвардин Фома. О континууме // Вопр. философии. 2005. № 5. С. 149–159.
3. Ингарден Р. Спор о существовании мира. Время и способ существования // Вопр. философии. 2006. № 12. С. 147–163.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний : созерцания и умозрения. М., 1994. 415 с.
5. Семенов В. Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии. М., 2012. 687 с.
6. Бросова Н. З. «Лесные тропы» бытия. Феноменология истории Мартина Хайдеггера // Вопр. философии. 2006. № 11. С. 155–163.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск ; М., 2000. 752 с.
8. Гуссерль Э. Собр. соч. : в 4 т. Феноменология внутреннего сознания времени / сост., вступ. ст., пер. В. И. Молчанова. М., 1994. Т. 1. 192 с.
9. Мотрошилова Н. В. Идеи Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. 678 с.

10. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. М., 2009. Кн. 1. 489 с.
11. Мерло-Понти М. Временность // Историко-философский ежегодник. М., 1991. С. 271–293.
12. Нуржанов Б. Г. Бытие как текст. Философия в эпоху знака (Хайдеггер и Деррида) // Историко-философский ежегодник. М., 1992. С. 166–181.
13. Маргвелашвили Г. Т. Сюжетное время и время экзистенции. Тбилиси, 1976. 70 с.
14. Гуссерль Э. Кризис европейской науки и трансцендентальной феноменологии. СПб., 2004. 400 с.
15. Кузнецов В. Ю. Мир единства. М., 2010. 207 с.
16. Брек И. Священный дар жизни. М., 2004. 398 с.
17. Молчанов В. И. Cogito. Синтез. Субъективизм // Вопр. философии. 1996. № 10. С. 133–143.
18. Подорога В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы : в 2 т. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М., 2006. 685 с.
19. Степанищев С. А. Внутренность без внешности : феноменология не/очень естественного. М., 2014. 160 с.
3. Ingarden R. *Spor o istnienie swiata. Ontologia egzystencjalna*. Warszawa, 1987. 280 p. (Russ. ed.: Ingarden R. *Spor o sushchestvovanii mira. Vremya i sposob sushchestvovaniya. Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2006, no. 12, pp. 147–163).
4. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya* (Nesecery light: contemplation and speculation). Moscow, 1994. 415 p.
5. Semenov V. E. *Dominiruyushchie paradigmy transcendentalizma v zapadnoevropejskoj filosofii* (The dominant paradigm of transcendentalism in Western philosophy). Moscow, 2012. 687 p.
6. Brosova N. Z. «Lesnye tropy» bytiya. Fenomenologiya istorii Martina Haydeggera («Forest trails» of life. The history of phenomenology by Martin Heidegger). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 2006, no.11, pp.155–163.
7. Husserl E. *Cartesianische Meditatione*. Den Haag, 1950. 220 p. (Russ. ed.: Gusserl Ed. *Kartezianskie razmyshleniya. Gusserl Ed. Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka*. Minsk; Moscow, 2000, pp. 289–542).
8. Husserl E. *Husserliana*. Bd. X. *Zur Phaenomenologie Des inneren Zeitbewusstseins* (1893–1917). Hrsg. von R. Boehm. Den Haag., 1969. 152 p. (Russ. ed.: Gusserl. Ed. *Sobr. soch.: v 4 t. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni*. Sostavl., vstup. st., per. V. I. Molchanova. Moscow, 1994. T. 1. 162 p.).
9. Motroshilova N. V. *Idey I Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu* (Ideas I of Edmund Husserl as an introduction to phenomenology). Moscow, 2003. 678 p.
10. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologischen Philosophic Erstes Buch: Allgemeine Einfuhrung in die reine Phanomenologie. Neue, auf Grund der Handschriftlichen Zusatze des Verfassers erweiterte Auflage*. Hrsg. von W. Biemel (Husserliana. Bd. III). Den Haag, 1950. 480 p. (Russ. ed.: Gusserl Ed. *Idey k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kn. 1*. Per. s nem. A. V. Mihaylova; vstup. st. V. A. Kurenno. Moscow, 2009. 489 p.).
11. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, 1945. 278 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Vremennost. Istoriko-filosofskiy ezhegodnik-1990*. Moscow, 1991, pp. 271–293).
12. Nurzhanov B. G. *Bytie kak tekst. Filosofiya v ehpohu znaka (Haydegger i Derrida)* (Genesis as a text. Philosophy in the age of the sign {Heidegger and Derrida}). *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik-1992*, Moscow, 1992, pp. 166–181).
13. Margvelashvili G. T. *Syuzhetnoe vremya i vremya ehkzistencii* (The story time and time of existence). Tbilisi, 1976. 70 p.
14. Husserl E. *Die krisis der europaischen wissenschaften und die transzendente phanomenologieю. Eine Einleitung in die phanomenologische Philosophie*. den Haag, 1950. 390 p. (Russ. ed.: Gusserl Ed. *Krizis evropeyskikh nauk i transcendentalnaya fenomenologiya*. St.-Petersburg, 2004. 400 p.).

The Problem of Time Anthropogenesis: Phenomenological View

D. L. Ustimenko

North-Caucasian branch of Moscow Technical University of Communications and Informatics, Rostov-on-Don 62, Serafimovicha str., Rostov-on-Don, 344002, Russia
E-mail: UstimenkoD2006@yandex.ru

The article is devoted to a comprehension of the phenomenological understanding of time as an anthropogenetical category. The author demonstrates that the subjective time does not change the form of human experience. The phenomenological structure of time identifies the human existence, conserving the integrity. Time maintains the primordial form of its basic structures, perceiving intentions, memory, thinking. The paper establishes an absolute synthetical character of time form, which argues its absence. The work proves that time does not «develop», nor «evolve» a man. There is a conclusion about an instantaneous character of descent of man, when time itself begins and «accompanies» one's phenomenological history.

Key words: anthropogenesis, phenomenology, temporality, identity, instantly, event.

References

1. Hubner B. *Sinn in SINN-loser Zeit: metaphysische Verrechnungen eine Abrechnung*. Wien, 2002. 370 p. (Russ. ed.: Hyubner B. *Smysl v bes-SMYSLENNOE vremya: metafizicheskie raschety, proschety i svedenie schetov*. Per. s nem. A. B. Demidova. Minsk, 2006. 384 p.)
2. Thomas of Bradwardine. *His «Tractatus de Proportionibus». Its Significance for the Development of Mathematical Physics*. Madison. Wis., 1955. 104 p. (Russ. ed.: Bradvardin Foma. *O kontinuumе. Voprosy filosofii*, 2005, no. 5, pp. 149–159).

15. Kuznecov V. Yu. *Mir edinstva* (The world of unity). Moscow, 2010. 207 p.
16. Brek I. *Svyashchenny dar zhizni* (The sacred gift of life). Moscow, 2004. 398 p.
17. Molchanov V. I. Cogito. Sintez. Subektivizm (Cogito. Synthesis. Subjectivism). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 1996, no.10, pp. 133–143.
18. Podoroga V. A. *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury*: v 2 t. T. I. N. Gogol, F. Dostoevskiy (Mimesis. Materials for the analytical anthropology of literature: in 2 vol. Vol. I. N. Gogol, F. Dostoevskiy). Moscow, 2006. 685 p.
19. Stepanishchev S. A. *Vnutrennost bez vneshnosti: fenomenologiya ne/ochen estestvennogo* (Inside no appearance: Phenomenology is not very natural). Moscow, 2014. 160 p.

УДК 8.11.

О НАЧАЛЕ ЯЗЫКА

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: friauf50@mail.ru

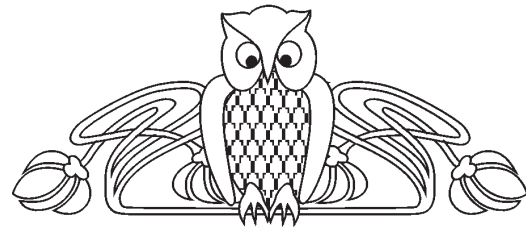
Автор в статье ставит вопросы, которые проблематизируют тему. Например, следующие: язык – что это такое? Имеет ли он возникновение в истории человечества? Или генеалогия языка находится между историей и метафизикой? Иными словами, есть ли у языка как такового начало в истории? Для ответа вводятся неочевидные тезисы и приводятся аргументы для их обоснования. Показано, что традиционное понимание языка через коммуникативную функцию как базовую содержит в себе парадоксы и антиномические противоречия. Напротив, гипотеза о метафизических универсалиях обоснована посредством *сущностной косвенности*. Характерно, что такая аргументация настаивает на сакральном происхождении человеческого языка.

Ключевые слова: язык, генеалогия языка и языков, «адамическая» гипотеза, метафизические трансценденции, знаки и символы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-292-296

Мы говорим, мы пишем, мы ежедневно совершаем множество операций с помощью языка. Из-за очевидной ситуации подобного рода мы, люди, склонны выделять именно *коммуникацию* как основную функцию языка. Современная лингвистика молчаливо или настойчиво исходит из этой предпосылки. Что касается традиционного для научного (или вненаучного) мышления вопроса о *начале* языка, то лингвисты и философы языка либо ссылаются на постепенные шаги эволюции, либо вообще заявляют, что логично говорить о функциях, но нелогично ставить вопросы о сущности и начале языка как такового. Существуют, правда, и нетрадиционные ответы.

Наша целевая установка предполагает постановку и предварительную проработку ряда конкретных исследовательских задач. Выделим наиболее приоритетные и релевантные теме и цели нашего исследования.

Что такое язык? Почему не удаётся научно обосновать естественное происхождение языка/языков на основе законов эволюции и культурного развития человечества? В чём ошибочность стратегии языкознания, согласно которой все языки и наречия мира имеют происхождение из единого начала – «адамического» праязыка? Какова роль в решении вопроса о начале языка принципа Имени и принципа Числа? Для того чтобы наметить основные пути в постановке и решении этих вопросов, начнём с выявления их теоретических предпосылок [1].

Выдвинем для обсуждения два альтернативных тезиса: 1) язык – основной медиатор между людьми. Коммуникация необходима в социальной жизни, и эту функцию наиболее успешно реализует именно язык. Язык возникает в культуре как её средство и как её результат. Ничего сверхъестественного и мистического в языке нет – он вполне рационален и является изобретением самих людей; 2) объяснить происхождение языка из культурного и постепенного развития человеческого общества научными методами ещё никому не удавалось. Следовательно, само существо вопроса заключается даже не в онтологических основаниях – эти основания с необходимостью уводят нас в метафизику как дисциплину, которая проясняет вопрос о трансцендентных истоках как самого языка, так и бытия в целом. По законам жанра выдвинутые тезисы требуют либо обоснования, либо опровержения. Этим мы и займёмся.

Предположим, что истина заключается в первом тезисе: выделим аргументы «за» и «против». Что касается аргументации в пользу данного тезиса, то они самоочевидны и, предположительно,

но, самодостаточны. Самодостаточны? В отличие от аргумента о коммуникативной функции языка, вопрос об антропогенном происхождении языка отнюдь не очевиден. Мне вспоминается популярное в советский период истории мнение, согласно которому «скачок» от стада обезьяноподобных предков к человеческому обществу стал возможным благодаря включенности человека в процесс производства орудий. Мне даже приходит на ум более чем странная ситуация: в главе пятой первого тома «Капитала» марксисты любили ссылаться на знаменитое определение труда, данное Марксом в результате сравнения человеческой деятельности с деятельностью животных и насекомых: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [2, с. 188].

Что здесь странного? Станным является не замеченное ни самим Марксом, ни его последователями логическое противоречие в приведенном определении труда, а именно – согласно считавшемуся аксиомой положению, что именно благодаря труду рождается сознание человека, соотношение труда и сознания в данном определении перевертывается: именно идеальная, сознательная цель определяет цель и специфику трудовой деятельности человека. Это напоминает известный шуточный вопрос: что первично – курица или яйцо? Труд или сознание?

А так как язык полагали при этом функцией сознания, развитие и происхождение языка также увязывалось с трудовой деятельностью человека. Выходит, указанное логическое противоречие, которое в логике получило именование «*circulus viciosus*», или «порочный круг» в определении, то аргумент о постепенном происхождении языка из трудовой деятельности человека оказывается несостоятельным.

В сочинении русского мыслителя о. Сергия Булгакова «Что такое слово?», опубликованном на русском в сборнике «Философия имени», приводится ещё один аргумент против идеи постепенного развития якобы изобретенного самим человеком языка [3, с. 446]. «Для одних он развился из звериных криков, для других – из звукоподражаний, но во всяком случае слово здесь производится из того, что само по себе ещё

не есть слово. При этом главный, центральный и единственный вопрос – как возникает слово из *не-слова* или, что то же – появляется *первое* слово в своеобразии своём – здесь не отвечается, но обходится ссылкой на *постепенность* перехода, как будто можно построить будущий эволюционный мост над пропастью» [4, с. 40]. Сильной стороной данного аргумента С. Н. Булгакова является утверждение, что ни эволюционисты, ни психологи не в состоянии ответить на вопрос – как возможно возникновение слова из неслова? Или, иначе: как возможно появление языка из *неязыка*? Аргументы типа: постепенно, в ходе эволюции общества из стада обезьян – такие аргументы некорректны. Ведь так называемая «первая сигнальная система», наличествующая у животных или птиц, не в состоянии совершить «скачок» ко «второй сигнальной системе» (как именуют человеческую речь эволюционисты) без внешней на то причины. Иными словами, язык как таковой не может возникнуть из того, что языком, в строгом смысле, не является.

Здесь напрашивается в продолжение предшествующего рассуждения ещё и дополнительное размышление. В самом деле, разве очевиден тот факт, что люди сами изобрели язык (или языки мира)? Как отмечает далее тот же Сергей Булгаков, где и когда жил тот гений среди людей, которому вдруг пришло на ум передать кому-то (кому? тому, у кого ещё нет языка?) уже не животный сигнал, а осмысленную речь? Или внезапно у этого гения сложилась вся система языка, а заодно и способность передавать эту систему другим людям? Люди способны предлагать искусственные системы языков, но только потому, что у них **уже** есть в наличии система языка «естественного». Но что же это такое – «естественный» язык? И так ли уж он естественен на самом деле?

Здесь пора переходить к размышлениям по поводу нашего альтернативного второго тезиса. Предположим, мы согласны с тезисом о том, что постепенный эволюционный процесс (который молчаливо предполагается сторонниками антропогенного происхождения языка) ничего не объясняет уже потому, что сам нуждается в объяснении. Так как для большинства людей более убедительными представляются именно факты, а не рассуждения, обратимся к фактам истории.

Сегодня историки располагают если уж не всей полнотой фактов относительно, например, истории Египта, то невозможно отрицать, что историки-египтологи накопили достаточное количество фактов, указывающих на одно странное и трудно объяснимое обстоятельство, а именно – знаменитое «жреческое» письмо в наиболее развитом и совершенном состоянии появляется не в конце, а

в начале исторического пути древнего Египта. Напротив, с движением Египта от Древнего царства через Среднее к Новому царству язык и письмо Египта не развивались, а только деградировали – от иероглифов «жреческого» письма к так называемой иератике и к демотике. Получается парадоксальная вещь: чем более человек пытается «самостоятельно» развивать невесть откуда приобретённые устную и письменную речь, тем меньше ему удаётся именно их развитие. Скорее, усиливается инволюция и деградация – как будто сами люди способны только ухудшать уже имеющийся у них язык (да только ли язык?).

Даже если мы всерьёз не воспринимаем мнение греческого историка Манефона (который полагал, что до истории царей-людей с их царствами и династиями в Египте были куда более древние эпохи правления богов и полубогов), то нам необходимы более солидные и более фактически обоснованные аргументы для объяснения факта падения системы языка в цивилизации древнего Египта. Конечно, это вещь фактически трудно доказуемая для воспитанного в духе современного рационализма современного учёного. Как же лучше всего здесь поступить?

Лингвисты, филологи и философы констатируют интересный факт: наиболее развитая и совершенная система «жреческого» письма появилась на территории Египта очень давно – ещё до появления первых династий фараонов Древнего царства. Все последующие династии не только не усовершенствовали эту систему письма, а наоборот, растеряли это совершенство. Как это понимать? А как понимать тот гораздо более близкий к нам по времени факт, что язык и письмо в России за последний век стремительно деградировали? Имею в виду не специальные филологические исследования, а общее, национальное владение языком? Полагаю, что факт такой деградации настолько очевиден, что его невозможно оспаривать.

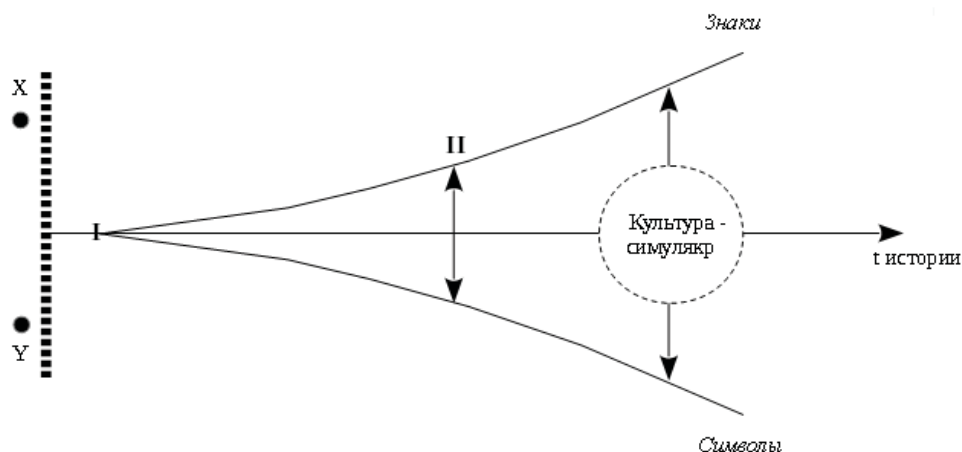
Осмыслим некоторые гипотезы, претендующие на ответы. Например, есть хорошо обоснованная гипотеза, согласно которой язык и культуру древнего Египта инициировала другая, доегипетская цивилизация. Представители этой загадочной цивилизации передали будущим жрецам Египта неалфавитную и нефонетическую «жреческую» письменность. Мифология Египта и Греции даже сохранила имена «богов»-посредников. Древние греки дали ему имя бога Тота Гермеса Триждывеличайшего, а древние египтяне поклонялись ему как богу Джехути. Подобного рода современные гипотезы высококолобые интеллектуалы склонны называть венаучной «романтической» египтологией. Но при этом сами ничего вразумительного и достоверного предложить не в состоянии.

Что касается новейшей истории России, то здесь серьёзных научных исследований ещё не проводилось, зато свежих и «горячих» фактов более чем достаточно. В 2007 г. в Саратов, по моему приглашению от имени философского общества имени С. Л. Франка, приехала пожилая чета из Парижа – потомки русских эмигрантов первого поколения (поколения «философских пароходов» из России) – супруги Залесские. Ныне они возглавляют в Париже русскоязычное общество «Икона». Что меня (и не только меня) поразило уже с первой встречи – так это присущее русским парижанам владение русской речью: это была та самая русская речь, что существовала в России в период до навязанного нам «новояза». Позднее я нашёл в Интернете сообщения современных деятелей культуры аналогичного толка: попадая за рубежом к пожилым русским эмигрантам в гости, они стеснялись говорить на русском из-за чувства стыда за современную русскую речь.

Даже в так называемой «научной» лингвистике устойчиво воспроизводится архетип поиска «адамического» праязыка человечества. Иными словами, отнюдь не склонные к «романтизму» учёные, прежде всего лингвисты, ищут следы того самого первоязыка, на котором, якобы, говорили все люди в седой древности. Ищут, несмотря на множество внешне несовместимых семейств и групп языков. Ищут и в области семантики, и в области синтактики (чего стоят хотя бы поиски «глубинной грамматики» языков), и даже в области прагматики языков. Несмотря на интересные находки вроде ностратической гипотезы единства языков, лингвисты дальше констатации того обстоятельства, что множество языков и наречий мира подразделяется на так называемые «метакусты» (коих насчитывают от четырёх до шести, состоящих, в свою очередь, из групп или языковых семейств), дело объединения не пошло. Следовательно, гипотеза о едином «адамическом» первоязыке оказывается несостоятельной. Языкознание, таким образом, нуждается в иных, более основательных и более достоверных гипотезах и теориях.

На протяжении уже двадцати лет мною предлагается альтернативная гипотеза происхождения языка/языков. Приведу, для большей наглядности и убедительности, графическую схему этой гипотезы (рисунок).

На схеме литерами X и Y обозначены трансцендентные эмпирической истории предпосылки языка/языков мировой истории. Вторгаясь в вертикаль, отделяющую трансцендентную область от эмпирической реальности человеческой истории, на выходе в область истории они превращаются в феномены Имени и Числа. Или, иначе, в язык-знак и в язык-символ. Трансценденталия X становится

Генеалогия языка из метафизических трансценденталий

асимптотой символяриума культуры, трансценденталия Y становится асимптотой семиозиса данной культуры. Знаки и символы языка, взаимодействуя внутри эмпирической истории данной культуры, являются основой языка как такового и появления множества языков и наречий (см. рисунок).

Сразу встаёт вопрос – как проверить данную гипотезу и обосновать её достоверность? Доказательство и опровержения как способы обоснования работают в сфере логико-математических дисциплин, но референтная область нашего исследования к этой области дисциплин явно не относится. Следовательно, необходимо найти иные способы обоснования предложенной нами гипотезы. В нашем случае едва ли не единственным способом обоснования является проверка эмпирических следствий из нашего допущения не одного, но двух начал языка как такового.

Прежде всего, больше нет необходимости в антропогенной и культурогенной гипотезах происхождения языков. Это значимое отсутствие избавляет нас от ненужных и бесполезных поисков того же «адамического» первоязыка. Разумеется, неизбежно возникают другие вопросы. Например, откуда известно и почему необходимо признать наличие метафизических трансценденталий, из которых в реальной истории возникают феномены Имени и Числа, или – знаковости и символизма в языке? Это кажется произвольным допущением, т.е. *ad hoc* гипотезой. У меня пока один ответ – эта гипотеза появляется как следствие исключения всех иных допущений.

Если первый аргумент – это указание на значимое отсутствие (сюда же можно отнести и отсутствие необходимости сочинять небылицы о гениальных изобретателях языка и так называемой эволюции, или постепенного возникновения языка из неязыковых реалий), то следующий аргумент как раз основан на тех элементах, без наличия которых невозможны группы и семейства

таких до удивления разных видов языковой коммуникации. Попробуйте указать на вид земного языка и наречия, в котором начисто отсутствовали бы любые знаки и символы. В любом языке любой языковой группы носителями языковых операций являются знаки и символы. Даже в гипотезе Сепира и Уорфа о языках индейцев северной Америки – хопи и нутка – при всём отличии этих языков от остальных групп носителями языковых сообщений всё равно оказываются своеобразные символы и знаки. Будем ли мы изучать иероглифы Египта или китайские иероглифы либо обратимся к пиктограммам шумеров, при всём их отличии друг от друга все они основаны на различного вида знаках и символах. Более того, именно взаимодействие символов и знаков порождает различного типа языковые семейства и языковые группы.

Конечно, данную гипотезу нельзя понимать как всего лишь замену монизма дуализмом. Мол, автор вместо поиска единого первоязыка предлагает дуальное начало из символов и знаков. Ведь неизбежно возникает вопрос: откуда в трансцендентной для истории области появляются метафизические трансценденталии X и Y ? И почему мы можем быть уверены, что именно они порождают как сам язык, так и его знаковость и символизм? Богословие отвечает простым тезисом: источником указанных метафизических трансценденталий является Бог.

Для философии это не ответ, а лишь источник самого нетривиального вопрошания. И не потому, что философия, якобы, возможна лишь как рациональное познание. Как невозможно свести мышление только к наличию рациональных процессов (ибо рациональность есть не что иное, как мышление в пропорциях, или в количественных закономерностях, вроде «золотого сечения»), так и философия как форма мышления несводима к элементам научной рациональности. Тем не менее можно утверждать, что там, где богосло-

вие предлагает свои ответы, которые требуют от сторонников богословской концепции просто их выучить, там философия, как верно отмечает М. Хайдеггер, ставит предельной значимости вопросы, т.е. вопросы, открывающие новые пути смыслового горизонта для мышления. Ведь есть философские системы, которые возводят своё основание к металоогическим и трансрациональным основаниям, например, русский мыслитель Алексей Лосев утверждает возможность экстаза гиперноэтического, т.е. сверхумного [4, с. 741].

Этим я не хочу сказать, что философия имеет некое преимущество перед богословской мыслью, ибо и философия, и богословие, пока они *мыслят*, различаются как *формы* мышления. Но критерием их истинности и самокритичности является видение возможностей границ самого мышления. В философии ярким примером является знаменитый тезис Сократа о том, что он знает лишь то, что ничего не знает на самом деле, а в христианском богословии не менее знаменитое «Мистическое богословие» Дионисия Ареопагита, в котором Бог постигается не в том, что он есть, а в том, что он не есть. Да и само *откровение*, хотя и выражено как форма знания, отсылает к Тому, Кто, согласно Ареопагиту, пребывает выше и знания, и бытия [5, с. 341–367].

Иными словами, основную мысль этой статьи можно вкратце сформулировать так: язык – величайшая загадка нашего бытия. Несмотря на все видимые достижения лингвистики и других наук о языке, невозможно достичь вполне достоверного и вполне научно построенного знания о начале языка. Этим я не хочу сказать, что возможны более истинные формы знания о языке в какой-то венаучной форме. Можно быть глубоким или остроумным в своих высказываниях, но необходимо понимать и помнить: в лучшем случае наши гипотезы не более чем метафоры. Ибо перед нами тайна, тайна происхождения языка как языка, выражающего в разных модальностях и с разной степенью выразительности Смыслы, не нами придуманные и не нами созданные. Одно из лучших высказываний о языке, на мой взгляд, принадлежит исследователю, внешне далёкому от религии: французский семиолог и философ Ролан Барт однажды заявил: язык – это знакомый незнакомец.

Таким образом, резюмируя наши рассуждения, мы вновь возвращаемся к выдвинутым в начале статьи двум альтернативным тезисам. Полагаю, читателю понятно, что я склоняюсь к выводу о том, что второй тезис более обоснован и состоятелен. Несмотря на отсутствие строгой доказательности, он лучше обоснован фактологически. В первом тезисе тоже нет логической строгости в обосновании его истинности, а что касается фактов – то с ними и вовсе дела обстоят

против его утверждения. Следовательно, самым ходом исследования мы вынуждены признать приоритет метафизических трансценденталий, которые воздействуют на эмпирические процессы порождения языка и наречий мира.

Список литературы:

1. Фриауф В. А. Генеалогия языка и культа. Между историей и метафизикой. Саратов, 2015. 197 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 39 т. 2-е изд. М., 1969. Т. 23. 907 с.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 1998. 446 с.
4. Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1993. 958 с.
5. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. О мистическом богословии / тексты, пер. с древнегреч. СПб., 1995. 370 с.

To a Question of the Beginning of Language

V. A. Friauf

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: friauf50@mail.ru

The author in article raises questions which problematizirut a subject. For example, following: language – whether it what is it? Has emergence in the history of mankind? Or the genealogy of language is between history and metaphysics? In other words – whether is at language as began that in the history? For the answer the author enters not obvious theses and arguments for their justification are adduced. It is shown that the traditional understanding of language through kommunikavny function as basic, comprises paradoxes and anti-nomic contradictions. On the contrary, the hypothesis of metaphysical universalia is proved by means of *intrinsic indirection*. It is characteristic that such argument insists on a sacral origin of human language.

Key words: language, genealogy of language and languages, adamic language, hypothesis, metaphysical transcendentala, signs and symbols.

References

1. Friauf V. A. *Genealogiya yasyka i kulta. Mezhdru istoriey i metafisikoy* (Genealogy language and worship. Between history and metaphysics). Saratov, 2015. 197 p.
2. Marx K. *Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie*. Hamburg, 1867. 654 p. (Russ. ed.: Marks K. Kapital. Kritika politeskoj ekonomii. Marks K., Engels F. Sobr. soch. : v 39 t. 2-e izd. Moscow, 1969. Vol. 23. 907 p.).
3. Bulgakov C. N. *Filosofiya imeni* (The philosophy of a name). St.-Petersburg, 1998. 446 p.
4. Losev A. F. *Bytie –Imiya – Kosmos* (Genesis – Name – Space). Moscow, 1993. 958 p.
5. *Dionysius the Areopagite: The Divine Names and Mystical Theology*-trans. C. E. Rolt. London, 1920. 123 p. (Russ. ed.: Dionisiy Areopagit. *O bojestvennyh imenah. O mistitheskom bogoslovii*. St.-Peterburg, 1995. 370 p.).

УДК 304.4

ИЗМЕНЕНИЕ ДИСКУРСА ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шакирова Елена Юрьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военно-учебный научный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрани). E-mail: 5526reu@mail.ru

Герасимов Николай Николаевич – подполковник, заместитель начальника спецфакультета, начальник учебной части филиала Военно-учебного научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрани). E-mail: gerasimovnn4112843@letomail.ru

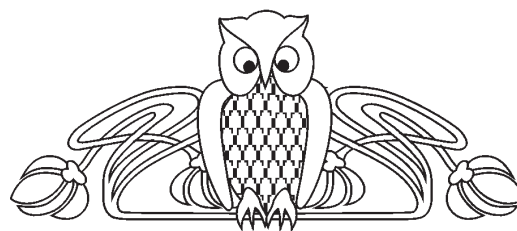
Возрастающая сложность социокультурных процессов, глобализация, рискогенность социокультурного пространства, обострение отношений между государствами и их переход в открытые военные столкновения диктуют необходимость тщательного социально-философского анализа сложившейся к началу XXI в. ситуации. Нарастание социальной напряженности, увеличение численности локальных конфликтов приводит к тому, что наиболее значимые столкновения между некоторыми государствами выходят на авансцену всей планеты. Военные конфликты, повышая рискогенность современности, существенным образом трансформируют социокультурное пространство, превращая его в локус войны, нивелируя одни ценности и актуализируя другие. Социокультурное пространство как результат деятельности человека впитывает военную составляющую и само становится военным по своей сути.

Ключевые слова: социокультурное пространство, война, риск, рискогенность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-297-301

Социокультурное пространство – это результат деятельности человека и общества. Оно реально, с одной стороны, но с другой – в гносеологическом плане выступает как сложная ментальная конструкция, описание которой предстает как комплексная социально-философская проблема. Социокультурное пространство – феномен многоуровневый и разноплановый. Развитие его представляет собой изменение состояний при условии сохранения некоего исходного, порождающего новые состояния. Под влиянием таких процессов, как глобализация и нарастание сетевых взаимодействий строение пространства изменяется. Размытость границ, неопределенность, переходность позиций, смена значений аксиологических знаков, трансформация сущностных характеристик – таково социокультурное пространство современности.

Война – неотъемлемый элемент социокультурного пространства, которое включает в себя

все без исключения виды деятельности человека и общества, ее прямые и опосредованные результаты. Война – явление, которое сопровождало, сопровождает и, видимо, будет сопровождать развитие общества. Философия всегда стремилась ответить на вопрос о сущности войны, оценить её роль, ценность и значимость для человечества. Классический пример исследования войны восходит к началу зарождения философской мысли. В древнем мире военные действия превратились в угрозу существования практически всех государств. Мыслители того времени рассматривали войну как средство для достижения могущества и власти для государств и их правителей. Сунь-Цзы говорил: «Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти. Это путь существования и гибели. Это нужно понять» [1, с. 22]. В Древней Греции военно-философская мысль получила существенное развитие в трудах философов того времени – Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля, уделявших большое внимание теоретическому осмыслению проблемы войны, ее подготовке и ведению. Общество греческого античного мира рассматривало войну как главный источник рабов и как явление, неразрывно связанное с жизнью. Мыслителей Древней Греции интересовали истоки, причины, сущность войн. Они пытались классифицировать войны, определить взаимосвязь с политикой, найти ответы на фундаментальные вопросы социального бытия.

Августин Блаженный утверждал, что на земле, где господствуют грех и несправедливость, мир в принципе невозможен. Мир возможен только в Граде Божьем, где правят благодать и умиротворение, и попадут в этот Град святые люди. Августин Блаженный воспринимал войну необходимым злом, без которого не может быть «блага христианского мира и справедливости» [2, с. 8].

Точка зрения на войну меняется в эпоху Возрождения: она считается социальным злом, и в борьбу с ним включились многие философы этой эпохи: в частности, Эразм Роттердамский отмечал, что любая война несет бедствия: смерть, кризис

ремесла, торговли, падение нравов, игнорирование законов. Разжигатели войн – правители, именно они нарушают догмы Священного Писания: «Если ты считаешь, что нынешнее общество порочно потому, что худшие люди в нем имеют большую власть, то знай: во время войны царят отъявленные преступники» [3, с. 61].

Т. Гоббс видит в сущности человека три основные причины войны: во-первых, соперничество, во-вторых, недоверие, в-третьих, жажда славы [4, с. 151]. «Первая причина – писал Т. Гоббс, – заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая – в целях собственной безопасности, а третья – из соображения чести» [4, с. 152]. Бенедикт Спиноза внес существенное дополнение в учение Т. Гоббса. Он полагал, что мир надо защищать с оружием в руках: «Мир есть не отсутствие войны, а добродетель, проистекающая из твердости духа...» [5, с. 312].

Дж. Локк пошел еще дальше: он оправдывал войну только в том случае, если она идет во благо народу, поэтому когда правитель начинает войну против воли народа, «народ имеет законное право сопротивляться своему королю» [6, с. 129].

Французский философ-просветитель Ж.-Ж. Руссо убедительно высказывался за формирование международной мирной организации. В частности, он указывал в числе важнейших причин войны имущественное неравенство в обществе, стремление человека к собственности [7, с. 565–567]. Интересы правителей и интересы народа – это не одно и то же, полагал философ. Для утверждения абсолютного мира необходимо, чтобы интересы правителей совпадали с интересами народа.

Интересны воззрения И. Канта на природу войны и мира: он рассматривал данную проблему с точки зрения нравственности и морали. И. Кант отмечал, что войну нельзя анализировать односторонне, как абсолютное зло. Война, по его мнению, способствует расселению народов, она необходима как самооборона, её можно оправдать, если она ведется ради основания национального государства. Она способствует пробуждению талантов, развивает мужество у народа в противоположность торговле, которая порождает меркантильность, трусость и избалованность [8].

Серьезный вклад в изучение феномена войны внес К. Клаузевиц. Пытаясь понять природу войны, он приходит к умозаключению, что война – непредвиденное событие, которое движется и формируется в противоречиях. Он с сарказмом относился к надежде на «вечный мир» и отказывался от заблуждений некоторых человеколюбцев, «имеющих своим источником добродушие» [9, с. 75]. Природа войны непостоянна и способы её осуществления влияют на

характер военной кампании, война – это «истинный хамелеон» – отмечал К. Клаузевиц. Являясь хорошим теоретиком, он дал три определения понятия войны.

Первое определение сфокусировано на том, что «война есть не что иное, как расширенное единоборство <...> это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [10, с. 73]. Согласно этому утверждению, наша воля управляет войной. Воля командует и направляет войну, опираясь на психические и духовные силы воюющих сторон. Процесс этого напряжения всех сил противоборствующих обществ протекает до тех пор, пока одна из сторон не признает свое поражение.

Рассматривая природу войны в политическом контексте, К. Клаузевиц дает второе, наиболее известное, определение войне: «Война есть продолжение политики, только иными средствами» [10, с. 87]. Невозможно рассматривать войну отдельно, не затрагивая политическое положение дел. Раскрывая это определение, он приходит к другому, более яркому обозначению войны как пульсации насилия. Война сравнительно быстро приходит к концу, но её развитие бывает относительно длительным, поэтому К. Клаузевиц и формулирует определение войны как всплеска и затухания насилия.

Отечественные философы также уделяли огромное внимание проблеме войны и ее роли в общественном развитии. Над этой проблемой размышляют такие мыслители, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. Соловьев и др. Достоевский полагает, что война обновляет людей: «...у всех поднят дух, и не слышно об обыкновенной апатии или скуке, как в мирное время». Кроме того, «положительно можно сказать, что долгий мир ожесточает людей» [11, с. 12]. Писатель полагает, что «наука и искусства именно развиваются всегда в первый период после войны. Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. Напротив, в долгий мир и наука гложет» [11, с. 13].

В. Соловьев отмечает: «По-настоящему относительно войны следует ставить не один, а три настоящих вопроса: кроме общенравственной оценки войны есть другой вопрос – о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся, и, наконец, третий вопрос, личный – о том, как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и к тем условиям, которые из него практически вытекают?» [12, с. 26–27]. В. Соловьев не сомневается в том, что со стороны общенравственной оценки мир есть норма, то, что должно быть, а

война – аномалия, то, чего быть не должно [12, с. 28]. Однако философ не отрицает, что война «бывает реально необходима при данных условиях» [12, с. 28]. Кроме того, он искренне считает, что «организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути осуществления мира» [12, с. 33]. «Война была прямым средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества», – подытоживает мыслитель [12, с. 57].

Н. Бердяев подчеркивал, что «природа войны, как материального насилия, чисто рефлективная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни» [13, с. 287]. Философ полагал, что «в глубине духовной действительности давно уже началась мировая война, мировая вражда, ненависть и взаимоистребление» [13, с. 288].

Можно отметить, что эти слова актуальны до сих пор: ненависть, вражда и нелюбовь сопровождают развитие человечества, войны не прекращаются, а переходят на другой уровень, скрытый, латентный, который может в любой момент времени перейти в открытое столкновение.

Может ли война быть благом? Этот вопрос занимал умы величайших философов с древнейших времен и, по всей видимости, не потеряет актуальности в ближайшее время. Наиболее общая точка зрения на проблему нравственного содержания войны выражена современным отечественным исследователем А. А. Скворцовым: «Могут ли быть войны благом? Могут, если невступление в войну повлечет еще более пагубные последствия, чем ее начало» [14, с. 77]. Остановимся на этом утверждении: вступление в войну позитивно, если невступление – еще большее зло для общества и народа. Однако необходимо понимать, что полного оправдания войне быть не должно, война – это зло, и природа войны не может быть положительной.

Таким образом, данный небольшой историко-философский экскурс в разработку концепта «войны» и роли феномена в развитии общества свидетельствует о важности этого вопроса для современной гуманитаристики.

Война как социальное явление не является изолированным и не возникает внезапно, без связи с предшествующей жизнедеятельностью социума. Рискогенность социума – важнейшее условие, стимулирующее развитие таких социально-экономических, социально-политических и социокультурных отношений, которые способны привести к деструкции существующих структурных социальных связей и отношений и нивелировать внешние зависимости.

К сожалению, современность демонстрирует следующее: риски уже не являются прерогативой того или иного социума: они приобретают глобальный характер, оказывают существенное влияние на развитие всего человечества. Военные риски не являются исключением: прогрессируя, они порождают угрозу третьей мировой войны. Однако «крупномасштабная война с применением обычных вооружений <...> пожалуй, действительно изживает себя; однако сама война, война как таковая – жива, активна» [15, с. 20]. Мир не стал стабильнее, безопаснее и надежнее, напротив, он стал еще более уязвимым, непредсказуемым и подвержен рискам, среди которых особое место занимает немотивированное применение военной силы.

Примечательно, что именно в XX в. стали появляться различного рода концепции, которые так или иначе определяли потенциальную конфликтогенность сложившегося миропорядка. К их числу относятся теоретико-философские построения С. Хантингтона – «столкновение цивилизаций» [16], согласно которому наступает эра столкновения культур. Связывая специфику современной войны с изменением роли культурного фактора в политике, С. Хантингтон полагает, что на смену идеологически мотивированным военным столкновениям государств приходят детерминированные культурой (религией, традициями) военные столкновения цивилизаций. Философ представляет будущее в пессимистических красках: неудачные попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую и нежелание определенных цивилизационных обществ признать монистическую ценность культуры Запада могут привести к взаимной отчужденности огромных людских масс, поэтому основными причинами цивилизационных конфликтов в современном мире станут не экономические и идеологические причины, а именно культурные.

Концепция американского ученого была воспринята в философских кругах критически, в частности, Б. И. Каверин отмечает, что, согласно точке зрения С. Хантингтона, войн между государствами и их коалициями не существует, так как они включены в войны между цивилизациями. Кроме того, Б. И. Каверин отмечает достаточно вольное обращение с такими понятиями, как «культура», «цивилизация», «война», «военный конфликт» [17, с. 106].

Именно теоретические построения С. Хантингтона инициировали сдвиг в понимании войны XX столетия. Важнейшей особенностью современной войны является взаимообусловленность политического и технологического факторов. На смену «кровавым» войнам приходят «бескров-

ные», «неболевы», «цивилизационные» войны, в которых цели достигаются не в результате прямого вооруженного насилия, а путем применения альтернативных форм насилия: экономического, психологического, политического, информационного. Новые войны конца XX – начала XXI в. несут новые риски для общества. Насилие, осуществляемое во всех сферах общественной жизни, сказывается неоднозначно на населении, на ценностных приоритетах современного общества.

Современность порождает новых субъектов войны – наднациональные организации, цель которых заключается в осуществлении некоей общей цели (ООН, НАТО). Рискогенность данного процесса заключается в том, что эти организации начали осуществлять контроль над различными международными сферами, а также легитимировать вооруженное насилие в случае необходимости. Появилась новая форма войны – миротворческая, которая подразумевает военную деятельность по установлению и поддержанию мира в районе конфликта от имени ООН. Появление надгосударственных субъектов войны обусловлено, в первую очередь, глобальными процессами современного мира. Их суть состоит в переходе от государственно-центричного порядка, где национальное государство полностью контролирует свою территорию, к порядку, где территориально обособленные государства постепенно растворяются в новом транстерриториальном образовании.

Создание ядерного оружия значительно увеличивает военные риски: «... ядерное оружие создавалось для того, чтобы обеспечить военных и их политических руководителей беспрецедентным по своей мощи средством, позволяющим успешно вести и выигрывать войны» [15, с. 31]. Следствием создания ядерного оружия стала «холодная война». Её специфика заключается в том, что она, с одной стороны, осуществлялась без прямой вооруженной борьбы между главными участниками противостояния, что привело к созданию и использованию невоенных средств для достижения определенных политических целей. С другой стороны, ядерное оружие может вообще положить войне как социальному явлению конец. Действительно, после 1945 г. сверхдержавы не вели традиционных войн между собой. Как отмечает М. ванн Кревельд, «практически во всех случаях малейшая угроза развязывания такой войны <...> была бы сущей нелепицей» [15, с. 40]. В конечном итоге, применение вооруженных сил с целью захвата территории было признано незаконным в международном праве. Все признаки свидетельствуют о том, что, сталкиваясь с государствами, имеющими ядерное оружие,

государства стали осторожнее и осмотрительнее. Однако риски военного характера с появлением ядерного оружия не уменьшились, а лишь приобрели другие черты, поскольку войны перешли на другие уровни – информационный, экономический, психологический. В начале XXI в. возникает еще одна форма войны – террористическая. Х. Хофмайстер рассматривает ее как войну нового типа – «асимметричную». «Асимметрия» понимается как действие, способ организации или тип мышления, отличный от действия или мышления противника. «Асимметричный характер» террористической войны выражается в том, что это противостояние неполитического субъекта с политикой национального государства [18]. Такая наименее предсказуемая форма войны в условиях глобализации создает новые угрозы, новые риски и ощущение перманентной опасности для людей.

Повышая рискогенность социокультурного пространства, любая война неизбежно его трансформирует, видоизменяя строение социокультурности и внутренние аксиологические связи [19]. Серьезной деформации подвергаются и ценностные значения, некоторые из них актуализируются, некоторые – частично или полностью нивелируются. Социокультурность до войны, во время войны и после войны представляют различные формы связей и отношений между элементами, которые порой противоположны друг другу.

Список литературы

1. *Сунь-Цзы*. Искусство войны. М., 2012. 96 с.
2. *Война и армия*. Философско-социологический очерк. М., 1977. 415 с.
3. *Трактаты о вечном мире*. Философско-социологический очерк. М., 1963. 278 с.
4. *Гоббс Т.* Избр. произв. : в 2 т. М., 1964. Т. 2. 748 с.
5. *Спиноза Б.* Избр. произв. : в 2 т. М., 1967. Т. 2. 727 с.
6. *Локк Дж.* Избр. философские произв. : в 2 т. М., 1960. Т. 2. 532 с.
7. *Антология мировой философии* : в 4 т. М., 1970. Т. 2. 776 с.
8. *Кант И.* К вечному миру. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 12.11.2015).
9. *Новиков Г.* Теории международных отношений. Иркутск, 1996. 298 с.
10. *Клаузевиц К.* О войне. М., 2007. 861 с.
11. *Достоевский Ф. М.* Парадоксалист // Русские философы о войне. М., 2005. С. 11–17.
12. *Соловьев В.* Смысл войны // Русские философы о войне. М., 2005. С. 25–57.
13. *Бердяев Н.* Мысли о природе войны // Русские философы о войне. М., 2005. С. 286–294.
14. *Скворцов А. А.* Нравственные проблемы войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 1. С. 74–83.

15. Кревельд М. ванн. Трансформация войны. М., 2015. 320 с.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.
17. Каверин Б. И. Цивилизационная концепция войны и армия // Военно-философский вестн. 2008. № 1. С. 104–113.
18. Хофмайстер Х. Теория террористической войны // Homo philosophans : сб. к 60-летию проф. К. А. Сергеева. Сер. «Мыслители». Вып. 12. СПб., 2002. С. 439–452.
19. Шакирова Е. Ю., Герасимов Н. Н. Социальные риски и война : контуры пересечения дефиниций // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических дисциплин : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. ; Вольск, 2016. Ч. 2. С. 138–143.
5. Spinoza B. *Complete works*. Cambridge, 2002. 992 p. (Russ. ed.: Spinoza B. *Izbr. proizv.*: v 2 t. Moscow, 1967. T. 2. 727 p.).
6. *The John Locke Collection*. Seattle, 2014. 634 p. (Russ. ed.: Lokk Dzh. *Izbr. filosofskie proizv.*: v 2 t. Moscow, 1960. T.2. 532 p.).
7. *Antologiya mirovoy filosofii* : v 4 t. (Anthology of World Philosophy: in 4 vol.). Moscow, 1970. Vol. 2. 776 p.
8. Kant I. *Perpetual peace and other essays*. London, 1983. 152 p. (Russ. ed.: Kant. I. *K vechnomu miru*. Available at http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (accessed 12 November 2015)).
9. Novikov G. *Teorii mezhdunarodnykh otnosheniy* (Theories of interdisciplinary relations). Irkutsk, 1996. 298 p.
10. Clausewitz C. von. *On war*. New Jersey, 1989. 732 p. (Russ. ed.: Klauzevits K. *O voyne*. Moscow, 2007. 861 p.).
11. Dostoevskiy F. M. Paradoxalist (Paradoxalist). *Russkie filosofiy o voyne* (Russian philosophers about war). Moscow, 2005, pp. 11–17.
12. Solovev V. Smysl voyny (The sense of war). *Russkie filosofiy o voyne* (Russian philosophers about war). Moscow, 2005, pp. 25–57.
13. Berdyaev N. Mysli o prirode voyny (Thoughts about the nature of war). *Russkie filosofiy o voyne* (Russian philosophers about war). Moscow, 2005, pp. 286–294.
14. Skvortsov A. A. Nravsvnennyye problem voyny (The moral problems of war). *Vestn. Morskovskogo un-ta. Ser. 7. Filosofiya* (Moscow University Bulletin. Ser.7. Philosophy), 2001, no. 1, pp. 74–83.
15. Creveld M. von. *The transformation of war*. New York, 1991. 272 p. (Russ. ed.: Kreveld M. van. *Transformatsiya voyny*. Moscow, 2015. 320 p.).
16. Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York, 2011. 368 p. (Russ. ed.: Hantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, 2003. 603 p.).
17. Kaverin B. I. Tsivilizatsionnaya kontseptsiya voyny i armiya (Civilization concept of war and the army). *Voенно-filosofskiy vestn.* (Military Philosophic Herald), 2008, no. 1, pp. 104–113.
18. Hofmayster H. Teoriya terroristicheskoy voyny (The theory of a terrorist war). *Homo philosophans*. Sb. k 60-letiyu prof. K. A. Sergeeva. Ser. «Myisliteli» (Homo philosophans. Collection for the 60th anniversary of Professor K. A. Sergeeva. Ser. «Thinkers»). Iss. 12. St.-Petersburg, 2002, pp. 439–452.
19. Shakirova E. Yu., Gerasimov N. N. Sotsiaknye riski i voyna: kontury peresecheniy defnitsiy (Social risks and war: the outlines of definition crossing). *Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh distsiplin: sb. materialov X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*: v 3 ch. (Actual problems of humanitarian and socio-economic disciplines: Collection of materials of the X-th International scientific-practical conference). Moscow; Volsk, 2016. Part. 2, pp. 138–143.

Changing the Discourse of War in the Modern Social and Cultural Space

E. Yu. Shakirova, N. N. Gerasimov

Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran) 1, Marshal Zhukov st., Syzran, 446029, Russia
E-mail: 5526reu@mail.ru

N. N. Gerasimov

Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Syzran) 1, Marshal Zhukov st., Syzran, 446029, Russia
E-mail: gerasimovnn4112843@letomail.ru

The increasing complexity of social and cultural processes, globalization and riskogenics of the social and cultural space, the aggravation of relations between states and their transition into open military clashes necessitate a thorough socio-philosophical analysis of the formed to the beginning of the twenty-first century the situation. The growth of social tension, increasing number of local conflicts leads to the fact that the most significant clash between some states come to the forefront of the entire planet. Military conflicts, the increasing riskogenics of the modernity significantly transforming the social and cultural space, turning it into a locus of the war, leveling the same values and actualizing others. Social and cultural space as a result of human activity, absorb a military component and becomes military in nature.

Key words: socio-cultural space, war risk and risk-taking.

References

1. Sun Tsu. *The art of war*. New York, 2007. 256 p. (Russ. ed.: Sun-Tsy. *Iskusstvo voyny*. Moscow, 2012. 96 p.).
2. *Voyna i armiya. Filosofsko-sotsiologicheskyy ocherk* (War and the army. Philosophical and sociological essay). Moscow, 1977. 415 p.
3. *Traktaty o vechnom mire* (Tractates of eternal peace). Moscow, 1963. 278 p.
4. *The English works of Thomas Hobbs*: in 11 vol. London, 1838. Reprint Aalen, 1966. Vol. 3. 326 p. (Russ. ed.: Gobbs T. *Izbr. proizv.*: v 2 t. Moscow, 1964. T. 2. 748 p.).

УДК 122+130.2+16

СТРУКТУРА АНАТОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КАРТИНЕ РЕМБРАНДТА ВАН РЕЙНА

Яковлев Евгений Эдуардович – аспирант кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, Тюменский государственный институт культуры. E-mail: yakovlevij@gmail.com

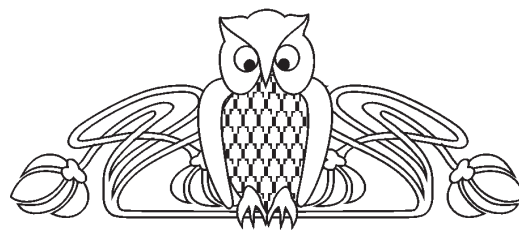
В статье проводится анализ картины Рембрандта ван Рейна «Урок анатомии доктора Тульпа». На ее примере раскрываются внутренние связи, имевшие место в отношении анатомических практик, характерных в период XVI–XVII вв. Автор использует методы, сходные с кантианским методом конституирования трансцендентального субъекта, где знание необходимо соотносится с познающим субъектом, а также фукольдиданский метод работы с дискурсом. Картина Рембрандта служит в этом случае не столько предметом искусства, а комментарием к практике как форме познания, который позволяет нам приблизиться к ее пониманию через дискурс. Познание, т.е. возникновение дискурса, осуществляется благодаря работе определенной структуры, которая выделяется и рассматривается с теоретических позиций французских философов XX в. Разработка теорий последних позволяет выделить три главных, по мнению автора, элемента: взгляд, символическое и письмо.

Ключевые слова: анатомия, дискурс, Рембрандт, структура, философия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-302-306

Введение

Многие из философов прибегают к анализу картин и художников как репрезентации некоторых практик или в качестве примеров собственных философских концепций. Так, М. Фуко в своей лекции, озаглавленной «Живопись Мане», (1971) показывает и анализирует картины художника-импрессиониста Э. Мане. В этом анализе имплицитно содержится понимание истории М. Фуко, эпистемологических разрывов, а также концепты «взгляд», «видимое», «невидимое» и многие другие. Другая работа – эссе «Это не трубка» (1973) – в целом посвящена соотношению живописи и языка (письма) в произведениях художников XX в. – В. Кандинского, П. Клее, Р. Магритта. Работы Фуко содержат в себе новый способ обращения с дискурсом, способ очень схожий с «критикой» И. Канта, который выстраивает трансцендентального субъекта, рассматривая различные виды знания (математику, естествознание, метафизику). Для своего анализа Фуко использует не только сказанное, как можно догадаться из обращений к искусству, но и видимое, которое так или иначе возникает как дискурс, т.е. для Фуко дискурс означает всю совокупность сказанного и видимого, а также невидимые правила, которые

особым образом структурируют и устанавливают способ высказывания, изображения и взгляда. Одной из главных задач статьи будет раскрытие этих правил.

Картина Рембрандта и анатомический дискурс

В настоящее время некоторые отечественные исследователи проявляют интерес к медицинскому дискурсу, как бы продолжая исследование М. Фуко в работах «История безумия в классическую эпоху» и «Рождение клиники» [1–3]. В этой статье мы предлагаем также взглянуть на познание в анатомии XVI–XVII вв. и обратимся к картине, где выстраивается несколько плоскостей той структуры, которую мы хотели бы всего лишь наметить. Это картина Рембрандта ван Рейна (1606–1669) «Урок анатомии доктора Тульпа» («The lesson of anatomy dr. Nicolaes Tulp»). Картина была написана в 1632 г. и является заказом на групповой портрет профессионального общества, известного как Гильдия хирургов-анатомов Амстердама (Guild of surgeon-anatomists of Amsterdam), которую возглавлял доктор Николаас Тульп. Конечно, существуют подобные картины с изображением уроков анатомии, но ни одна из них не открывает нам пространство анатомии в том исходном виде, которое отвечает своему названию. Ни «Урок анатомии доктора Виллема ван дер Меера» («The anatomy lesson of doctor Willem van der Meer»), написанная в 1617 г. М. ван Миревельтом, к тому же являющимся соотечественником Рембрандта, ни даже более поздняя картина самого Рембрандта «Урок анатомии доктора Йоана Деймана» («The anatomy lesson of Dr. Joan Deyman») 1656 г. [4]. Первая полностью отвечает только на запрос о групповом портрете, в ней нет того кропотливого подхода, который есть у Рембрандта в «Уроке анатомии доктора Тульпа», картина представляет нечто гораздо больше, чем групповой портрет, это занятие анатомией.

На нашей картине как будто все на своих местах, мы практически полностью можем увидеть объект, предмет и структуру того анатомического познания, которое продолжает свою традицию

начиная с Андреаса Везалия (1514–1564). Помещение, в котором располагается это действие, похоже на склеп: каменные стены, декорированные узорами с колоннами, в зале находятся восемь человек. Пространство, возникающее между всеми участниками этого действия благодаря их взглядам, говорит нам о действии, вынесенном в название картины – урок. Но только один объект на картине заставляет нас понять, какой урок дается всем присутствующим мужчиной в шляпе, единственный, у кого есть шляпа – доктор Николаас Тульп. Посреди сцены – труп – это и есть *предмет* данного урока анатомии. Тело слегка прикрыто, с разрезом руки от локтевого сгиба и снятый с этой руки кожный слой, так что мы вместе с учениками можем увидеть мышечное строение руки. Предмет на столе анатома – это случайный участник, он не имеет лица для истории. Большинство художников не прописывали полностью лицо на теле, подверженном аутопсии. Они покрывали верхнюю половину (глаза и лоб) куском ткани (например, на картине Миревельта). Рембрандт же решил использовать для этого другой способ: вместо ткани лицо накрывает тень, и, в качестве исключения, открывает его имя и историю – Адриаан Адриаанс (Арис Кинт). Адриаан Адриаанс значится в регистрационной книге по анатомии (запись 31 января 1632), это гражданин города Лейдена, также известный как Арис Киндт, преступник, который за одно из своих злодеяний был повешен, а его тело было передано в гильдию. Бледные лица и легкий румянец на щеках у учеников и доктора свидетельствуют о холоде в зале: занятия по анатомии проходили обычно зимой. Трое из учеников пристально смотрят на разрез, двое сверяют уже увиденное с раскрытым трактатом по анатомии, стоящим на переднем плане в правом углу картины. Между трактатом по анатомии и телом на столе существует пространство невидимого, которое и создает *объект*, изучаемый анатомией, человеческое тело.

Не покидает ощущение того, что вместе с этими учениками мы тоже ученики и зрители: мы находимся посреди сцены. Причин для этого несколько: тело в этой картине (а также в других серии «Урок анатомии...») всегда центрировано, даже на более ранних похожих изображениях, таких как титульный лист Лейпцигского издания анатомического учебника Мондино де Люцци 1493 г. или иллюстрация из «Fasciculus Medicinæ» 1491 г. Оно – всегда центральный объект, который находится в окружении своих патронов. Внешний зритель картины замыкает собой круг взглядов этого застывшего действия, он также дополняет вопрошающие взгляды, смотрит на все и на всех, благодаря этому урок становится

theatrum anatomicum. На место зрителя указывают два момента: во-первых, композиция картины и перспектива – персонажи построены вокруг стола, во-вторых, перед столом располагается место для зрителя.

Если вся картина является сценой со всеми участниками и декорациями, заключенной в рамки полотна и ограниченное рамой, то стол – сцена второго уровня. За второй уровень представления – перформативный – отвечает здесь тело. Своим присутствием оно призвано показать всю правду о себе, все, что закрывается верхней бледной оболочкой.

На картине существуют три объекта, вступающие между собой в игру, которая порождает серию смыслов: это – тело, трактат и доктор Тульп. Из всех объектов только учебник обладает отражательной силой, он – зеркало потустороннего, которое удваивает то, что всегда находится по эту сторону. В зависимости от выбора объектов изменяется их способ взаимоотношений, что позволяет нам выделить три серии.

1. *От трактата к телу*. Тело находится на столе прямо перед раскрытым трактатом. Он является зеркалом, отражением данного тела: в нем видят тело, а в теле видят знание. На это указывают направления взглядов учеников: двое смотрят на тело и только один – в учебник. Совместное присутствие тела и трактата несет в себе верифицирующий момент: тело позволяет увидеть и узнать себя через положения трактата, а трактат подтверждает принадлежность тела анатомии.

2. *От трактата к доктору Тульпу*. Этот угол зрения также является и зеркалом для доктора Тульпа. Для учеников он является отражением трактата, который говорит голосом доктора Тульпа, и тело заявляет о себе, находящемся именно здесь, уже голосом не Ариса Кинта, а доктора. Правда раскрывается в ее видимости и в голосе анатома.

3. *От трактата к телу и доктору Тульпу*. В том, что наибольшее значение здесь имеет трактат, нет сомнения. Это знание, которое должно открыться в речи доктора: трактат захватывает доктора Тульпа, а затем и тело. Доктор держит щипцами мышцы предплечья, от места захвата они свисают, продолжая идти к кисти и пальцам. Вместе они образуют третье отражение в трактате-зеркале. Этот жест-хватка есть обязательное совпадение слова и вещи, а взгляд подтверждает сказанное. Все складывается так, что фигура доктора – это фигура Факта в самом его прочном виде. Он не смотрит ни на тело, ни в учебник: здесь говорится истина и создается дискурс.

В то же время трактат обладает субъективностью в той мере, в какой субъект обладает знанием. Мы можем назвать его гегеле-бахтинским

субъектом, субъектом истины и диалога. Однако здесь Арис Кинт не является субъектом, даже в этой игре отражений. С помощью технологии рентгеновских снимков, позволяющей обратиться к нижним слоям краски, мы можем увидеть, что к моменту работы над картиной тело Ариса Кинта не имело полностью правой руки. Вероятно, причиной этому могло быть судебное исполнение наказания за совершенные преступления – ампутация [5, с. 391; 6, с. 379]. Тем не менее Рембрандт хотел навсегда затушевать то известное, что составляло бы историю лиц, лежавших под прозекторским ножом, как это постоянно делала анатомия. Чаще всего мы знаем лишь их количество и гражданский статус, что может составить другой групповой портрет «безымянных тел»: это должны были быть преступники, казненные через повешение, люди незначительного происхождения, к ним не могли относиться граждане городов, где проводились публичные вскрытия, например, бродяги. В остальном было неважно, где и как добывались эти тела [7].

Но вернемся к картине: М. Фуко писал: «В классическом мышлении тот, для кого существует представление, тот, кто в нем себя представляет, признавая себя образом или отражением, тот, кто воссоединяет все пересекающиеся нити “представления в картине”, – именно он всегда оказывается отсутствующим» [8]. Кто собственным отсутствием одновременно указывает на собственное присутствие, и где то место, тот след, о котором говорит М. Фуко? Вспомним для начала, кем был доктор Тульп. Он был ученым, анатомом и автором работ по анатомии. Если к тому времени и можно было в ряду «наук» найти что-то еще помимо таких ремесел, как поэзия, живопись и инженерия, то можно с уверенностью сказать – это была анатомия. По словам Ж. Ле Гоффа, практически все Средневековье находилось под влиянием трудов К. Галена (130–200 до н.э.), его трактата «О назначении частей человеческого тела» и, если и появлялись какие-либо трактаты по анатомии, то они приписывались пергамскому мастеру [9, с. 112].

Место последнего в эпоху Возрождения занял А. Везалий. На фронтисписе издания 1543 г. трактата «О строении частей человеческого тела» он изображен держащим в своих руках кисть руки, на которой почти до плеча снята кожа: в памяти истории А. Везалий запечатлелся в одном из таких образов. На картине Рембрандта аналогично изображен Тульп. Многие искусствоведы указывают на сходство и объясняют его договоренностью между доктором Тульпом и Рембрандтом. В этом решении символизм: доктор Тульп – это А. Везалий своего века. Именно трактат Везалия мы

видим в правом углу картины. Подтверждением договоренности может служить и тот факт, что процедура вскрытия была регламентирована протоколом, указывающим на порядок его проведения. Согласно ему аутопсия разделяется на несколько дней: в первый день подлежит вскрытию брюшная и грудная полость, голова – во второй, а конечности – в третий [5, с. 390].

На других картинах «Урок анатомии...» мы видим вскрытыми брюшные и грудные полости. Для картины доктора Тульпа протокол в расчет не брался. Вероятнее всего, это было сделано с целью показать Тульпа в образе Везалия. Цель эта находится в структуре желания – не только быть частью общей науки, но высказывать истину и подписать свое имя рядом с ней. Истина здесь возможна как то, что помещается в тело и что затем из него извлекается. Она понимается как функция, которая должна отражать явное, очевидное и непротиворечивое положение вещей. Но, как и для всякой функции, с ней следует набор процедур по ее извлечению и обоснованию, т.е. «почему именно так, а не иначе». Взгляд в подобных изысканиях носил характер подтверждающей инстанции, той истины, которая не могла быть измеренной, а только – видимой.

Теперь перейдем непосредственно к анализу структуры анатомического дискурса, а точнее, к тому, что мы в начале статьи обозначили как невидимое – правила, которые устанавливают его возможность как научного знания. М. Фуко называет диспозитивом некий ансамбль, утверждающий всегда определенные отношения, в который включены определенные «дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также и моральные, и филантропические положения – стало быть: сказанное, точно так же, как и несказанное» [10, с. 368], к нему также можно отнести и странное решение не пускать в историю анатомии «безликие тела», способ формирования истины и т.д. Если диспозитив это ансамбль, т.е. набор элементов со схожей конфигурацией, определяющих отношения к любой практике, то следует обратить внимание только на уровень конфигурации, который делает их определяющими (или, как бы сказал Фуко, властными). Взглянуть на них следует только как на логические отношения между субъектом практики, практикой и этим определяющим уровнем. Его следует назвать *Символическим* – тем, что переносит нас в область бесконечных значимостей. Он не находится в субъекте, но, проявляющийся в форме отчуждения, выстраивает и формирует его как необходимое основание любого дискурса. Поскольку анатомическая практика,

как и любая другая, формируется исторически, то это процесс отчуждения, длящийся непрерывно, оттого он и называется *Письмом*, которое начавшись, не может закончиться. *Письмо* – это способ высказывания, выражения и переписывания этого отчуждения, внутри себя всегда содержащий отпечаток Символического, как об этом писал Р. Барт [11, с. 56], а по отношению к изобразительному искусству – А. Климанова [12]. Вопрос *Символического* рассматривался в семинарах Ж. Лакана [13–15] и Р. Барта [16]. В *Символическое* помещен диспозитив, но не только как ансамбль, но и как игра власти, то, что для анатомии «позволяет отделить – не истинное от ложного, но то, что может квалифицироваться как научное, от того, что так квалифицироваться не может» [10, с. 369]. *Символическое* находится в диалектических отношениях с субъектом, подобно тем диалектическим отношениям, которые присутствуют между частным и целым: частное формирует целое, а целое указывает место для частного. *Символическое* определяет течение, условности и выводы, которые заключаются в этих практиках.

Заключение

Мы попытались утвердить и использовать подход по отношению к живописи, который мог бы помочь прояснить и показать некую структуру анатомии и анатомических практик, ведь первые анатомические сочинения возникли в европейской традиции еще в Античности. Под структурой анатомических практик мы понимаем не только предмет ее исследования, порядок действий и набор правил и инструментов, который был необходим или предписан для занятий анатомией, а тот набор постоянных элементов (констант) и отношений между ними, благодаря чему возможна анатомия как практика, вне зависимости от субъекта ее практикующего. Мы выделяем их три: *Взгляд*, *Символическое* и *Письмо*. На рассмотренной нами картине, как было показано, все эти элементы замкнуты и имплицитно содержатся как запечатленный момент и отражение анатомического дискурса XVI–XVII вв., но эксплицируются только философским дискурсом.

Список литературы

1. Кириленко Е. И. Феномен европейской медицины в горизонте неклассической культуры // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 309. С. 52–58.
2. Шестерикова О. А. Формирование и развитие медицинского дискурса в эпоху Нового времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). С. 179–183.
3. Шестерикова О. А. Трансформация медицинского дискурса в современной европейской культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014. 24 с.
4. Тарасов Ю. А. Два групповых портрета кисти Рембрандта – «Урок анатомии доктора Тульпа» и «Урок анатомии доктора Деймана» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2013. № 4. С. 130–136.
5. Afek A. [et al]. Dr. Tulp's anatomy lesson by Rembrandt : the third day hypothesis // Israce Medical Association Journal. 2009. Vol. 11. P. 389–392.
6. Masquelet A. The anatomy lesson of dr Tulp // Journal of hand surgery. 2005. 30B, no. 4. P. 379–381.
7. Михель Д. Власть, знание, мертвое тело // Логос. 2003. № 4–5. С. 219–233.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 406 с.
9. Ле Гофф Ж. История тела в средневековье. М., 2008. 189 с.
10. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. 448 с.
11. Барт Р. Империя знаков / пер. с фр. Я. Г. Бражниковой. М., 2004. 144 с.
12. Климанова А. К. Отношение видимого и сказанного в концепции знания М. Фуко // ФЭН-Наука. 2013. № 11 (26). С. 22–24.
13. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1 : Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. 432 с.
14. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 1999. 520 с.
15. Печенина О. В. Функции реального, воображаемого и символического в коммуникативной модели структурного психоанализа Ж. Лакана // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 4. С. 208–215.
16. Косиков Г. Французская семиотика : От структурализма до постструктурализма. М., 2000. С. 50–98.

The Structure of Anatomical Discourse in Picture of Rembrandt van Rijn

E. E. Yakovlev

Tyumen State Institute of Culture
19, Respublik str., Tyumen, 625003, Russia
E-mail: yakovlevjj@gmail.com

In article the author trying to analyze the picture of Rembrandt van Rijn «The lesson of anatomy doctor Tulp» (1632). The author thinks that Rembrandt, as one of the great artists, caught the real sense of anatomy of that period. The author starts from description of picture to philosophical analysis. In the picture, the space between all characters builds all structure of anatomical tradition from K. Galen to A. Vesalius: the subject, the object and all invisible relations, that have some reasonable place. The author finds three object in the picture, which create three types of space-sense: from corpse to tractate, from tractate to dr. Tulp and dr. Tulp – tractate – corpse. However, the corpse, as the author thinking, has not his face the Name, besides the object of anatomy. There is can be find some historical facts of anatomical practices, which can support whole investigation. All analysis helps to applicate inner relations in picture to anatomy practices of period

from XVI–XVII century. This relations are explicates by the studies of theoretical conceptions of French philosophers XX c. (M. Foucault, J. Derrida, J. Lacan). The author distinguishes three elements in anatomy structure: the gaze, the symbolic and the writing. All elements studied as linguistics elements from two aspects: diachronically and synchronically.
Key words: anatomy, discours, Rembrandt van Rijn, structure, philosophy.

References

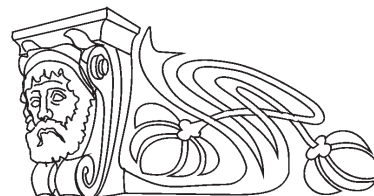
1. Kirilenko E. Fenomen evropeyskoy meditsiny v gorizonte neklassicheskoy kultury (The phenomenon of the European medicine in non-classic period of culture). *Vestn. Tomsk. gos. un-ta* (Tomsk State University Gerald), 2008, no. 309, pp. 52–58.
2. Shesterikova O. Formirovanie i razvitie meditsinskogo diskursa v epokhu Novogo vremeni (The organization and evolution of medical discourse in Modern History). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culture and Study of Art. Issues of Theory and Practice), 2013, no. 4 (30): in 3 parts. Part III, pp. 179–183.
3. Shesterikova O. *Transformatsiya meditsinskogo diskursa v sovremennoy evropeyskoy culture: avtoref. dis. ...kand. filos. nauk* (The transformation of medical discourse in contemporary European culture: author. of thesis PhD in Philosophy). St.-Petersburg, 2014. 24 p.
4. Tarasov Y. Dva gruppyokh portreta kisti Rembrandta – «Urok anatomii doktora Tulpa» i «Urok anatomii doktora Deymana» (Two pictures of Rembrandt «The lesson of anatomy of dr. Tulp» and «The lesson of anatomy of dr. Deyman»). *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* (Saint Petersburg University Gerald), 2013, no. 4, pp. 130–136.
5. Afek A., Friedman T., Kugel C., Barshack I., Lurie Dj. Dr. Tulp's anatomy lesson by Rembrandt: the third day hypothesis. *Israel Medical Association Journal*, 2009, vol. 11, pp. 389–392.
6. Masquelet A. The anatomy lesson of dr. Tulp. *Journal of hand surgery*, 2005, vol. 30B, no. 4, pp. 379–381.
7. Mikhel D. Vlast, znanie, mertvoe telo (Power, study, corps). *Logos(Logos)*, no. 4–5, pp. 219–233.
8. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966. 404 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St.-Petersburg, 1994. 406 p.).
9. Le Goff J. *Une histoire du corps au Moyen-Âge*. Paris, 2003. 200 p. (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Istoriya tela v srednevekovie*. Moscow, 2008. 189 p.).
10. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* (The will to verity: beyond the study, power and sexuality). Moscow, 1996. 448 p.
11. Barthes R. *L'empire des signes*. Paris, 1970. 157 p. (Russ. ed.: Bart R. *Imperiya znakov*. Moscow, 2004. 144 p.).
12. Klimanova A. *Otnoshenie vidimogo i skazannogo v konceptsii znaniya M. Fuko* (The correlation of what is seen and what is said in the concept of M. Foucault study). *Fen-nauka* (Fen-science), 2013, no. 11, pp. 22–24.
13. Lacan J. *Le séminaire de Jacques Lacan. Livre I: Les écrits techniques de Freud*. Seuil; Paris, 1975. 316 p. (Russ. ed.: Lacan Zh. *Seminary. Kn. 1: Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza {1953/54}*. Moscow, 1998. 432 p.).
14. Lacan J. *Le séminaire. Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse*. Seuil; Paris, 1977. 464 p. (Russ. ed.: Lacan Zh. *Seminary. Kn. 2: «Ya» v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza {1954/55}*. Moscow, 1999. 520 p.).
15. Pechenina O. Funktsii realnogo, voobrazhaemogo i simvolicheskogo v kommunikativnoy modeli strukturnogo psikhoanaliza Zh. Lacana (The function of the real, imagine and symbolic in model of communication of structural psychoanalyses of J. Lacan). *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* (Saint-Petersburg State University Gerald. Ser. 6. Philosophy, politology, sociology, psychology, law, study of international relations), 2007, no. 4, pp. 208–215.
16. Kosikov G. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma do poststrukturalizma* (The French's semiotic: from structuralism to post structuralism). Moscow, 2000. 536 p.

УДК: 091 + 215

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРЕДМЕТА И МЕТОДОЛОГИИ ТЕОЛОГИИ В ВУЗАХ РФ

Рожков Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуется проблема предмета и методологии преподавания теологии в современных российских светских высших учебных заведениях. Автор раскрывает основное содержание дискуссии среди ученых по этому вопросу и приводит аргументы полемизирующих сторон. По его мнению, для введения предмета

теология имеет основание на уровне исторического международного опыта и дореволюционной традиции университетского образования в России. Им анализируются материалы обсуждения темы на слушаниях Общественной палаты Российской Федерации, где была определена специфика предмета теологии

как дисциплины, ориентированной на изучение религиозных источников, богословской литературы и других материалов религиозной культуры. Автор акцентирует внимание на историко-философском аспекте обоснования особенностей предмета и методологии теологии, которая, с его точки зрения, должна синтезировать принципы и подходы классической, неклассической и постнеклассической философии и методы экзегетики в работе с религиозным литературным и в целом культурным наследием.

Ключевые слова: история философии, теология, методология, традиция, опыт, принцип, подход, теоретическая философия, культура, религия, парадигма, экзегетика, наука, синтез, специфика, предмет.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-306-310

Историко-философское обоснование статуса теологии как дисциплины, преподающейся не в духовно-религиозных, а в светских высших учебных заведениях, целесообразно начинать, как представляется, с выявления особенностей её предмета с учетом ориентации его содержания, в таком случае, на требования государственных стандартов. Это позволит отчетливо уяснить цель и задачи курса в формировании требуемых профессиональных компетенций. Вполне понятно, что целью курса является изучение и освоение студентом методологического ресурса теологии. Такое целевое содержание, по сути, ориентирует на решение двух ключевых задач.

Первая из них может быть обозначена как информационно-теоретическая. Ее решение предполагает получение полной научной информации о принципах, методах и подходах, которые применяются в теологических изысканиях. Вторая имеет основание быть названной по своему характеру практической. В своем решении она требует владения полученной информацией на уровне профессионального использования методологического инструментария в разработке тем теологического содержания.

Следует изначально отметить, что, отвечая на вопрос о специфике предмета университетской и в целом вузовской теологии, нельзя не обратить внимания на проблему самого введения этого предмета в пространство высшего образования России. В этом достаточно сложном для общественного сознания процессе можно выделить два полярных направления.

Представители одного из них позитивно относятся к решению рассматриваемого вопроса, апеллируя к современному международному и дореволюционному российскому опыту. Действительно, преподавание теологии в западноевропейских университетах представляет сложившуюся, не прерывавшуюся со средних веков традицию. В настоящее время – это одно из фундаментальных направлений гуманитарной университетской на-

уки наряду с философией, историей и филологией, реализующейся многочисленными богословскими факультетами, кафедрами, которые опираются на соответствующие библиотечные фонды и научные сообщества. Например, только в Германии, Франции и Швейцарии насчитывается более двадцати факультетов теологии. Аналогичная традиция была характерна и для дореволюционного российского университетского образования. Показательна в этом отношении и история организации Императорского Николаевского Саратовского университета. Согласно «закону об учреждении университета в городе Саратове» в состав первых восьми кафедр включалась кафедра Православного богословия.

С другой стороны, в общественном сознании проявилась и противоположная позиция отрицательного отношения к введению теологии в образовательный процесс высшей школы. Главным аргументом сторонников подобной точки зрения выдвигается утверждение о клерикализации сферы образования. Развернувшаяся полемика требовала уточнения ее предмета и определения научно-рациональных параметров ее методологии. Такая работа осуществлялась и привела ко вполне определенным результатам.

Интересны в этом отношении слушания Общественной палаты Российской Федерации, проведенные 17 марта 2008 г. Тема слушаний «Теология в системе научного знания и образования» четко ориентировала участников на обсуждение возникшей проблемы. Для участия в дискуссии были приглашены представители общественных и религиозных организаций, государственных и научных учреждений, СМИ, известные ученые и богословы. Среди вопросов, отражавших тему слушаний, исходным естественно стал вопрос о предмете теологии. В качестве начального проектного основания декларировалось академическое определение теологии как «системы обоснования религиозных учений о Боге, совокупности выработанных той или иной религией доказательств истинности догматики, религиозной нравственности, правил и норм жизни верующих и духовенства, богоустановленности вероучения и церкви» [1, с. 1245].

Подобное определение предмета, как показали обсуждения, требовало уточнений для уровня светского высшего образования, которые были предложены представителями и богословия, и академической науки. Думается, что оптимальные варианты уточнений предмета вузовской теологии были представлены проректором Московской духовной академии, кандидатом богословия, священником Владимиром Шмалием и заведующим сектором философии религии Института

философии РАН, доктором философских наук В. К. Шохиним. Примечательно, что определение предмета теологии В. Шмалий начинает с принципиального уточнения: «Предмет теологии – не Бог, но мысль и слово о Боге, звучащее в христианской истории» [2, с. 26–27]. Уточнение подобного рода правомерно для русского православного богослова. В нем отражается наследование традиции в ориентации на апофатический подход к проблеме богопостижения. Исходя из заявленной позиции, священник, богослов Шмалий полагает, что теологическое познание «мысли» и «слова» о Боге предполагает изучение богословских, доктринальных, полемических, канонических и литургических литературных памятников, к анализу которых могут обращаться такие гуманитарные науки, как история, языкознание, философия. Философско-историческое обоснование статуса теологии как части теоретического знания осуществляет В. К. Шохин. По его мнению, в текстологических трудах уровня «Суммы теологии» Фомы Аквинского явно просматриваются признаки теоретического знания в широком смысле этой категории. К такому он относит наличие определенных исходных оснований, идеализированных объектов, фундаментальных понятий, способов доказательств, утверждений, выводов. С позиции обозначенного подхода им выделяются два основных компонента, создающих структуру предмета теологии: системообразующие и прикладные дисциплины [3].

Изложенные подходы позволяют включить в учебные планы по теологии как специальные предметы, например, историю теологии, систематическую теологию конфессии, догматическое богословие, нравственное богословие, практическую теологию конфессии и т.д., так и историю философии, теоретическую философию, культурологию, социологию, иностранные языки, историю, основы речевой культуры и другие. Кроме того, в них можно внести и дисциплины, которые необходимы для ориентации современного студента, обучающегося в классическом университете, в основных направлениях развития естественных и точных наук – концепции современного естествознания, экологию, информатику и т.п. Подобное предметное содержание теологического направления, естественно, требует особого подхода к содержанию предмета «методологии теологии». И в этом случае можно согласиться с выводом В. Шмалия о синтетическом характере современной теологии, методы которой, с одной стороны, должны совпадать с методами исторических, философских парадигм, с другой – иметь вполне определенные отличия [2, с. 27].

Необходимо заметить, что рациональным обоснованием использования такого методологи-

ческого инструментария обычно рассматривается принцип дополнительности, который ориентирует на осуществление методологического синтеза в научных исследованиях. Думается, методологически интересно в этом отношении использование диалектического метода Пьером Абелеаром, когда к изложенному положению христианского предания он добавляет другие высказывания из того же предания, которые, как казалось, противоречили друг другу. Затем решалась задача их примирения тремя способами:

через историко-критическое рассмотрение выдвинутых высказываний и исследование их первоначального контекста;

посредством выявления иерархии авторитетности источников с учетом первичности и безоговорочности авторитета Священного Писания;

путем освещения истины положения из Священного предания с точки зрения разума и общих рациональных аргументов.

Примечательно, что связь теологии и гуманитарных наук просматривается в истоках богословского образования в Саратовском государственном университете. Она ярко представлена в научной и просветительской деятельности священника, профессора, заведующего кафедрой православного богословия Императорского Николаевского Саратовского университета в 1910 – 1917 г. А. Ф. Преображенского. По воспоминаниям современников он был человеком эрудированным как в вопросах теологии, так и в области философии, литературы и гражданской (в особенности древней) истории. Вероятно, глубокое понимание специфики гуманитарных дисциплин позволяло ему выступить в качестве профессора-гуманитария с аналитическими докладами, посвященными поэзии М. В. Ломоносова, творчеству М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и наследию других классиков русской литературы. В приведенных примерах можно увидеть начало методологического синтеза для познавательной, исследовательской, учебной и научной деятельности представителей современной теологии в высших светских учебных заведениях. В них просматривается не только возможность, но и два основных компонента синтеза такого уровня: методологический ресурс философских парадигм, с одной стороны, и методология, отражающая «доктринальную норму профессиональной теологии...», – с другой [2, с. 27].

Однако суждения о возможности синтеза подобного рода, как представляется, требуют развернутого обоснования, конкретизирующего выдвинутую выше посылку принципа дополнительности. И это вполне понятно, так как речь идет о действии этого принципа в процессе синтеза методологических ресурсов, возникающих

в исторически разнообразных ареалах мировоззрения: философского и религиозного. Следовательно, нельзя не учитывать историю развития принципов, подходов и методов классической, неклассической и постнеклассической философских парадигм и динамику собственно теологической методологии – иудейской, христианской и исламской экзегетики.

Думается, что в поиске ответа на вопрос о возможности синтеза философской методологии гуманитарных наук и теологии целесообразно обратиться к выявлению тех общих характеристик, элементов и направлений, которые могут составить ингредиенты методологического синтеза. Что касается религиозного мировоззрения на уровне сложных монотеистических доктрин, в частности христианства, то в его основании выделяется вера в божественное первоначало, которая с позиций научно-рационального религиозно-ведческого подхода может интерпретироваться и как религиозное чувство, и как внерациональная (иррациональная) характеристика человеческого постижения «нетварного бытия». В то же время, характеризуя историю процесса познания, философия в качестве его особенности также выделяет наличие иррационального (внерационального) компонента, мотивируя его проявление в познании человеческой субъективностью, которая обуславливается субъектно-субъектной матрицей гуманитарного познавательного процесса и его целевой ориентацией на уникальное, единичное, индивидуальное, личное в тайне человеческой экзистенции [4–6]. Итак, и теология, и философия содержат тождественную внерациональную гносеологическую компоненту как вектор, обозначающий определенное совпадение их предметно-методологической направленности. Необходимо отметить, что термин «тождественность» употребляется в этом заключении не случайно. Тождественность не означает полного равенства внерациональных характеристик теологии и гуманитарных наук. Не следует забывать, что религиозная гносеология заключает стремление постижения «нетварного бытия», тогда как философская, служащая универсальным основанием познавательной деятельности в гуманитарных науках, ориентирует их на познание бытия культурного или, в широком смысле этого понятия, всего, что создал человек. Отсюда, если внерациональный гносеологический компонент представляется как вектор, который обозначает предметно-методологическое направление и в теологии, и в философии, то, полагая возможность совпадения этого элемента, логично обозначить уровень данного совпадения категорией тождества, имея в виду его известную параметральность.

Предварительное изъяснение такого условия тем более необходимо, что искомое совпадение предметной направленности вузовской теологии и гуманитарных наук обнаруживается достаточно явно именно в определенных парадигмальных параметрах. В частности, особенно отчетливо оно просматривается, если предметно-методологическая направленность гуманитарных наук определяется на основании философской парадигмы «affirmo», ориентирующейся на постижение человеческого бытия как бытия культуры. С отмеченных парадигмальных позиций философии культуры очень выразительным представляется определение специфики предмета гуманитарных наук как «выразительного и говорящего бытия» М. М. Бахтиным. Показательно, что критерий научности представляется русскому философу, теоретику европейской культуры в глубине проникновения в это «говорящее бытие», индивидуального проникновения в область откровений и открытий, проникновения как диалога познающего и открываемого [7]. В контексте такой интерпретации специфики познания, осуществляемого гуманитарными науками, логично и заключение М. М. Бахтина о тексте как «первичной данности» для этих наук или той «непосредственной действительности», содержащей энергетику переживаний и мыслей, которая только одна может стать предметным истоком для дисциплин гуманитарного направления [7, с. 299]. Примечательно, что такое понимание предметной направленности гуманитарных наук приводит исследователя и к соответствующему выявлению особенности характера диалогических отклонений внутри текста и между текстами, которые в его видении выражаются в «диалоге и диалектике» [7, с. 300]. Аналогичные характеристики в предметной направленности обозначались ранее в определении предметом теологии не Бога, а «слова о Боге» и, отсюда, в ориентации дисциплинарного содержания предмета на изучение текстов религиозных источников. Не менее значима для выявления общих элементов познавательной деятельности теологии и гуманитарных наук и отмеченная выше попытка П. Абеляра создать методiku использования диалектического метода в работе с текстами Священного Предания.

Как представляется, в вышеизложенных суждениях обозначается методологический уровень коммуникации теологии и философии. Он проявляется не только в приведенном примере использования христианским теологом метода диалектики. Имманентные предпосылки возможности методологического синтеза выражаются в совпадении методологической ориентации философии культуры на множество

пониманий и толкований текстовых смыслов и аналогичной целевой установки христианской экзегетики на толкование смыслов библейского текста. Разумеется, и в этом случае необходимо уточнение. В парадигме философии культуры подразумевается раскрытие смысловых явлений в культурных смысловых контекстах, тогда как христианская экзегетика как раздел богословия занимается толкованием Священного Писания, которое предполагает не выявление в тексте новых смыслов, а правильную передачу смыслов богооткровения. Однако если учесть совпадение в общей ориентации на понимание текстовых смыслов, то обнаруживается своеобразное диффузное пространство в основании методологического синтеза христианской экзегетики и методов философии культуры. Особого внимания в этом отношении, думается, заслуживает герменевтика, среди задач которой выделяется изучение методов экзегетики. Таковы некоторые аргументы относительно возможности методологического синтеза теологии и гуманитарных наук.

В завершение следует отметить, что в истории отечественной философии и русского православия стремление к реализации этой возможности выразилось в русской религиозной философии, которую один из авторитетных российских исследователей С. С. Хоружий характеризует как освоение православия средствами «философского разума» [8]. Думается, что подобное обращение к историческому опыту русских религиозных философов является серьезной аргументацией теоретического статуса теологии.

Список литературы

1. Энциклопедия религий. М., 2008. С. 1520.
2. Шмалий В. К вопросу о предмете и специфике теологии // Теология в системе научного знания и образования. М., 2009. С. 26–27.
3. Шохин В. К. О проблемах интеграции теологии в системе образования и академических наук // Теология в системе научного знания и образования. М., 2009. С. 28–29.
4. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. 168 с.
5. Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. Ростов н/Д, 2005. 537 с.
6. Туркулец А. В. Введение в методологию социального познания. Хабаровск, 2004. 168 с.
7. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 336 с.
8. Хоружий С. С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вopr. философии. 1991. № 5. С. 27–30.

Historico-philosophical Justification of a Subject and Methodology of Theology in Higher Education Institutions of the Russian Federation

V. P. Rozhkov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

In article the problem of a subject and methodology of teaching theology in modern Russian secular higher educational institutions is investigated. The author discloses the main content of discussion among scientists on this matter and adduces arguments of the polemic parties. In his opinion, for introduction of a subject the theology is available the basis at the level of historical international experience and pre-revolutionary tradition of university education in Russia. He analyzes materials of discussion of a subject at hearings of Civic Chamber of the Russian Federation where specifics of a subject of the theology as disciplines focused on studying of religious sources, theological literature and other materials of religious culture have been defined. The author focuses attention on historic and philosophical aspect of justification of features of a subject and methodology of theology which, from his point of view, has to synthesize the principles and approaches of classical, non-classical and post-non-classical philosophy and methods of exegetics in work with religious literary and in general cultural heritage.
Key words: theology, methodology, tradition, experience, principle, approach, philosophy, culture, religion, paradigm, exegesis, science, synthesis, specifics, subject.

References

1. *Entsiklopediya religiy* (Encyclopedia of religions). Moscow, 2008. 1520 p.
2. Shmaliy V. K voprosu o predmete i spetsifike teologii (To a question of a subject and specifics of theology). *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya* (Theology in system of scientific knowledge and education). Moscow, 2009, pp. 26–27.
3. Shohin V. K. O problemakh integratsii teologii v sisteme obrazovaniya i akademicheskikh nauk (About problems of integration of theology in an education system and the academic sciences). *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya* (Theology in system of scientific knowledge and education). Moscow, 2009, pp. 28–29.
4. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshhie problemy* (Theory of knowledge. Introduction. Common problems). Moscow, 1993. 168 p.
5. Kokhanovskiy V. P. *Filosofskie problemy sotsialno-gumanitarnykh nauk* (Philosophical problems of social and human sciences). Rostov-on-Don, 2005. 537 p.
6. Turkulets A. V. *Vvedenie v metodologiyu sotsialnogo poznaniya* (Introduction to methodology of social knowledge). Khabarovsk, 2004. 168 p.
7. Bahtin M. M. *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* (Author and hero: To philosophical bases of the humanities). St.-Petersburg, 2000. 336 p.
8. Horuzhiy S. S. *Filosofskiy protsess v Rossii kak vstrecha filosofii i pravoslaviya* (Philosophical process in Russia as a meeting of philosophy and Orthodoxy). *Voprosy filosofii* (Voprosy Filosofii), 1991, no. 3, pp. 27–30.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ АЛЕКСИТИМИИ, КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И СТИЛЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Акименко Анастасия Константиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: akimenko_ak@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования стратегий совладающего поведения, выполненного на выборке современной молодежи ($N = 120$; 19–30 лет). Применение опросников – «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, «Шкалы копинг-стратегий» Р. Лазаруса, Торонтской шкалы алекситимии TAS, тест-опросника УСК – позволило выявить взаимосвязимость между стратегиями совладающего поведения и такими характеристиками личности, как уровень субъективного контроля (интернальный/экстернальный), алекситимии, стиля саморегуляции и др. Полученные данные позволяют прояснить возможные детерминанты поведенческих паттернов современной молодежи и могут быть использованы специалистами в практике консультативной терапии.

Ключевые слова: алекситимия, стиль саморегуляции, совладающее поведение, копинг-стратегии, интернальность, экстернальность.

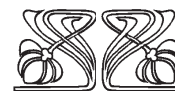
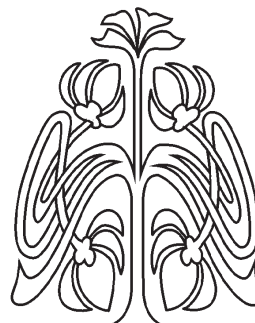
DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-311-316

Введение

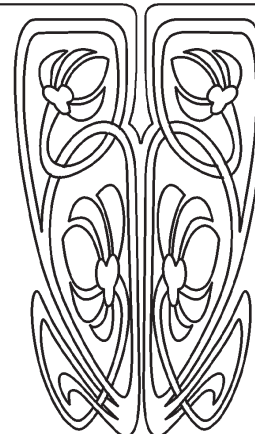
Современная социальная ситуация развития общества предъявляет значительные требования к личностной мобильности индивидуумов и их адаптационному потенциалу. От того, насколько эффективно в социальном поведении личность сумеет проявить свои качества, предъявить свои умения и способности, гибко приспособиться к изменяющимся условиям социальной среды, при этом сохранив свой внутренний стержень и целостность, зависит успешность репрезентативных и поведенческих паттернов ее взаимодействия. В стрессогенных условиях современного мира особое значение приобретает исследование личностных детерминант и предикторов выбора стратегий совладающего поведения личности. В связи с вышеперечисленными аспектами актуальным представляется рассмотрение алекситимии и стиля саморегуляции личности в ракурсе предпочитаемых копинг-стратегий.

Теоретические основы изучаемой проблемы

В настоящий момент критические и трудные жизненные ситуации стали привычными спутниками социальной действительности. В стрессогенных условиях современного мира важным становится «умение каждого отдельного человека противостоять негативным воздействиям внешней среды и справиться с внутренними проблемами, стрессами, кризисами, сложными ситуациями» [1, с. 27]. В связи с этим становится необходимым развитие саморегулятивных способностей, позволяющих человеку проявлять жизнестойкость, спокойствие, мудрость, сохранять и улучшать физическое и психологическое здоровье. Стратегии саморегуляции обуславливают уверенность

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

индивидуумов в собственных силах, влияют на позитивное отношение к жизни, а также дают возможность достигать расслабления, внутреннего покоя и равновесия. Саморегулятивные способности личности связаны с «глубокой осознанностью, самоуправлением, целеустремленностью, способностью к концентрированному вниманию, эмоционально-волевой регуляцией» [2, с. 8]. От того, как индивид эмоционально воспринимает жизненные события, планирует и программирует достижение целей, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает возможности и корректирует свою активность для достижения личностно значимых результатов, во многом зависят успешность его социально-психологической адаптации и уровень «субъективного благополучия» [3].

Из проведенных исследований известно, что успешность адаптации зависит от процесса, представляющего собой суждение о стрессовом событии, и от выбора адаптационных паттернов взаимодействия [4]. Особый интерес для исследователей представляет изучение направленности и факторной обусловленности той или иной стратегии совладающего поведения.

Традиционно под совладающим поведением в психологии понимаются когнитивные, поведенческие и аффективные стратегии, которые личность использует для того, чтобы справиться с фрустрирующими условиями социальной действительности [5]. Сознательные стратегии по реагированию на стрессовые ситуации концептуализированы в науке как «копинговые ответы». По сути, копинг-ответы призваны помочь личности смягчить, разрешить или же уклониться от требований, предъявляемых стрессовой ситуацией. Копинг-стратегии закрепляются в социальном поведении личности и в своей совокупности и вариативности образуют индивидуальный стиль адаптации личности. Принимая во внимание тот факт, что основной целью процесса социально-психологической адаптации является установление продуктивного взаимодействия между индивидом и средой, необходимо обозначить, что выбранная стратегия совладающего поведения в каждой конкретной ситуации может быть продуктивной в той или иной степени. Тем не менее адаптивное поведение, реализуемое посредством копинг-стратегий, активизируясь в условиях рассогласованности между взаимодействующими системами «человек – среда», преследует цель достижения некоей координации между ними. Подчеркнем, что адаптивную функцию стратегия выполняет тогда, когда способствует совершенствованию и развитию взаимодействующих сторон, обеспечивает сохранение целостности личности и социальной среды

при условии возможности её нарушения. Таким образом, под совладающим поведением личности мы понимаем совокупность поведенческих актов, позволяющих субъекту способами, адекватными его личностным особенностям и самой ситуации, с помощью осознанных действий справиться со стрессом, восстановить эмоциональное и физическое равновесие [6].

В русле анализа личностных детерминант и факторной обусловленности стратегий совладающего поведения представляется интересным рассмотреть феномен алекситимии личности. Под алекситимией мы понимаем комплекс аффективных и когнитивных характеристик личности, выработанный в процессе адаптации к условиям окружающей действительности и проявляющийся в трудностях дифференциации эмоциональных переживаний [7]. Традиционно алекситимия относится к аффективным расстройствам и заключается в сложности вербализации эмоций, в затруднении осознания как своего собственного эмоционального состояния, так и состояния партнера по общению. Лицам, демонстрирующим выраженные алекситимичные черты, свойственны недостаточная глубина переживаний, снижение способности к символизации (мечтам, фантазиям, сновидениям), выраженное преобладание рациональных компонентов восприятия картины мира над эмоциональными ощущениями, нарушение контакта с внутренним миром переживаний и т.д.

С точки зрения этиологии среди индивидуумов, демонстрирующих алекситимичные черты, выделяют: генетически обусловленную алекситимию, алекситимию, вызванную психической травматизацией, и алекситимию, сформированную и закреплённую в ходе социального научения. Остановимся на этом подробнее.

Алекситимия конституционального генеза – нередко генетически обусловленная и представляющая собой особые варианты развития мозга человека, при котором в лимбической системе происходит подавление возникающих импульсов (синдром «расщепленного мозга»). По сути, лиц, демонстрирующих описанное своеобразие развития аффективной сферы, можно условно сравнить с «бедняками от природы». Алекситимия, возникшая в результате переживания тяжелой психической травмы, и вариант алекситимии, сформированный в результате социального подкрепления, являются примером «разорившегося богача», который в процессе социальной жизни приобрел устойчивый навык к подавлению своих чувств и безразличия к переживаниям других. Долгосрочные наблюдения за пациентами с посттравматическими расстройствами позволили

констатировать у них развитие алекситимичных черт личности, а сам феномен трактовать как защитный механизм, проявляющийся в модели отрицания и подавления переживаний. Социально обусловленный вариант развития алекситимии личности, как правило, связан с рядом причин: либо с особенностями воспитания в семье, где эмоционально холодные родители приучили ребенка подавлять свои эмоции и воспринимать их любые проявления как крайне нежелательные. В другом случае причиной развития алекситимичных черт у индивидуумов является сознательное подавление эмоционального реагирования, обусловленное длительными переживаниями постоянно действующей стрессовой ситуации. Возможно, данное состояние связано с родом занятий личности – сюда относят профессиональные деформации специалистов из некоторых областей деятельности: работников правоохранительных органов, военных, хирургов и др.

Выборка, методы и методики исследования

Эмпирическое исследование осуществлялось в течение 2015–2016 гг. В нем приняли участие 120 респондентов, возраст испытуемых 19–30 лет.

В качестве диагностического инструментария мы использовали Торонтскую шкалу алекситимии (TAS) в адаптации Д. Б. Ересько, Г. С. Исуриной и др., «Шкалы копинг-стратегий» Р. Лазаруса, тест-опросник уровня субъективного контроля (УСК) Е. Ф. Бажина, А. М. Эткинды, Е. А. Голынкина, опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой. Результаты исследования были подвергнуты корреляционному анализу, выполненному с помощью метода линейной корреляции Пирсона.

Результаты эмпирического изучения и их обсуждение

По показателю выраженности алекситимичных черт личности все респонденты были условно поделены нами на три группы: группу с высокими показателями алекситимии (75–84 балла), представленную 25% респондентов от всей выборки, группу со средними показателями алекситимии (63–74 балла) – 40% испытуемых, так называемая «группа риска», и группу с низкими показателями алекситимии (30–62 балла) – 35% соответственно. Уровень статистической значимости был подтвержден критерием Стьюдента и составил $p < 0,05$. В процессе анализа полученных данных по всей выборке был обнаружен ряд значимых корреляций между показателями алекситимии, стиля саморегуляции личности и предпочитаемыми стратегиями совладающего поведения: остановимся на этом подробнее.

Показатели общего уровня саморегуляции (ОУ) положительно связаны ($p < 0,05$) с показателями интернальности в области достижений (шкала Ид) и интернальности в области производственных отношений (шкала Ип) – $r = 0,26$, $p < 0,01$ и $r = 0,19$, $p < 0,05$ соответственно, а также с показателями копинга «Планирование решений проблемы» – $r = 0,27$, $p < 0,01$, который, в свою очередь, значимо связан со шкалой «Программирование» (Пр) – $r = 0,24$, $p < 0,01$. В связи с этим можно заключить, что лица, имеющие высокий уровень субъективного контроля, демонстрируют высокий уровень саморегуляции поведения и в большинстве своем нацелены на выработку стратегии разрешения проблемы – планирование собственных действий с учетом имеющихся ресурсов. В то же время показатели описываемого копинга обнаруживают отрицательную взаимосвязь с наличием высокого уровня алекситимии – $r = 0,27$, $p < 0,01$. Это свидетельствует о том, что в целом данная стратегия является адаптивной, способствующей конструктивному разрешению трудностей без задействования механизмов подавления эмоций.

Выраженные показатели стратегии совладания «бегство-избегание» отрицательно коррелируют со значениями шкал «Моделирование» (М) – $r = -0,24$, $p < 0,01$ и с возрастными характеристиками респондентов: $r = -0,26$, $p < 0,01$. Это свидетельствует о том, что данный копинг может сопровождаться перепадами отношения субъектов к ситуации и затруднению оценки последствий своих действий, что, несомненно, сказывается на определении цели и алгоритма последующих действий. Данная стратегия имеет тенденцию проявляться у субъектов в более молодом возрасте.

Копинг «конфронтация» положительно связан с показателями шкал «гибкость» (Г) – $r = 0,24$, $p < 0,01$, со значениями общей интернальности (Ио): $r = 0,27$, $p < 0,01$ и, также как и предыдущая описанная стратегия, отрицательно – с возрастными характеристиками респондентов – $r = -0,25$, $p < 0,01$ и значениями шкалы алекситимии: $r = -0,28$, $p < 0,05$. Обсуждаемые взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что стратегия конфронтации чаще используется более молодыми респондентами, которые демонстрируют высокую эмоциональную вовлеченность и некоторую «горячность» поведения с последующим отреагированием чувственных переживаний. Между тем они проявляют пластичность поведения и выраженную ответственность за происходящее. Несмотря на некоторую импульсивность и противоречивость, данный копинг позволяет субъектам адекватно реагировать на быстрое изменение событий, справляться с тревогой, от-

стаивать собственные интересы и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

Копинг «поиск социальной поддержки» отрицательно коррелирует с характеристиками пола, возраста и уровня алекситимии испытуемых – $r = -0,29, p < 0,01$; $r = -0,19, p < 0,05$ и $r = -0,21, p < 0,05$, соответственно, и положительно с показателями шкал «оценка результатов» ($r = 0,22, p < 0,05$) и «интернальности в области неудач» ($r = 0,21, p < 0,05$). Данный факт демонстрирует тенденцию критичного отношения к результатам собственной деятельности (наличие «внутреннего критика») и, в случае внутреннего недовольства, – к личной ответственности за происходящее и к накоплению негативных эмоций, влияющих на самооценку и представления о собственной успешности. Это, несомненно, актуализирует выраженную потребность в эмоциональном «поглаживании» и поддержки со стороны значимого окружения. Необходимо отметить, что в изученной выборке испытуемых данную стратегию чаще используют представители мужского пола. При этом важно подчеркнуть, что по мере взросления респонденты все меньше нуждаются во внешней референции.

Ориентация на стратегию «дистанцирование» у респондентов положительно связана с показателями шкал «гибкость» (Г) – $r = 0,22, p < 0,05$ и «интернальность в области межличностных отношений» (Им) – $r = 0,22, p < 0,05$, а также алекситимии: $r = 0,23, p < 0,05$ и отрицательно – со значениями возраста: $r = -0,28, p < 0,01$ и «шкалы интернальности в области семейных взаимоотношений» (Ис): $r = -0,19, p < 0,05$. По-видимому, данное явление обусловлено возрастными закономерностями развития испытуемых: юношеский возраст предполагает выраженную ориентацию на коллектив сверстников и обращенность в мир социальных взаимодействий. При этом семейные отношения на некоторое время отодвигаются на второй план: происходит гибкое снижение их значимости для респондентов. Негативные чувства, возникающие при этом, нередко подавляются и не осознаются. По мере взросления субъектов данная тенденция ослабевает.

Интересной представляется отрицательная взаимосвязь между копингом «принятие ответственности» и шкалой «оценивание результатов» (Ор) – $r = -0,23, p < 0,05$, а также шкалой «программирование» (Пр): $r = -0,19, p < 0,05$. Данная стратегия отражает готовность к осознанию зависимости между собственными действиями и их последствиями и предполагает стремление личности к поиску причин актуальных трудностей в личных недочетах и промахах. Вместе с тем ориентация на данную стратегию совлада-

ющего поведения может приводить субъектов к неоправданной самокритике, переживанию чувства вины и неудовлетворенности собой, что при планировании дальнейших действий будет активизировать мотивацию избегания неуспеха со всеми сопутствующими особенностями.

Стратегия «самоконтроль» также отрицательно коррелирует с показателями шкалы «оценивание результатов» (Ор) – $r = -0,23, p < 0,05$ и положительно – со значениями алекситимии: $r = 0,29, p < 0,01$ и «шкалы интернальности в межличностных отношениях» (Им) – $r = 0,26, p < 0,01$. При отчетливом предпочтении стратегии самоконтроля у респондентов констатируется стремление скрывать от окружающих свои переживания в связи со стрессовой ситуацией. Нередко данная модель поведения свидетельствует о чрезмерной требовательности к себе, боязни самораскрытия, что, в свою очередь, приводит к целенаправленному сдерживанию и подавлению эмоций.

Копинг «положительная переоценка» отрицательно связан со шкалой алекситимии: $r = -0,25, p < 0,01$ и положительно – с показателями шкал «гибкость» (Г): $r = 0,29, p < 0,01$ и «общей интернальности» (Ио) – $r = 0,24, p < 0,05$. Это говорит о том, что при ориентации испытуемых на данное копинг-поведение преодоление негативных переживаний происходит довольно гибко – без их отрицания и подавления – лишь благодаря положительному переосмыслению проблемной ситуации в аспекте ее восприятия как стимула для дальнейшего личностного роста.

В целом необходимо отметить тот факт, что интернальный локус контроля у респондентов значимо взаимосвязан со шкалами «гибкость» – $r = 0,26, p < 0,01$, «программирование» – $r = 0,22, p < 0,05$; «моделирование» – $r = 0,29, p < 0,01$; «оцениванием результатов» – $r = 0,28, p < 0,01$ и показателями «общего уровня саморегуляции» – $r = 0,27, p < 0,01$. Это говорит о том, что испытуемые с высокими показателями уровня саморегуляции в большинстве своем проявляют себя как самостоятельные и ответственные натуры, гибко и адекватно реагирующие на стрессовую ситуацию. Чем выше общий уровень осознанной регуляции, тем увереннее респонденты чувствуют себя в незнакомых ситуациях, тем стабильнее их успехи в привычных видах деятельности.

При этом значения шкал интернальности в области достижений и в области неудач, а также в семейных взаимоотношениях (Ид, Ин, Ис) отрицательно коррелируют с показателями «самостоятельности» ($p < 0,05$). На наш взгляд, данная взаимосвязь объясняется дефицитом инициативности и независимости от родительского контроля у личности. Испытуемым свойственна иррацио-

нальная убежденность в том, что «сепарация» из родительской семьи может необратимо повлиять на качество семейных взаимоотношений и привести к распаду иерархичной межпоколенческой связи. По-видимому, по этой причине респонденты, подавляя свои импульсы в достижении целей, потребность свободы выбора и независимость стремлений, предпочитают приносить в жертву собственную автономию и независимость.

Таким образом, респонденты, демонстрирующие выраженные алекситимичные черты личности, в большинстве случаев в социальном поведении предпочитают стратегии «дистанцирования», «самоконтроля» и «бегства-избегания». Копинги «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка», «поиск социальной поддержки» более характерны для молодежи с низким уровнем алекситимии и устойчивой системой саморегуляции произвольной активности. Кроме того, поведенческий паттерн совладающего поведения значимо связан с возрастом субъектов: по мере взросления респонденты все реже используют стратегии «бегство-избегание», «конфронтация», «поиск социальной поддержки» и все чаще стратегии «принятие ответственности» и «дистанцирование» ($r = 0,25, p < 0,01$ и $r = 0,27, p < 0,01$ соответственно).

Список литературы

1. Кудинов С. И., Хаммад С. М. Психологическая устойчивость личности как основа самореализации субъекта // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 26–31.
2. Ожиганова Г. В. Высшие духовные и саморегулятивные способности в древневосточной системе знаний – буддизме : историко-психологический подход // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2015. № 4. С. 7–15.
3. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. № 1. С. 80–86.
4. Акименко А. К. Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения современной молодежи в процессе социально-психологической адаптации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 56–61.
5. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях : переосмысливание, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18.
6. Гущина Т. В., Крюкова Т. Л., Екимчик О. А. Культура, стресс и копинг : влияние социокультурного контекста на выбор типа совладания // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика.

Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20, № 4. С. 73–81.

7. Москачева М. А., Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 4. С. 98–113.

Relationship between Alexithymia, Coping Strategies and a Self-regulation Style

A. K. Akimenko

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: akimenko_ak@mail.ru

The paper present the results of an empirical study of coping behavior strategies, conducted on a sample of young people ($N = 120$; aged 19–30). The study used the following questionnaires: the Behavior Self-Regulation Style Questionnaires (V. I. Morosanova), the Ways of Coping Questionnaire (R. Lazarus), the Toronto Alexithymia Scale (G. Taylor, adapted by D. B. Eresko), and the Locus-of-Control Questionnaire (J. Rotter, adapted by E. F. Bazhin, S. A. Golyunkina, A. M. Etkind). These questionnaires helped to identify the relationship between coping behavior strategies and such personal characteristics as the level of subjective control (internal/external), alexithymia, self-regulation style, and others. The obtained data provide insight on possible determinants of behavioral patterns of modern young people, and can be used by professionals in counseling therapy.

Key words: alexithymia, self-regulation style, coping behavior, coping strategies, internality, externality.

References

1. Kudinov S. I., Khammad S. M. Psikhologicheskaya ustoychivost lichnosti kak osnova samorealizatsii subekta (Personality's psychological stability as foundation of subjectes self-realization). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika* (PFUR Bulletin. Ser. Psychology and Pedagogic), 2015, no. 1, pp. 26–31.
2. Ozhiganova G. V. Vysshie dukhovnye i samoregulativnye sposobnosti v drevnevostochnoy sisteme znaniy – buddizme: istoriko-psikhologicheskii podkhod (High spiritual and self-regulative abilities in ancient eastern knowledge system – Buddhism: historical and psychological approach). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika* (PFUR Bulletin. Ser. Psychology and Pedagogic), 2015, no. 4, pp. 7–15.
3. Shamionov R. M. Subektivnoe blagopoluchie lichnosti kak subekta sotsialnogo bytiya (Subjective well-being of personality as subject of social being). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2014. Vol. 14, iss. 1, pp. 80–86.
4. Akimenko A. K. Vzaimosvyaz predstavleniy o lzhi i strategiy povedeniya sovremennoy molodezhi v protsesse sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii (Correlation of modern youths concept of falsehood and behavior strategies in process of social-psychological adaptation). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010. Vol. 10, iss. 3, pp. 56–61.

5. Antsyferova L. I. Lichnost v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie zhiznennykh situatsiy i psikhologicheskaya zashchita (Personality in difficult living conditions: rethinking, transformation of living situations and psychological defense). *Psikhologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 1994, vol. 15, iss. 1. pp. 3–18.
6. Gushchina T. V., Kryukova T. L., Ekimchik O. A. Kultura, stress i koping: vliyanie sotsiokulturnogo konteksta na vybor tipa sovladaniya (Culture, stress and coping: influence of social-cultural context on choice of coping type). *Vestn. Kostrom. gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika* (Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Ser. Pedagogy. Psychology. Social work. Yuvenologiya. Sociokinetics), 2014, vol. 20, iss. 4, pp. 73–81.
7. Moskacheva M. A., Kholmogorova A. B., Garanyan N. G. Aleksitimiya i sposobnost k empatii (Alexithymia and empathy ability). *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* (Counseling Psychology and Psychotherapy). 2014, no. 4, pp. 98–113.

УДК 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИСПОСОБЛЕННОСТИ И СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ЕЕ АДАПТИВНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Малышев Иван Викторович — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: iv.999@list.ru

Представлен анализ характеристик социальной приспособленности личности и основных копинг-стрессовых стратегий учащихся старших классов. В результате анализа взаимосвязей стратегий преодоления трудностей и характеристик социализации обнаружено, что у более 65% испытуемых ведущее положение занимают копинг-поведенческие стратегии, ориентированные, во-первых, на решение задач, во-вторых, на эмоциональное решение проблем. В целом это позитивно влияет на эффекты социализации детей как с проявлением заболеваний, так и с их отсутствием. Корреляционный анализ свидетельствует о взаимосвязи стратегий преодолевающего поведения и характеристик социализации личности, позитивном или негативном влиянии копинг-стрессовых стратегий на формирование личности в процессе социализации на ее раннем этапе.

Ключевые слова: социализация личности, копинг-стрессовые стратегии, взаимосвязь социальной приспособленности и стратегий преодолевающего поведения, старшеклассники с ОВЗ.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-316-321

В российском обществе за последние 20 лет произошли значительные изменения, которые повлияли на все стороны жизни современного человека. Всё это не могло не отразиться и на основных личностных свойствах, адаптационных процессах. Изучение социализации личности в данном контексте приобретает особую актуальность, так как от эффективного вхождения в различные слои общества зависит психологическое и социальное благополучие каждого человека и государства в целом. При этом существенное

значение для развития современного общества имеет успешная социальная приспособленность на ранних этапах жизни, в частности у подростков с ограниченными возможностями здоровья, страдающих различными заболеваниями.

Социализация представляет собой процесс формирования личности с момента рождения и в течение всей жизни. По мнению А. Л. Журавлева, это процесс активного усвоения норм и ценностей общества и включение их индивидом в систему социальных установок, что определяет его позиции и поведение в качестве личности в общественной системе [1]. В настоящее время изучение особенностей социализации личности в разных её аспектах не должно ограничиваться только известными в психологии подходами. Всесторонне и комплексно исследовать проблему во многом позволяет системно-диахронический подход. Согласно Р. М. Шамионову, главными инстанциями, которые регулируют характер социальной активности личности и поведения человека, являются эффекты социализации. Динамический аспект в новом подходе предполагает изучение изменений, происходящих в личности на разных этапах ее социализации, т.е. системно-диахронический подход к анализу процессов социализации решает задачу отслеживания данных изменений. Благодаря этому происходят сдвиги в системе личности и формируются эффекты-явления, которые

свидетельствуют о глубине социализации. Автор считает важным определить вехи социализации, периоды, когда диахрония составляющих личности достигает своего максимума и минимума, активизируя механизмы социализации. Это является элементом создания программ, направленных на формирование субъектной позиции личности, расширение ее возможностей, способствует ориентации в сложных социальных процессах с учетом разновекторности социальных воздействий в условиях развивающегося общества [2].

Ориентируясь на комплексность диахронического подхода, М. В. Григорьева анализирует его возможности применительно к исследованию процессов социализации и социально-психологической адаптации. Автор определяет критерии диахронии и синхронии в процессе адаптационных взаимодействий личности и среды [3]. В другой работе М. В. Григорьева, делая акцент на исследовании психологической адаптации личности с точки зрения принципов диахронии, раскрывает данное явление как развивающийся процесс и результат оптимального и динамичного соотношения (взаимодействия) окружающей среды и личности [4].

Сегодня многие ученые раскрывают явление социализации с точки зрения преодоления трудных и стрессовых ситуаций. В наших исследованиях рассматривается проблема социально-психологической адаптации личности в контексте преодоления ею сложных ситуаций на примере студентов и школьников [5]. Также установлена взаимосвязь между стратегиями копинг-поведения и уровнем адаптированности личности в процессе социализации учителей школ [6]. Е. Е. Бочарова раскрывает стратегии совладающего поведения применительно к выборке испытуемых подросткового и юношеского возраста. Автор отмечает, что наиболее часто подростки используют сочетание стратегий эмоционально ориентированного, конфронтационного копинга, копингов избегания и отвлечения, причем юноши применяют более широкий диапазон стратегий совладания [7]. В этой связи М. А. Кленова рассматривает зависимость личностных качеств и стратегий преодолевающего поведения, анализируя такие личностные характеристики, как психоэмоциональное состояние, самоотношение, готовность к риску, социальную адаптированность. Автор устанавливает корреляционную взаимосвязь между личностными качествами и выбором стратегий преодолевающего поведения [8].

Адаптационный аспект проблемы социализации на примере подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) рассматривается

в наших исследованиях. Показано, что особенностями формирования ценностной сферы личности подростков с ОВЗ являются условия приспособленности их в семье и состоянии здоровья [9]. Исходя из современного понимания проблемы, Л. Е. Тарасова рассматривает в качестве составляющих модели психологической помощи подросткам-инвалидам психодиагностику, психологическое консультирование, психологическую поддержку и психокоррекцию. Автор анализирует психологические параметры личностного и психического здоровья слепых и слабовидящих подростков и раскрывает основные компенсаторные источники при слепоте и слабовидении [10].

Таким образом, можно в определенной мере говорить о разных аспектах проблематики социализации личности и подходах к ее изучению. Важной составляющей успешной социализации являются адаптационные возможности личности и способность противостоять трудным и стрессовым жизненным ситуациям, что указывает на взаимосвязь социальной приспособленности личности и копинг-стратегий поведения и свидетельствует о необходимости исследований проблематики адаптационной готовности личности в современных реалиях.

Исходя из этого, основной целью данного исследования является изучение взаимосвязи социальной приспособленности и стратегий преодолевающего поведения личности с точки зрения её адаптационных возможностей на примере учащихся старших классов с ограниченными возможностями здоровья.

Методика исследования

При изучении характеристик социальной приспособленности личности применялся «Опросник приспособленности» Х. Белла, шкалы которой определяют, где именно и в какой области взаимодействия с окружающими личность испытывает трудности. В качестве диагностического метода, направленного на исследование стратегий преодолевающего поведения личности, был выбран «Опросник копинг-поведения в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д. Ф. Эндлера, Д. А. Джеймса, М. И. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). При статистической обработке данных использован корреляционный анализ по методу К. Пирсона. Выборку исследования составили учащиеся старших классов общеобразовательных школ и школы-интерната Саратовской области в количестве 80 человек в возрасте 15–16 лет. В первую группу вошли учащиеся, не имеющие каких-либо хронических заболеваний или ограничений по здоровью, во вторую группу – школьники с нарушениями зрения.

Результаты и их обсуждение

Анализ характеристик уровня социальной приспособленности старшеклассников с ограниченными возможностями здоровья показал, что у 25% учащихся выявлен ее низкий уровень, 35% показали средний и 40% высокий уровень социализации. По шкале «приспособленность в семье» (среднее арифметическое значение – 4) лишь у 5% от общего числа опрошенных обнаружено снижение данного показателя, у 75% выявлены высокие значения и у 20% они находятся в пределах нормы. Такой результат можно связать с условиями, в которых живут и обучаются школьники с ограниченными возможностями здоровья: это пристальное внимание со стороны родителей к ним, обусловленное наличием у них определенных проблем со здоровьем, и индивидуальный подход к школьникам группы (в классах обучаются не более 10 человек, в отличие от их здоровых сверстников), что дает возможность педагогу уделять внимание каждому из присутствующих учеников. По шкале «сфера здоровья» (среднее арифметическое значение – 5,4) высокий уровень у 45% школьников, а у 25% низкий. Возможно, что слабовидящие и слепые дети не имеют повышенной тревожности по поводу своего здоровья. Обучаясь в среде, где все одноклассники имеют похожее заболевание, они неплохо приспособились к своему состоянию здоровья.

Низкий уровень по шкале «субмиссивность» (среднее арифметическое значение – 5,1) имеют 30% старшеклассников, 20% опрошенных – высокий. Испытуемые с высоким уровнем этого фактора обычно уверены в себе и мало внимания обращают на мнение других, а с низким – склонны быть зависимыми и пассивными, недостаточно уверены в себе. Таким образом, можно сказать, что большинство старшеклассников с ОВЗ уверены в себе и в своих силах. Однако результаты также могут свидетельствовать о демонстративном проявлении детьми самостоятельности и активности в различных сферах деятельности. При каждом удобном случае они стараются продемонстрировать своё равенство со здоровыми детьми. При этом многие из них в какой-то степени проявляют пассивность и зависимость, что может быть вызвано ограничением, связанным с заболеванием. По шкале «эмоциональность» (среднее арифметическое значение – 4,6) у 70% старшеклассников высокий уровень и у 30% низкий. Это свидетельствует о том, что большинство учащихся с ОВЗ эмоционально стабильны, в отличие от их здоровых сверстников. Итоги шкалы «враждебность» (среднее арифметическое значение – 5,7): показатели высокого и низкого уровней оказались равны, по 35%. Анализ полученных результатов

говорит о том, что высокие значения этого показателя могут быть обусловлены влиянием возрастного периода.

Приспособленность личности является важным аспектом в процессе ее социализации. Для того, чтобы адаптация была более эффективной, большую роль в данном процессе играют механизмы преодоления трудных ситуаций (копинг-стратегии), которые снижают риск возникновения дезадаптации личности. *Результаты исследования показывают, что для большинства школьников с признаками нарушения здоровья характерна модель копинг-поведенческой стратегии «решение задачи – эмоции – избегание», где ведущую роль играет стратегия, направленная на решение сложившейся стрессовой ситуации.* Необходимо отметить, что ориентация на эмоции является менее позитивной копинг-стратегией, нежели другие, однако при преодолении стрессов и трудных жизненных ситуаций старшеклассниками с ограниченными возможностями здоровья позволяет им лучше контролировать свои эмоциональные переживания, быть более приветливыми по отношению к окружающим, относиться к ним с пониманием и, если необходимо, с сочувствием. Сопоставив результаты уровня социализации и выявленной доминирующей копинг-стратегии, мы обнаружили, что у детей с ОВЗ и без ограничений с высоким уровнем социальной приспособленности преобладает копинг-стратегия, направленная на решение задач. Таким образом, можно говорить о наличии связи между уровнем социализации и выбором соответствующей копинг-стратегии поведения.

Для изучения взаимосвязей характеристик социализации личности и копинг-стрессовых поведенческих стратегий у здоровых старшеклассников и с ограниченными возможностями здоровья проводился корреляционный анализ по методу Пирсона. У старшеклассников с ОВЗ показатель социализации, отвечающий за здоровье, положительно взаимосвязан с копинг-стратегией, ориентированной на решение задачи ($r = 0,461$, $p < 0,05$). Видно, что ориентация личности на наиболее приемлемую в трудных ситуациях копинг-стратегию, ориентированную на решение задачи, влияющую на социальную активность, в том числе в учебной деятельности, позитивно воздействует на показатели заболеваемости, в частности, улучшая душевное и физическое самочувствие. Напротив, если этого не происходит, т.е. личность отягощена внутренними проблемами, не имеет полноценного взаимодействия с социумом, она в большей мере подвержена негативному воздействию стрессов, и риск заболеть психосоматическими заболеваниями резко возрастает.

Ориентация на решение задачи, по мнению ряда исследователей, является наиболее эффективной копинг-стратегией поведения, и это подтверждают полученные ранее результаты у старшеклассников. Учитывая, что большинство (более 65%) старшеклассников предпочитают именно ее при преодолении различных трудностей, полученные результаты подтверждают значение данного копинга для личности как эффективного фактора преодоления сложных жизненных ситуаций и длительных стрессов.

Помимо этого выявлена положительная взаимосвязь между показателем социализации «эмоциональность» и копинг-стратегией, ориентированной на решение задачи ($r = 0,459, p < 0,05$). Из этого следует, что позитивная выраженная копинг-стратегия личности создает предпосылки для эмоциональной стабильности в общении и деятельности. К тому же умение управлять своими чувствами, контролировать свои субъективные переживания позволяет личности лучше адаптироваться в обществе и активизирует целенаправленную активность. В то же время отсутствие эмоциональной стабильности отрицательно сказывается на установлении нормальных, прочных семейных отношений.

Другой, менее позитивный копинг – «ориентация на эмоции» – положительно взаимосвязан с такими характеристиками социализации, как «приспособленность в семье» ($r = 0,542, p < 0,05$), «здоровье» ($r = 0,700, p < 0,01$), «субмиссивность» ($r = 0,685, p < 0,01$), «эмоциональность» ($r = 0,700, p < 0,01$) и «враждебность» ($r = 0,477, p < 0,05$). Можно сказать, что данная стратегия поведения при преодолении трудных ситуаций у некоторых детей с ОВЗ помогает им лучше приспособиться к семейной жизни, дает ощущение комфорта в сфере здоровья, снижает излишний интерес к своему здоровью и плохому самочувствию, позволяет быть более уверенными в себе при установлении социальных контактов. Необходимо отметить, что ориентация на эмоции при преодолении стрессов и трудных жизненных ситуаций у ряда таких старшеклассников позволяет им лучше контролировать свои эмоциональные переживания, быть более приветливыми по отношению к окружающим, относиться к ним с пониманием и, если необходимо, с сочувствием. Также выявлена положительная корреляция между шкалой копинга «избегание» (отвлечение) и областью социализации «приспособленность в семье» ($r = 0,446, p < 0,05$). Нельзя исключать, что старшеклассники с ограниченными возможностями здоровья, использующие данную (не позитивную) копинг-стратегию при преодолении разного рода жизненных проблем, стараются избежать суровой

реальности, связанной с семейной жизнью. При этом они испытывают потребность в любви и симпатии, счастливой семейной жизни.

В процессе исследования обнаружены отрицательные корреляции между уровнем «комплекса неполноценности» детей с ОВЗ и такими характеристиками социализации личности, как «здоровье» ($r = -0,595, p < 0,01$), «субмиссивность» ($r = -0,722, p < 0,01$), «эмоциональность» ($r = -0,551, p < 0,05$). Учитывая полученные ранее результаты, т.е. то, что значительное число старшеклассников ощущают себя полноценными во всех отношениях людьми, несмотря на имеющиеся заболевания, следует отметить, что сам по себе комплекс неполноценности не оказывает сильного влияния на характеристики социальной приспособленности, в частности при приспособленности в семье, в отношениях с окружающими, и не сказывается на возникновении депрессивных тенденций. Скорее всего, низкий уровень «комплекса неполноценности» или его отсутствие у большинства старшеклассников усиливает стремление обрести семью или указывает в целом на удовлетворительные отношения в семье, уверенность в себе и своих силах, адекватные отношения с окружающими и хорошую эмоциональную стабильность. Это относится и к группе здоровых детей, не имеющих хронических заболеваний: у них также обнаружены отрицательные корреляции между уровнем «комплекса неполноценности» и такими характеристиками социализации личности, как «субмиссивность» ($r = 0,407, p < 0,01$) и «враждебность» ($r = -0,323, p < 0,05$). Можно сказать, что для здоровых старшеклассников с низким уровнем «комплекса неполноценности» характерны позитивные отношения с социальным окружением, легкое установление дружеских отношений, уважение и симпатия к людям, альтруистические тенденции.

Анализ корреляционных взаимосвязей в группе испытуемых здоровых детей свидетельствует о положительных связях между копингом «ориентация на эмоции» и такими характеристиками социализации, как «субмиссивность» ($r = 0,439, p < 0,01$) и «эмоциональность» ($r = 0,350, p < 0,01$), т.е. большинство здоровых старшеклассников с ориентацией на эмоциональный копинг при преодолении стрессов испытывают больший эмоциональный комфорт, меньшее волнение, тревожность, робость. При этом они уверены в своих силах, общительны, инициативны и т.д. Однако, как видно из результатов, данная группа менее всего использует копинг-стратегию, ориентированную на решение задачи, и более всего опирается на непозитивную стратегию при преодолении трудностей, что снижает в целом шансы на успех и эффективную социализацию.

Выводы

В результате количественного и качественного анализа взаимосвязей стратегий преодоления трудностей и характеристик социализации учащихся можно сказать, что у более 65% испытуемых ведущее положение занимают копинг-поведенческие стратегии, ориентированные на решение задач, затем на эмоциональное решение проблем. В целом это позитивно влияет на эффекты социализации детей с ВОЗ и без ограничений. Корреляционный анализ, таким образом, свидетельствует о взаимосвязи стратегий преодолевающего поведения и характеристик социализации личности, позитивном или негативном влиянии копинг-стрессовых стратегий на формирование личности в процессе социализации на ее раннем этапе. Решающую роль в преодолении негативного воздействия стрессов, жизненных трудностей и эффективного социального приспособления играют активные позитивные модели копинг-стратегий. Все это во многом подтверждает предыдущие исследования, делает их более полными. В выявленных взаимосвязях заметны устойчивые тенденции, которые характеризуют личность, общие и специфические черты представителей каждой группы испытуемых. Налицо проблемы социализации, связанные с возрастными особенностями и условиями жизни в различных социальных группах (семья, интернат), т.е. отражающие уровень социальной активности личности в социуме.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 15-06-10624.

Список литературы

1. Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. О. Социальная психология : учеб. пособие. М., 2006. 416 с.
2. Шамионов Р. М. Социальная психология личности: проблемы и перспективы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 3. С. 236–241.
3. Григорьева М. В. Диахронический подход к исследованию процессов социально-психологической адаптации личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 54–58.
4. Григорьева М. В. Понятийный аппарат психологии адаптации личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 3. С. 259–263.
5. Малышев И. В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации личности и копинг-поведенческих стратегий учащихся и студентов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 69–74.
6. Малышев И. В. Социально-психологическая адаптация личности и адаптация личности и стратегии копинг-поведения учителей школ в процессе профессиональной социализации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 1. С. 30–34.
7. Бочарова Е. Е. Стратегии совладающего поведения личности различных возрастных групп // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 5 (49). С. 580–589. URL: : <http://ej.soc-journal.ru/> (дата обращения: 21 января 2016).
8. Кленова М. А. Влияние психоэмоционального состояния и личностных характеристик на выбор стратегий преодолевающего поведения // Психология обучения. 2014. № 11. С. 43–54.
9. Малышев И. В., Абдулаев А. Ш. Особенности ценностных ориентаций и социализации личности в аспекте ее адаптированности у подростков с ограниченными возможностями здоровья // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 4. С. 326–333.
10. Тарасова Л. Е. Психологическая помощь подросткам-инвалидам // Социокультурная интеграция и специальное образование : сб. науч. ст. М., 2015. С. 333–341. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24404304> (дата обращения: 21.01.2016).

Correlation of Social Suitability and Overcoming Behavior Strategies of Personality in the Process of its Adaptation among Senior Pupils with Disabilities

I. V. Malyshev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: iv.999@list.ru

An analysis of characteristics of social suitability of the personality and basic coping-strategy of senior pupils is represented. As the result of the analysis of the correlations of strategies of the difficulties overcoming and socialization characteristics, it was discovered that among more than 65% of tested, the leading state takes the coping-behavior strategy oriented to the solution of problems and to the emotional solution of problems. Generally this positively influences the effect of the socialization of children wit and without illness. The correlation analysis shows the connection of the strategy of overcoming behavior and characteristics of the person socialization, positive or negative influence of the coping-stressful strategies to the personality forming in the early stage of the socialization.

Key words: socialization of personality, coping-stressful strategies, relation of social suitability and strategies of overcoming behavior, senior pupils with handicap.

References

1. Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Krasnikov M. O. *Sotsialnaya psikhologiya: ucheb. posobie* (Social psychology: textbook). Moscow, 2006. 416 p.
2. Shamionov R. M. *Sotsialnaya psikhologiya lichnosti: problemy i perspektivy* (Social psychology of personality: problems and perspectives). *Izv. Saratov Univ.*

- (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology. 2014. Vol. 3, iss. 3, pp. 236–241.
3. Grigoreva M. V. Diakhronicheskiy podkhod k issledovaniyu protsessov sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti (Diachronic approach to the study of the processes of social-psychological adaptation of personality). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2013. Vol. 13, iss. 1, pp. 54–58.
 4. Grigoryeva M. V. Ponyatiynyy apparat psikhologii adaptatsii lichnosti (Concept apparatus in psychology of personality's adaptation). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology.* 2014. Vol. 3, iss. 3, pp. 259–263.
 5. Malyshev I. V. Vzaimosvyaz sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti i koping-povedencheskikh strategiy uchashchikhsya i studentov (Interrelation of the social-psychological adaptation of a personality and the coping-behaviour strategies of pupils and students). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2012. Vol. 12, iss. 3, pp. 69–74.
 6. Malyshev I. V. Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti i strategii koping-povedeniya uchiteley shkol v protsesse professionalnoy sotsializatsii (Interrelation of the social-psychological adaptation of a personality and the coping-behaviour strategies of pupils and students). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology.* 2013. Vol. 2, iss. 1, pp. 30–34.
 7. Bocharova E. E. Strategii sovladayushchego povedeniya lichnosti razlichnykh vozrastnykh grupp (Strategies for coping personality of different age groups). *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem (Modern Research of Social Problems)*, 2015, no. 5 (49), pp. 580–589. Available at: <http://ej.soc-journal.ru/> (accessed 21 January 2016).
 8. Klenova M. A. Vliyaniye psikhoemotsionalnogo sostoyaniya i lichnostnykh kharakteristik na vybor strategiy preodolevayushchego povedeniya (The impact of psychoemotional state and personality traits on the choice of coping behavior strategies). *Psikhologiya obucheniya (Psychology of study)*. 2014, no. 11, pp. 43–54.
 9. Malyshev I. V., Abdulaev A. Sh. Osobennosti tsennostnykh orientatsiy i sotsializatsii lichnosti v aspekte ee adaptirovannosti u podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya (Peculiarities of value orientations and personal socialization in adolescents with health limitations). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology.* 2015. Vol. 4, iss. 4, pp. 326–333.
 10. Tarasova L. E. Psikhologicheskaya pomoshch podrostkam-invalidam (Psychological help to young people invalids). *Sotsiokulturnaya integratsiya i spetsialnoe obrazovanie: sb. nauch. st. (Social-cultural integration and special education: Collection of papers)*. Moscow, 2015. pp. 333–341. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24404304> (accessed 21 January 2016).

УДК 159.9.07

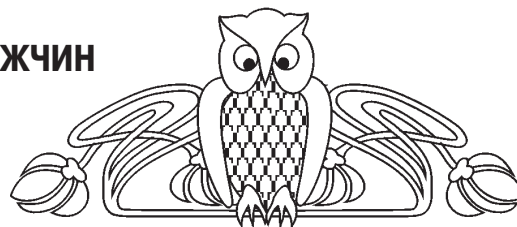
ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУР МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Прохорова Мария Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. E-mail: personalgerente@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей структур положительной и отрицательной мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин. Проведено эмпирическое исследование на выборке из 58 женщин и 58 мужчин с использованием метода ситуационного интервью, результаты которого обработаны с помощью таблиц сопряженности 2×2 с применением непараметрического критерия Пирсона. Выявлено сходство в том, что женщины и мужчины предпочитают работать на этапах интенсивного роста и стабильности бизнеса, а также склонны отказываться от работы на этапе спада. Установлено различие в мотивации труда между женщинами, которые негативно относятся к работе на этапе формирования бизнеса, и мужчинами, которые скорее готовы работать на этом этапе. Показано, что структуры положительной мотивации труда и у женщин, и у мужчин более сложные, чем структуры отрицательной мотивации.

Ключевые слова: структура мотивации трудовой деятельности, положительные мотивы, отрицательные мотивы, мотивация труда женщин, мотивация труда мужчин, организационное развитие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-321-325

Актуальность исследования

Для повышения производительности труда и удовлетворённости важно найти индивидуальный подход к каждому работнику, в том числе учесть особенности профессионального поведения, обусловленные полом, что требует выявить особенности и сходство в структуре мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин. В проведённых исследованиях установлены отдельные аспекты в различиях трудовых мотивов женщин и мужчин, между тем целостные структуры не изучены [1–4]. Отсюда вытекает актуальность исследования, целью которого будет выявление особенностей и сходства в структуре мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин.

Методологической основой данного исследования послужили работы А. Маслоу [5],

Ф. Херцберга [6], В. Г. Асеева [7], Х. Хекхаузена [8], М. В. Прохоровой [9–14], что потребовало рассмотрения мотивации трудовой деятельности с учётом многокомпонентности и иерархичности её строения, двухмодальной (положительной и отрицательной) природы мотивов, а также в контексте организационного развития.

Методика исследования

В исследовании приняли участие 116 испытуемых, среди которых равное количество женщин и мужчин. Женская и мужская выборки сходны по возрасту, образованию и профессиональному статусу. Для сбора данных использовалось ситуационное интервью, позволяющее диагностировать готовность испытуемых работать на четырёх этапах развития бизнеса (формирование, интенсивный рост, стабильность, спад), а также определять общие и специальные структуры положительной и отрицательной мотивации трудовой деятельности [8, 10–14]. Статистический анализ данных проводился с использованием таблиц сопряжённости 2×2 и непараметрического критерия χ^2 Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Женщины и мужчины предпочитают работать на двух этапах развития бизнеса: интенсивном росте и стабильности (рис. 1). Различия между женщинами и мужчинами прослеживаются в готовности работать на этапах формирования и спада бизнеса. Если женщины в равной степени

в обоих типах организаций выделяют больше отрицательных аспектов, чем преимуществ, то мужчины достоверно предпочитают работать на этапе формирования бизнеса ($\chi^2 = 4,2; p = 0,403$).

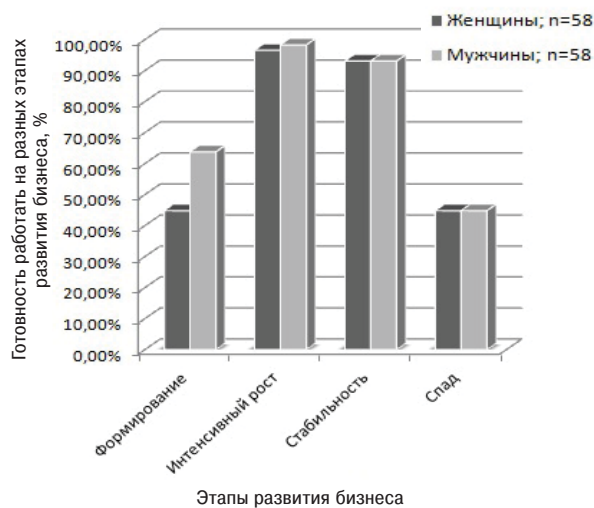

Рис. 1. Готовность женщин и мужчин работать на разных этапах развития бизнеса

Мотивы трудовой деятельности, которые определяют готовность работать или отказ от работы на определённом этапе бизнеса, мы называем *специальными*.

Рассмотрим положительные мотивы, в соответствии с которыми женщины и мужчины предпочитают работать на разных этапах развития бизнеса (табл. 1). Доминирующие мотивы, которые

Таблица 1

Специальные структуры положительной мотивации труда женщин и мужчин

Этап бизнеса	Женщины (N = 58)	Мужчины (N = 58)
Формирование	Желание стоять у истоков бизнеса; карьерный рост; самореализация; перспективы; помощь организации; интересная работа; высокая заработная плата; новизна; менеджмент	Карьерный рост; желание стоять у истоков бизнеса; перспективы; самореализация; интересная работа; новизна; профессиональный рост; достижения; стабильная и надёжная работа; высокая заработная плата; работа как таковая; хорошие отношения в коллективе
Интенсивный рост	Стабильная и надёжная работа; высокая заработная плата; карьерный рост; самореализация; профессиональный рост; интересная работа; перспективы; хорошие отношения в коллективе; достижения и престижность организации	Высокая заработная плата; карьерный рост; стабильная и надёжная работа; профессиональный рост; интересная работа; желание стоять у истоков бизнеса; хорошие отношения в коллективе; хорошие условия работы; престижность организации; самореализация
Стабильность	Стабильная и надёжная работа; высокая заработная плата; хорошие отношения в коллективе; карьерный рост; профессиональный рост; самореализация; перспективы; хорошие условия работы; важная работа; интересная работа; новизна; менеджмент; престижность организации	Стабильная и надёжная работа; высокая заработная плата; самореализация; профессиональный рост; перспективы; хорошие отношения в коллективе; важная работа; интересная работа; карьерный рост
Спад	Помощь организации и самореализация; хорошие отношения в коллективе; перспективы; профессиональный рост; интересная работа; карьерный рост; стабильная и надёжная работа	Самореализация; помощь организации; интересная работа; работа как таковая; перспективы; карьерный рост; новизна; профессиональный рост; достижения; менеджмент

достоверно значимо различаются со следующими по силе выраженности показателями, выделены курсивом. Следует отметить более сложные структуры положительной мотивации у мужчин, по сравнению с женщинами, на наиболее рискованных и неопределённых этапах бизнеса — его формировании и спаде. Для женщин характерны более сложные структуры положительной мотивации труда на этапе стабильности бизнеса. Наибольшее сходство структуры мотивации трудовой

деятельности женщин и мужчин прослеживается на этапе интенсивного роста.

Рассмотрим отрицательные мотивы, по которым происходит отказ от работы на разных этапах развития бизнеса (табл. 2). Наибольшие различия в содержании отрицательных мотивов между женщинами и мужчинами прослеживаются на этапе спада бизнеса. В структуре отрицательной мотивации женщин представлены восемь показателей, в то время как у мужчин — всего четыре.

Таблица 2

Специальные структуры отрицательной мотивации труда женщин и мужчин

Этап бизнеса	Женщины (N = 58)	Мужчины (N = 58)
Формирование	<i>Нестабильная и ненадёжная работа</i> ; низкая заработная плата; отсутствие интересной работы; текучесть персонала	<i>Нестабильная и ненадёжная работа</i> ; отсутствие престижа организации; боязнь увольнения; низкая заработная плата и текучесть персонала
Интенсивный рост	Нестабильная и ненадёжная работа; текучесть персонала	Нестабильная и ненадёжная работа
Стабильность	Боязнь увольнения; низкая заработная плата; отсутствие возможностей самореализации; отсутствие перспектив; нестабильная и ненадёжная работа	Неинтересная работа; отсутствие карьерного роста; низкая заработная плата; отсутствие перспектив; отсутствие самореализации
Спад	<i>Нестабильная и ненадёжная работа</i> ; боязнь увольнения и низкой заработной платы; отсутствие перспектив; нездоровая психологическая атмосфера; плохие отношения в коллективе; плохие условия работы; текучесть персонала	<i>Нестабильная и ненадёжная работа</i> ; боязнь увольнения; низкая заработная плата; отсутствие перспектив

Общие структуры мотивации трудовой деятельности представляют собой целостные и относительно устойчивые, не связанные напрямую с этапом развития бизнеса, психологические образования. Структуры положительной (рис. 2) мотивации и женщин, и мужчин более сложные, чем отрицательной (рис. 3).

Готовность работать в организации обусловлена шестнадцатью мотивами у женщин, к которым у мужчин добавляется ещё один показатель — *работа как таковая*. Достоверно значимые различия в структуре положительной мотивации труда между женщинами и мужчинами выявлены в трёх случаях: во-первых, мужчины больше,

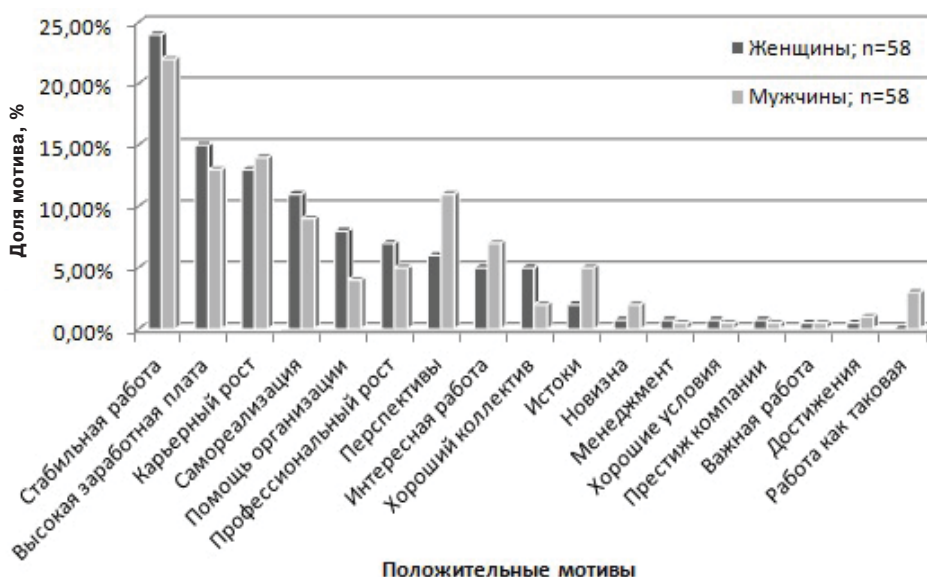

Рис. 2. Общие структуры положительной мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин

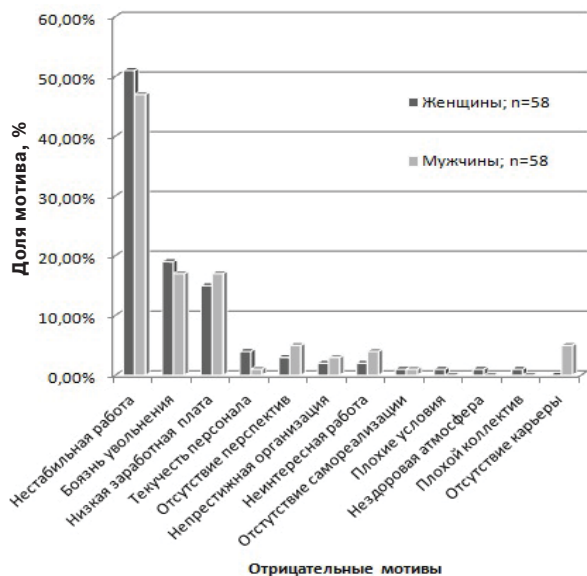

Рис. 3. Общие структуры отрицательной мотивации трудовой деятельности женщин и мужчин

чем женщины, ориентированы на перспективы ($\chi^2 = 4,3; p = 0,038$), с которыми соотносят всю совокупность положительных тенденций в профессиональной деятельности и развитии организации-работодателя. Во-вторых, в отличие от женщин, мужчины предпочтут иметь любую работу, нежели быть безработными ($\chi^2 = 7,10; p = 0,007$). В-третьих, для женщин более значимы, чем для мужчин, хорошие отношения в коллективе ($\chi^2 = 4,13; p = 0,042$). Различия в социальных мотивах между женщинами и мужчинами при увеличении выборки могут усилиться за счёт ещё одного мотива – готовности помогать организации. На текущем этапе исследования достоверно значимых различий не выявлено, но прослеживается тенденция ($\chi^2 = 2,78; p = 0,096$).

В структуре отрицательной мотивации труда у женщин выявлены одиннадцать отрицательных мотивов, а у мужчин десять, по которым они отказываются от работы. Мужчины склонны меньше внимания уделять отрицательным гигиеническим и социальным факторам. *Плохие условия работы, нездоровая психологическая атмосфера и плохие отношения в коллективе* не вошли в структуру отрицательной мотивации труда у мужчин, однако у них добавляется такой отрицательный мотив, как отсутствие карьерного роста. Преобладающим отрицательным мотивом и у женщин, и у мужчин является отсутствие *стабильной и надёжной работы*. Выраженность этого мотива достоверно значимо отличается от частоты упоминания мотива *боязнь увольнения* у женщин ($\chi^2 = 15,24; p = 0,000$), *боязни увольнения* и *низкой заработной платы* у мужчин ($\chi^2 = 9,45; p = 0,001$).

Выводы

Женщины и мужчины предпочитают работать на двух этапах развития бизнеса: интенсивном росте и стабильности. Мужчины больше предпочитают работать на этапе формирования, чем на этапе спада. Женщины в обоих случаях склонны, скорее, отказаться от работы, чем трудоустроиться.

Общие структуры положительной мотивации труда и женщин, и мужчин более сложные, чем структуры отрицательной мотивации. Достоверно значимые различия между женщинами и мужчинами выявлены в выраженности положительных мотивов труда. Женщин отличает более сильное, чем у мужчин, влияние мотива *хорошие отношения* в коллективе. У мужчин представлен мотив *работа как таковая*, который не выявлен у женщин. Мужчин отличает более сильная, чем у женщин, выраженность положительного мотива *перспективы*.

Женщин отличает более сложная, чем у мужчин, структура положительной мотивации на этапе стабильности бизнеса, а также более сложная структура отрицательной мотивации на этапе спада бизнеса. У мужчин выявлены более сложные, чем у женщин, структуры отрицательной мотивации труда на этапах формирования и спада бизнеса.

Доминирующие мотивы у женщин и у мужчин совпадают: среди положительных мотивов в обоих случаях преобладает *стабильная и надёжная работа*, среди отрицательных – *нестабильная и ненадёжная работа*.

Список литературы

1. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб., 2012. 432 с.
2. Костюнина А. А. Гендерные аспекты профессиональной и трудовой мотивации // Грани познания. 2010. № 2 (7). URL: <http://grani.vspu.ru> (дата обращения: 01.02.2016).
3. Малиборская И. Л. Гендерные особенности мотивации персонала на разных этапах трудовой деятельности // Вестн. Воронеж. гос. техн. ун-та. 2012. Т. 8, № 10 (2). С. 178–180.
4. Ходосевич А. С. Гендерные различия в профессиональной направленности личности работников сферы услуг // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2010. № 4. С. 146–148.
5. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. СПб., 2011. 352 с.
6. Херцберг Ф., Моснер Б., Снидерман Б. Б. Мотивация к работе. М.; СПб., 2007. 240 с.
7. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976. 158 с.
8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность : в 2 т. М., 1986. Т. 1. 406 с.

9. Павленкова С. К., Прохорова М. В. Мотивация работы персонала. Saarbrücken, 2012. 276 с.
10. Прохорова М. В., Павленкова С. К. Структура мотивации трудовой деятельности на этапе формирования бизнеса // Креативная экономика. 2012. № 2. С. 98–103.
11. Прохорова М. В. Психодиагностика в организациях. Н. Новгород, 2013. 76 с.
12. Прохорова М. В., Чельюк О. Р. Структура мотивации трудовой деятельности на этапе спада бизнеса // Вестн. Самар. гум. акад. Сер. Психология. 2013. № 2 (14). С. 78–91.
13. Прохорова М. В. Структура мотивации трудовой деятельности на этапе стабильности бизнеса // Сиб. психол. журн. 2014. № 54. С. 196–210.
14. Прохорова М. В., Башук Е. Н. Структура мотивации трудовой деятельности на этапе интенсивного роста // Вестн. Вост. экон.-юрид. гум. акад. 2014. № 6 (74). С. 76–84.
- 2010, no. 2 (7). Available at : <http://grani.vspu.ru> (accessed 1 February 2016).
3. Maliborskaya I. L. Gendernye osobennosti motivatsii personala na raznykh etapakh trudovoy deyatelnosti (Gender peculiarities of personnel motivation at different stages of professional activity). *Vestn. Voronezh. gos. tekhn. un-ta* (The Bulletin of Voronezh State Technical University), 2012, vol. 8, no. 10 (2), pp. 178–180.
4. Hodosevich A. S. Gendernye razlichiya v professionalnoy napravlenosti lichnosti rabotnikov sfery uslug (Gender differences in professional standing of personality of the staff in service industry). *Vestn. Tomsk. gos. ped.un-ta* (Tomsk State Pedagogical University Bulletin), 2010, no. 4, pp. 146–148.
5. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. London, 1987. 336 p. (Russ. ed.: Maslow A. H. *Motivatsiya i lichnost*. St.-Petersburg, 2011. 352 p.).
6. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B. *The motivation to work*. New York, 1959. 157 p. (Russ. ed.: *Motivatsiya k rabote*. Moscow; St.-Petersburg, 2007. 240 p.).
7. Aseev V. G. *Motivatsiya povedeniya i formirovanie lichnosti* (Motivation of behaviour and personality development). Moscow, 1976. 158 p.
8. Heckhausen H. *Motivation und handeln*. Berlin, 1980. 557 p. (Russ. ed.: Heckhausen H. *Motivatsiya i deyatelnost: v 2 t.* Moscow, 1986, vol. 1. 406 p.).
9. Pavlenkova S. K., Prokhorova M. V. *Motivatsiya raboty personala* (Personnel work motivation). Saarbrücken, 2012. 276 p.
10. Prokhorova M. V., Pavlenkova S. K. Struktura motivatsii trudovoy deyatelnosti na etape formirovaniya biznesa (Work Motivation Structure at the Business Formation Stage). *Kreativnaya ekonomika* (Creative Economics), 2012, no. 2, pp. 98–103.
11. Prokhorova M. V. *Psikhodiagnostika v organizatsiyakh* (Organizational psychodiagnostics). Nizhniy Novgorod, 2013. 76 p.
12. Prokhorova M. V., Chepyuk O. R. Struktura motivatsii trudovoy deyatelnosti na etape spada biznesa (Work motivation structure at the business decline stage). *Vestn. Samar. gum. akad. Ser. Psikhologiya* (The Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Ser. Psychology), 2013, no. 2 (14), pp. 78–91.
13. Prokhorova M. V. Struktura motivatsii trudovoy deyatelnosti na etape stabilnosti biznesa (Work motivation structure at the business stability stage). *Sibir. psihol. zhurn.* (Siberian Journal of Psychology), 2014, no. 54, pp. 196–210.
14. Prokhorova M. V., Bashuk E. N. Struktura motivatsii trudovoy deyatelnosti na etape intensivnogo rosta (Work motivation structure at the business intensive growth stage). *Vestn. Vostochn. ekon.-yurid. gum. akad.* (Vestnik of Eastern Economics and Law Humanities Academy), 2014, no. 6 (74), pp. 76–84.

Peculiarities of Women's and Men's Work Motivational Structures

M. V. Prokhorova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
7, Universitetskiy bystr., Nizny Novgorod, 603000, Russia
E-mail: personalgerente@mail.ru

The article is devoted to the investigation of the peculiarities of positive and negative motivation structures of women's and men's labor activity. The empirical investigation is conducted on a sampling group of 58 women and 58 men using the method of situational interview, the results of which are processed with the help of the application of cross-tables 2×2 by means of which criterion χ^2 Pearson is calculated. The similarity between women and men is revealed in the fact that both prefer to work at the stage of intensive growth and stability business stage and they are more likely to deny work at the decline business stage. The difference is elicited in the work motivation between women who disfavor work at the formation business stage, and men, who are rather inclined to work at this stage. It is indicated, that the structures of positive labor motivation of both women and men are more complex than the structures of negative motivation.

Key words: work motivation structure, positive motives, negative motives, women's work motivation, men's work motivation, organizational development.

References

1. Ilin E.P. *Differentsialnaya psikhologiya professionalnoy deyatelnosti* (Differential psychology of professional activity). St.-Petersburg, 2012. 432 p.
2. Kostyunina A. A. Gendernye aspekty professionalnoy i trudovoy motivatsii (Gender aspects of professional and labor activity). *Grani poznaniya* (Facets of Knowledge),

УДК 159.9.072

БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ, ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС И ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ РОСТ ПОСЛЕ ТРАВМЫ ПОЗВОНОЧНИКА

Толкачёва Оксана Николаевна – аспирант кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tolkoksana@ya.ru

В статье анализируется связь базисных убеждений, посттравматического стресса и посттравматического роста среди инвалидов вследствие спинальной травмы. Выявлен выраженный посттравматический стресс у 24% респондентов. Базисное убеждение о справедливости мира после травмы ослабляется, тогда как убеждение об удаче остаётся на высоком уровне. Выраженность симптомов посттравматического стрессового расстройства коррелирует с низкими значениями убеждений о доброжелательности мира и собственном достоинстве. Посттравматический рост связан с высокими значениями убеждений о справедливости, но не о доброжелательности окружающего мира. Обнаружена взаимосвязь между ростом силы личности и высокими значениями базисных убеждений.

Ключевые слова: травма позвоночника, посттравматический стресс, посттравматический рост, базисные убеждения, картина мира.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-326-329

Введение

На сегодняшний день в России эффективность реабилитационных программ для пациентов с травмой позвоночника остаётся невысокой из-за невнимания к психологической составляющей данного травматического опыта [1]. Травма позвоночника рассматривается как набор физических и социальных ограничений, требующих компенсации, тогда как особенности психологических реакций на травму, а также инициированные травмой изменения в картине мира остаются неисследованными.

Серьёзный жизненный кризис или травматическое событие потрясает всю систему представлений субъекта о мире и о себе. Р. Янов-Бульман (R. Janoff-Bulman) выделила три области базисных убеждений индивида, подверженных влиянию травматического опыта [2]. Это убеждения о доброжелательности и осмысленности окружающего мира, а также представления о личном достоинстве. Конфронтация базисных убеждений вследствие травмы связана с ростом тревоги и симптомами посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [3, 4]. Вместе с тем Р. Тидеши и Л. Кэлхаун (R. G. Tedeschi и L. G. Calhoun) сообщают о том, что личностный рост после травмы возникает именно в процессе переосмысления привычных убеждений о мире и о своём месте в нём [5].

Представляется важным изучение не только негативного влияния травмы позвоночника на жизненный опыт субъекта, но и возможности посттравматического роста (ПТР), так как модели успешного совладания с травмой могут стать источником ценной информации для построения более эффективных программ реабилитации.

Методы и процедура исследования

Цели исследования: 1) оценить выраженность процессов посттравматического стресса и роста после травмы позвоночника; 2) исследовать место базисных убеждений в процессах посттравматического стресса и роста среди инвалидов вследствие травмы позвоночника.

Методики измерения: 1) «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой. Она состоит из 5 субшкал: Доброжелательность окружающего мира, Справедливость, Образ «Я», Удача, Убеждение о контроле; 2) гражданский вариант «Миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций»; 3) «Опросник посттравматического роста Тидеши и Кэлхауна» в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова. Он содержит 5 шкал: Отношение к другим, Новые возможности, Сила личности, Духовные изменения, Повышение ценности жизни; 4) структурированная анкета с вопросами закрытого типа для сбора биографических данных об участниках исследования.

Процедура сбора данных: комплект методик, анкета и приглашение принять участие в исследовании рассылались через электронные средства связи участникам официально зарегистрированных локальных сообществ людей с инвалидностью в регионах России.

Характеристики выборки

В исследовании приняли участие 50 человек с инвалидностью I группы вследствие травмы позвоночника, 15 женщин и 35 мужчин в возрасте от 19 до 57 лет. Средний возраст респондентов 35 ± 8 лет. Период травмы от 2 до 29 лет, средний период травмы – $12,5 \pm 7,6$ лет. 44% участников исследования имеют повреждение на уровне шейных

позвонок, 46% – на уровне грудных позвонков и 10% – поясничного отдела. Причиной травматизации 32% участников стала автомобильная авария, 28% – падение с высоты, 24% – прыжок в воду и 12% – ранение.

Результаты исследования

Средний уровень ПТСР в исследуемой группе составляет 77,04±14,5. 24% респондентов с травмой позвоночника страдают от выраженного посттравматического расстройства со средним значением 93,83±6,4 (табл. 1). Средние значения

посттравматического стресса, полученные в результате исследований других категорий травматического опыта, позволяют произвести сравнительную оценку стрессового воздействия травмы позвоночника: среднее значение ПТСР в группе военнослужащих с выраженными симптомами – 89,61, в группе ветеранов войны в Афганистане – 92,00 и в группе онкологических больных – 89,27 [4, с. 114]. Таким образом, стресс, вызванный травмой позвоночника, по своей интенсивности приближается к посттравматическому стрессу после военных действий.

Таблица 1

Посттравматический рост и посттравматический стресс после травмы позвоночника

Методика	Выраженность		N, %	M ± SD
	Низкие значения	от 50 до 68		
Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций	Средние значения	от 69 до 86	46	76,73±4,3
	Высокие значения	от 87 до 104	24	93,83±6,4
	Низкие значения	0–32	4	17±10
Посттравматический рост	Средние значения	33–63	32	50,8±8,8
	Высокие значения	64–105	58	73,5±9,5
	Низкие значения	0–32	4	17±10

Средний уровень посттравматического роста среди участников – 64,06 ± 17,1. Полученные сведения о ПТР после травмы позвоночника близки к результатам других исследований. Так, Y. Wang с соавторами опросили 205 человек с травмой позвоночника и выявили ПТР на уровне 61,01±13,2 [6].

Рассмотрим значения шкал базисных убеждений (рисунок). Наиболее выраженным является убеждение о собственной удаче, наименее выраженным – представление о справедливости окружающего мира. Корреляционный анализ выявил отрицательную связь ПТСР и убеждений о доброжелательности окружающего мира (-0,595; *p* < 0,01), удаче (-0,372; *p* < 0,01) и образе

«Я» (-0,348; *p* < 0,01) (табл. 2). Все шкалы ПТР демонстрируют выраженную позитивную связь с убеждением о справедливости мира.

Таблица 2

Корреляционный анализ посттравматического роста, посттравматического стресса и базисных убеждений

Фактор	Шкалы базисных убеждений				
	Доброжелательность окружающего мира	Справедливость	Образ «Я»	Удача	Убеждения о контроле
Уровень повреждения	-0,117	-0,096	-0,042	-0,364**	-0,228
Период травмы	-0,004	0,336*	-0,004	0,110	-0,005
ПТСР	-0,595**	-0,136	-0,372**	-0,348*	-0,140
Шкалы ПТР					
Отношение к другим	0,213	0,569**	0,224	0,098	0,115
Новые возможности	0,154	0,424**	0,174	0,428**	0,402**
Сила личности	0,137	0,297*	0,334*	0,310*	0,469**
Духовные изменения	0,094	0,304*	0,159	0,076	0,49
Повышение ценности жизни	0,065	0,415**	0,091	0,011	0,188
Посттравматический рост	0,199	0,544**	0,243	0,267	0,344*

Примечание. **p* < 0,05; ***p* < 0,01.

Рост по шкалам «новые возможности» и «сила личности» связан с убеждениями о собственной удаче (0,428; $p < 0,01$ и 0,310; $p < 0,05$) и способности к контролю (0,402; $p < 0,01$ и 0,469; $p < 0,01$). Рост по шкале «сила личности» коррелирует с высокими значениями базисных убеждений об образе «Я» (0,334; $p < 0,05$). Взаимосвязаны высокие показатели роста и убеждений о контроле (0,344; $p < 0,05$). Была обнаружена отрицательная связь уровня повреждения и представлений об удаче (-0,364; $p < 0,01$). Период травмы имеет умеренную положительную связь с убеждением о справедливости мира (0,336; $p < 0,05$).

Обсуждение

Даже в долгосрочном периоде – от двух и более лет – симптомы выраженного посттравматического стрессового расстройства обнаруживают 24% респондентов с травмой позвоночника. После травмы в большей степени страдает убеждение о справедливости, тогда как выраженность посттравматического стресса связана главным образом с разрушением убеждения о доброжелательности мира. Посттравматический рост сопровождается реконструкцией представлений о справедливости, но не о доброжелательности мира, что в совокупности с отсутствием прямой корреляции между ПТСР и ПТР может косвенно подтверждать гипотезу о независимом и параллельном протекании процессов роста и стресса после травмы [5].

Можно предположить, что потеря ощущения дружелюбности и доброжелательности окружающего мира является одним из главных источников стресса после травмы, при этом данное базисное убеждение не является необходимым условием посттравматического роста. Напротив, вера в справедливость и связанный с ней поиск ответов на вопросы «Почему это случилось? Почему именно со мной? Чем я заслужил это? Что мне делать дальше?» способствуют глубокой рефлексии, переосмыслению своей жизни, целей, отношений с окружающими и, как следствие, личностному росту. Время является положительным фактором в этом процессе.

Негативное восприятие образа «Я», связанное, в первую очередь, с физическими ограничениями, изменением образа тела, а также с реакциями стыда и самообвинений, характерных для травмированных пациентов, также сопровождается интенсивными симптомами ПТСР. Только одна область посттравматического роста – осознание силы собственной личности, выстоявшей перед лицом травматического события, способствует восстановлению положительного представления о себе после травмы позвоночника.

Несущий угрозу для жизни несчастный случай, в результате которого чаще всего происходит

травма, укрепляет убеждение об удаче. Многие инвалиды вследствие травмы позвоночника считают, что им повезло получить травму, но остаться в живых [7]. Так как последствия травмы шейного отдела позвоночника связаны с большими физическими ограничениями, убеждения об удаче среди «шейников» ниже, чем среди тех, кто получил травму грудного или поясничного отдела позвоночника.

Если после травмы удастся найти новые сферы для активности и реализации, будь то профессия, спорт или общественная деятельность, то убеждение об удаче и о способности к контролю восстанавливается. В свою очередь, обретение ощущения контроля над своей жизнью способствует посттравматическому росту, в частности большему осознанию силы своей личности.

Выводы

Травма позвоночника является чрезвычайно интенсивным стрессовым событием. Выраженные симптомы стресса сохраняются даже по прошествии нескольких лет после травмы. Наибольший стресс сопровождает утрату позитивного образа «Я» и убеждения в доброжелательности окружающего мира. Однако стресс не является препятствием для выраженных процессов посттравматического роста, который связан с поиском новых сфер для самореализации, осознанием силы своей личности, но в большей степени он препятствует вере в справедливость.

Таким образом, наличие убеждения о доброжелательности окружающего мира связано с эмоциональным комфортом, а его фрустрация – со стрессом, тогда как «вера в справедливый мир» как базисное убеждение в том, что каждый человек получает в соответствии со своими личными качествами и поступками, способствует личностному росту после травмы.

Список литературы

1. Булюбаиш И. Д., Морозов И. Н., Приходько М. С. Психологическая реабилитация пациентов с последствиями спинальной травмы. Самара, 2011. 272 с.
2. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events : Applications of the schema construct // Social Cognition. Special Issue : Social Cognition and Stress. 1989. Vol. 7, № 2. P. 113–136.
3. Janoff-Bulman R., Hecker B. Depression, vulnerability, and world assumptions // Cognitive Processes in Depression/ ed. by L. B. Alloy. N.Y., 1988. P. 75–92.
4. Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира : теория, эмпирия, практика. М., 2012. 206 с.
5. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. Posttraumatic Growth : Conceptual Foundations and Empirical Evidence // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, iss. 1. P. 1–18.
6. Wang Y., Shen H., Xie H. Posttraumatic growth, posttraumatic stress symptoms, and psychological health in

- traumatically injured patients in mainland. China, Issue Clinical Psychologist, 2015. Vol. 19, iss. 3. P. 122–130.
7. Hall K. M., Knudsen S. T., Wright J., Charlifue S. W., Graves D. E., Werner P. Follow-up study of individuals with high tetraplegia (C1-C4) 14 to 24 years postinjury. Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. 1999. Vol. 80, iss. 11. P. 1507–1513.

World Assumptions, Posttraumatic Stress and Posttraumatic Growth after Spinal Cord Injury

O. N. Tolkacheva

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: tolkoksana@ya.ru

The article examines relationships between world assumptions, posttraumatic stress and growth after spinal cord injury. A high level of posttraumatic stress disorder was revealed among 24% of the participants. After spinal cord injury the assumption «the world is just» is significant decreased, while the assumption about luck stays on a high level. The severity of posttraumatic stress disorder is associated with a lower rate of beliefs about benevolence of the world and self-worth. Posttraumatic growth is related with a higher level of assumption about just, but not about benevolence of the world. The growth of a personal strength and higher rates of world assumptions are correlated.

Key words: world assumptions, posttraumatic stress, posttraumatic growth, spinal cord injury.

УДК 316.6.647.5

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ПЕДАГОГА

Фадеева Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Fadej_TU@rambler.ru

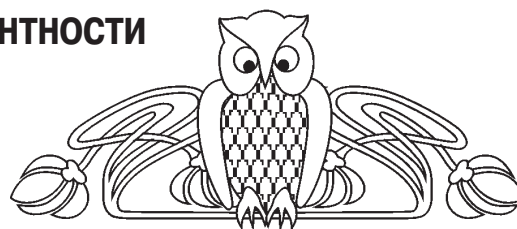
Изложены данные теоретического анализа проблемы педагогической толерантности в соотношении с педагогическим тактом. Представлены результаты исследования, направленного на выявление взаимосвязи педагогической толерантности и психических состояний педагога. Для определения уровня педагогической толерантности была использована авторская математическая модель, в основе которой лежит компонентный анализ качеств личности, входящих в содержание педагогической толерантности; психические состояния изучались с помощью методики «Самооценка психических состояний» (Г. Айзенка). Выборка исследования состояла из 60 педагогов (женщин, средний возраст 27,9 лет). Показано, что педагогическая толерантность отрицательно коррелирует с тревожностью, фрустрацией, агрессивностью и ригидностью. Делается вывод, что для педагогической толерантности важен самоконтроль, который формируется в результате самовоспитания и саморазвития.

Ключевые слова: педагогическая толерантность, педагогический такт, психические состояния педагога.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-329-334

References

1. Bulyubash I. D., Morozov I. N., Prikhodko M. S. *Psikhologicheskaya reabilitatsiya patsientov s posledstviyami spinalnoi travmy* (Psychological rehabilitation spinal cord injury patient). Samara, 2011. 272 p.
2. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition, Special Issue: Social Cognition and Stress*, 1989, vol. 7, no. 2, pp. 113–136.
3. Janoff-Bulman R., Hecker B. Depression, vulnerability, and world assumptions (*Cognitive Processes in Depression*). Ed. by L. B. Alloy. New York, 1988, pp. 75–92.
4. Padun M. A., Kotelnikova A. V. *Psichicheskaya travma i kartina mira: Teoriya, empiriya, praktika* (Psychological trauma and assumptions about world. Theory, experiment, practice). Moscow, 2012. 206 p.
5. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. Posttraumatic Growth: Conceptual Foundations and Empirical Evidence (*Psychological Inquiry*), 2004, vol. 15, iss. 1, pp. 1–18.
6. Wang Y., Shen H., Xie H. Posttraumatic growth, posttraumatic stress symptoms, and psychological health in traumatically injured patients in mainland. *China, Issue Clinical Psychologist*, 2015, vol. 19, iss. 3, pp. 122–130.
7. Hall K. M., Knudsen S. T., Wright J., Charlifue S. W., Graves D. E., Werner P. Follow-up study of individuals with high tetraplegia (C1-C4) 14 to 24 years postinjury. Archives of Physical Medicine and Rehabilitation, 1999, vol. 80, iss. 11, pp. 1507–1513.

Введение

Одной из основных компетенций учителей и воспитателей является умение организовывать педагогический процесс, учитывая особенности социально-культурной ситуации, соблюдая принципы толерантности, базирующиеся на диалоге и сотрудничестве; кроме того, необходимо обладать способностью и готовностью учитывать социальные и личностные различия субъектов образования. В современной школе педагогическая толерантность, как профессионально значимое качество учителя и воспитателя, является существенным условием формирования толерантности учащихся, их бесконфликтного взаимодействия.

Теоретический анализ проблемы

В основе педагогической толерантности лежит внутренняя установка на принятие всех

участников образовательного процесса во всем разнообразии их индивидуальных различий, понимание и признание права Другого на отличия. Данное профессиональное качество педагога предполагает уважительное отношение к ученику, другим участникам образовательного процесса, имеющим отличительные социальные признаки, такие как национальность, вероисповедание, социальный статус и пр.

На основе анализа психолого-педагогических исследований [1–5] нами установлено, что педагогическая толерантность, являясь интегративным образованием, формируется на основе таких качеств личности, как альтруизм, выносливость по отношению к фрустрационным ситуациям, жизненная удовлетворенность, адекватная самооценка, психическая устойчивость, неконфликтность, признание и принятие индивидуальности других, внутренний локус контроля, рефлексивность, устойчивость к неопределенности, эмпатийность и креативность.

Эмпирическое исследование [6] позволило выделить качества, составляющие основу педагогической толерантности: альтруизм, жизненная удовлетворенность, выносливость по отношению к фрустрационным ситуациям, самооценка, внутренний локус контроля, признание и принятие индивидуальности других, неконфликтность и психическая устойчивость.

Следует отметить, что педагогическая толерантность имеет много общего с одной из составляющих педагогического мастерства, а именно педагогическим тактом, который проявляется в уважении достоинства личности ученика, учете ее индивидуальных особенностей и возможностей с целью педагогического взаимодействия. В такте проявляется гуманное отношение педагога к личности ребенка как ценности.

Психологические предпосылки такта – выдержка и терпеливость – соотносятся с диспозиционной терпимостью [7], в основе которой лежат установки личности, система ее отношений к себе, другим людям, к жизни. Диспозиционная терпимость в свою очередь лежит в основе педагогической толерантности, которая проявляется в признании права другого быть Другим, в положительном отношении к человеку, имеющему собственные, отличные от ваших, взгляды на жизненные ценности, процесс воспитания, отношения к людям и пр.

Педагогический такт, как считал И. В. Стравов, имеет сложное нравственно-педагогическое содержание и связан с психологическими качествами личности педагога, которые, взаимодействуя, определяют его структуру [8]. Умение понять личность школьника и его психическое состояние в разных педагогических ситуациях,

проявление отзывчивости и заботливости при сохранении необходимой требовательности ученым выделяет в качестве структурных компонентов педагогического такта. Эти составляющие в структуре педагогического такта, как и педагогической толерантности, соотносятся с эмпатийностью, которая предполагает социальную чувствительность, умение верно судить о других людях. Педагог, способный эмоционально откликнуться на переживания других, умеющий понять ученика, взглянуть на мир с его точки зрения, имеет больше возможностей создать доверительную атмосферу в процессе общения, снизить напряженность педагогического процесса.

Педагогическая толерантность также предполагает понимание, принятие, ориентацию на положительное отношение к участнику педагогического взаимодействия, независимо от его индивидуальных признаков и характеристик. Положительное отношение к ученику помогает педагогу не допускать конфронтации, не вступать в противоборство сил и позиций, ориентирует его на сотрудничество, проектирует положительные сдвиги в процессе воспитания и обучения. При этом отрицательные качества осуждаются и исправляются в процессе педагогического взаимодействия.

Основой педагогического такта является соблюдение меры педагогического воздействия, его целесообразности в зависимости от конкретной ситуации, индивидуальных особенностей и возможностей учащихся. «Мера педагогической целесообразности имеет сложное нравственно-педагогическое содержание, она пронизана глубоким психологизмом, что связано с морально-психологическим обликом учителя и многими сторонами его личности» [8, с. 5]. Педагогическая толерантность также выражается в оптимизации педагогического взаимодействия с участниками образовательного процесса, тонкого отношения педагога к их социальным и личностным характеристикам. Однако ведущий принцип педагогического такта – уважение достоинства личности наряду с требовательностью к ней [8] является необходимым условием толерантного воспитательного взаимодействия педагога.

Педагогическая толерантность наряду с педагогическим тактом соотносятся с коммуникативными свойствами личности и выражаются во взаимоотношениях педагога с другими участниками образовательного процесса. Неконфликтность, способность понять и принять индивидуальность других, скромность, уравновешенность, требовательность к себе способствуют конструктивности контактов, адекватной оценке межличностных отношений, благодаря чему создается психологически комфортная обстановка для совместной деятельности педагога и учащихся.

Адекватная самооценка педагога, требовательность и рефлексивность, являясь составляющими педагогической толерантности, также входят и в структуру педагогического такта. Адекватное познание педагогом своего внутреннего мира способствует познанию других людей. Рефлексия общения, проявляющаяся в стремлении понять смысл поступков ребенка, посмотреть на себя его глазами, постоянная обратная связь, оценивание результативности и целесообразности педагогического взаимодействия, самоконтроль педагога в процессе общения с учащимися важны в профессиональной деятельности педагога. Только всерьез понимая и реально оценивая себя, профессионал сможет позитивно реагировать, воспринимать и изменять собственные оценки, суждения и установки, а также понимать и принимать особенности других субъектов образовательного процесса.

Психологическая устойчивость как составляющая педагогической толерантности влияет на адекватность оценки педагогических задач и успешность их решения. Педагог, находящийся в психологически комфортном состоянии, может оказывать позитивное воздействие на других. Для формирования педагогического такта психологическая устойчивость также имеет важное значение. Благодаря спокойной уверенности и уравновешенности, которая проявляется в выдержке и самообладании, достигается эффективность взаимодействия между участниками образовательного процесса. Педагог, обладающий высоким уровнем устойчивости к фрустрационным ситуациям, способен находить оптимальные решения в сложных, нестандартных ситуациях, устойчив к неудачам.

Педагогическая деятельность сопровождается теми или иными психическими состояниями и в некоторой степени зависит от них: положительные психические состояния помогают в профессиональной деятельности, а негативные создают проблемы в педагогическом процессе. Излишняя возбудимость, несдержанность, нетерпеливость и агрессивность в образе действий влекут к нарушению такта и проявлению интолерантности.

Коэффициенты корреляционной взаимосвязи между педагогической толерантностью, ее составляющими и психическими состояниями педагога

Параметры	Тревожность	Фрустрация	Агрессивность	Ригидность
Педагогическая толерантность	-0,324*	-0,291*	-0,429**	-0,516**
Альтруизм	0,152	0,264*	-0,302*	-0,138
Жизненная удовлетворенность	-0,388**	-0,388**	-0,075	-0,335**
Адекватная самооценка	-0,310*	-0,176	-0,053	-0,247
Рефлексивность	0,152	0,124	-0,259*	0,157
Внутренний локус контроля	-0,262*	-0,438**	0,231	-0,160
Признание и принятие индивидуальности других	-0,097	-0,223	-0,483**	-0,369**
Неконфликтность	-0,062	-0,053	-0,304*	-0,246
Психологическая устойчивость	-0,502**	-0,553**	-0,263*	-0,451**

Примечание. * корреляция значима на уровне 0,05; ** корреляция значима на уровне 0,01.

Так как психические состояния тесно связаны с индивидуальными особенностями личности [9], мы предположили, что они влияют на выраженность педагогической толерантности.

Выборка и методы исследования

Для определения уровня педагогической толерантности была использована математическая модель, в основе которой лежит компонентный анализ качеств личности, входящих в содержание педагогической толерантности [10]; психические состояния изучались с помощью методики «Самооценка психических состояний» (Г. Айзенка). Личностные составляющие педагогической толерантности исследовались с помощью следующих методик: «Диагностика личностной установки «альтруизм-эгоизм»» (О. Ф. Потемкиной); «Методика общей коммуникативной толерантности» (В. В. Бойко); «Методика определения уровня конфликтоустойчивости»; «Диагностика определения рефлексии» (А. В. Карпова, В. В. Пономаревой); «Методики изучения самооценки и уровня притязаний» (Т. Дембо и С. Я. Рубинштейн); «Индекс жизненной удовлетворенности» (адаптация Н. В. Паниной); «Опросник определения нервно-психической устойчивости» (Ленинградской военно-медицинской академии им. С. М. Кирова); «Методика диагностики уровня субъективного контроля» (Дж. Роттера, адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда).

В пилотажном исследовании приняли участие 60 педагогов г. Саратова (женщины, средний возраст – 27, 9 лет).

Результаты и их обсуждение

Данные, которые были получены с помощью корреляционного анализа Пирсона, показывают, что тревожность, фрустрация, агрессивность и ригидность имеют значимую отрицательную взаимосвязь с педагогической толерантностью, иными словами, чем выше уровень негативных психических состояний, тем ниже уровень педагогической толерантности (таблица).

Тревогу, волнение, иногда боязнь деятельности может испытывать любой человек и тем более педагог, чья профессиональная деятельность сопряжена с высокой ответственностью за ее результаты. Даже подготовленный к предстоящему взаимодействию педагог может находиться в состоянии тревоги, ожидать неблагоприятного развития событий. Однако высокий уровень тревожности снижает педагогическую толерантность, что мешает уважительному отношению к участникам образовательного процесса, признанию их индивидуальности.

Известно, что тревожность взаимосвязана с фрустрацией и агрессивностью. Именно напряжение, вызванное неблагоприятным жизненным обстоятельством или неуспехом в удовлетворении потребности, вызывает отрицательные переживания, в частности тревогу, что, в свою очередь, может спровоцировать состояние агрессии, которое проявляется в открытой злобе, вспышках гнева, недовольства, сарказма, стремлении к самоутверждению за счет других. Отсюда – отрицательные взаимосвязи между фрустрацией, агрессивностью и педагогической толерантностью.

Коррелятами, снижающими тревожность и фрустрацию, выступают жизненная удовлетворенность, адекватная самооценка, внутренний локус контроля и психическая устойчивость личности.

Удовлетворенность жизненной ситуацией и своей ролью в ней, адекватность самооценки, которая отражает степень развития у личности чувства самоуважения, ощущения собственной ценности и позитивного отношения ко всему, снижает эмоциональную напряженность педагога и его тревожность. Это способствует успешному решению педагогических задач, установлению обратной связи в педагогическом взаимодействии, принятию осмысленных решений в профессиональной деятельности.

Психологически устойчивые педагоги, склонные брать ответственность за происходящие события на себя, объясняющие собственные неудачи внутренними причинами, чаще уверены в своих способностях, уравновешены и менее тревожны.

Следует отметить, что альтруизм имеет положительную корреляционную взаимосвязь с фрустрацией. Известно, что эмоции выступают одним из факторов, способствующих оказанию помощи. Отсюда можно предположить, что переживание негативных эмоций, напряжение, возникающее из-за препятствий на пути к достижению собственной цели, побуждают субъекта к оказанию помощи, однако альтруизм в данном случае может служить лишь внешним проявлением человеческого поведения, т.е. альтруизм может проявляться не только как бескорыстное действие, направленное на благо другого лица, но и как про-

изводная базовой эгоистической мотивации, за которой скрываются отчаяние или злость.

Агрессивность имеет значимые отрицательные взаимосвязи с рефлексивностью, признанием и принятием индивидуальности других, неконфликтностью, альтруизмом и психической устойчивостью. Можно предположить, что ситуативную агрессивность чаще проявляют педагоги, которым в меньшей степени свойственно обдумывать происходящее, причины своих поступков и действий других людей, а также их последствия. Неумение бесконфликтно решать проблемы, понимать другого, предсказывать его реакцию, признавать право другого на свое мнение, на свою индивидуальность приводит к трудностям в ситуациях социального взаимодействия, следствиями чего могут стать открытая злоба, недовольство или негативные установки, например, предубеждения по отношению к представителям других этносов, социальных групп. Конфликтность, негативное оценивание других, нетерпимость являются привычными формами проявления агрессии. Невербальная агрессия проявляется в соответствующих жестах, мимике, интонациях.

Как мы уже отмечали ранее в своих работах, сдержанность в проявлении негативного отношения к Другому не является проявлением толерантности, а рассматривается как терпимость, причем сенсуальная, напрямую соотносящаяся с психофизиологическим аспектом понимания толерантности, т.е. устойчивостью личности к условиям среды за счет снижения чувствительности. Отсюда – либо безразличие к Другому, либо сдерживание негативного отношения, сопровождающееся негативными эмоциями, что приводит к внутреннему конфликту, скрытой агрессии.

Педагог с альтруистической установкой, обладающий высокой психической устойчивостью, способен оказывать помощь и успешно противостоять условиям, которые могут отрицательно повлиять на его взаимодействие с учащимися. Преодоление психической напряженности, достижение педагогом эмоционального равновесия в классе предупреждает ситуативную агрессию.

Педагогическая толерантность отрицательно коррелирует с ригидностью, которая мешает педагогу быстро переключаться, приспосабливаясь к меняющимся ситуациям педагогического взаимодействия. Ригидность имеет значимые отрицательные корреляционные взаимосвязи с такими составляющими педагогической толерантности, как жизненная удовлетворенность, психическая устойчивость, признание и принятие индивидуальности других.

Психологически комфортное состояние педагога, высокий уровень психической устойчивости, переносимости психических состояний, качеств

партнеров по взаимодействию, удовлетворенность ситуацией способствуют его легкой переключаемости, перестройке его программы деятельности согласно складывающимся условиям, гибкому и оперативному принятию решения, предъявлению педагогического требования.

Заключение

Можно сказать, что для педагогической толерантности важен самоконтроль учителя, построение педагогической деятельности с учетом критериев педагогического такта. Необходима внутренняя взаимосвязь уважения к личности воспитанника, принятия его самости и педагогически обоснованной требовательности к его поведению.

Положительными предпосылками этого выступают психические состояния и выдержка: состояние воодушевления, спокойная уверенность, легкая переключаемость, доброжелательность, проявление отзывчивости и заботы, гибкости, эмоциональной непосредственности в педагогическом взаимодействии. Уравновешенность в педагогическом взаимодействии проявляется в выдержке и самообладании, что способствует принятию педагогом индивидуальности других, пониманию эмоциональных состояний учащихся, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивость процесса общения, исключает психологические срывы. Педагогу требуется самообладание и самоконтроль, которые формируются в процессе самовоспитания и саморазвития его личности.

Список литературы

1. Братченко С. Л. Психологические основания исследования толерантности в образовании. URL: <http://hpsy.ru/public/x831.htm> (дата обращения: 15.01.2016).
2. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. М., 2000. 255 с.
3. Оллпорт Г. Природа предубеждения. Век толерантности : науч.-публ. вестн. 2003. № 5. С. 25–32.
4. Дергач А. А., Зазыкин В. Г., Селезнева Е. В. [и др.]. Толерантность личности : характеристики, закономерности, механизмы формирования. М., 2003. 197 с.
5. Голубева Н. М. Рефлексия как адаптивный ресурс личности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 145–147.
6. Фадеева Т. Ю. Педагогическая толерантность как интегративное качество личности специалиста // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 4 (8). С. 409–412.
7. Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006. 479 с.
8. Страхов И. В. Психологические основы педагогического такта. Саратов, 1972. 72 с.
9. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб., 2005. 412 с.

10. Фадеева Т. Ю. Математическая модель как диагностический инструмент для определения уровня сформированности педагогической толерантности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 97–101.

Relationship between Pedagogical Tolerance and Mental Conditions of a Teacher

T. Yu. Fadeeva

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: Fadej_TU@rambler.ru

The paper presents the results of a theoretical analysis of pedagogical tolerance in relation to pedagogical tact. The paper presents the results of a study, aimed at identifying the relationship between pedagogical tolerance and mental states of a teacher. In order to determine the level of pedagogical tolerance, the study used the author's mathematical model, based on a component analysis of personality traits that make up pedagogical tolerance. Mental states were studied using the technique of self-assessment of mental states (H. Eysenck). The sample included 60 teachers (women, average age – 27,9). The paper demonstrates that pedagogical tolerance is negatively correlated with anxiety, frustration, aggressiveness and rigidity. It concludes that self-control, which is formed as a result of self-education and self-development, is important for pedagogical tolerance.

Key words: pedagogical tolerance, pedagogical tact, mental states of a teacher.

References

1. Bratchenko S. L. *Psikhologicheskie osnovaniya issledovaniya tolerantnosti v obrazovanii* (Psychological bases of tolerance studies in education). Available at: <http://hpsy.ru/public/x831.htm> (accessed 15 January 2016).
2. *Na puti k tolerantnomu soznaniyu* (On the way to a tolerant consciousness). Ed. by A. G. Asmolov. Moscow. 2000. 255 p.
3. Ollport G. *Priroda predubezhdeniya* (Nature of prejudice). *Vek tolerantnosti: nauch.-publits. vestnik* (Tolerance century: scientific and publicistic bulletin), 2003, no. 5, pp. 25–32.
4. Dergach A. A., Zazykin V. G., Selezneva E. V. [at al.]. *Tolerantnost lichnosti: kharakteristiki, zakonomernosti, mekhanizmy formirovaniya: monografiya* (Individual's tolerance: characteristics, regularities, mechanisms of formation). Moscow, 2003. 197 p.
5. Golubeva N. M. *Refleksiya kak adaptivnyy resurs lichnosti* (Reflection as adaptive personal resource). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), 2015, no. 14, pp. 145–147.
6. Fadeeva T. Yu. *Pedagogicheskaya tolerantnost' kak integrativnoe kachestvo lichnosti spetsialista* (Pedagogical Tolerance as Integrative Trait of Specialist's Personality). *Izv. Saratov Univer. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013, vol. 2, iss. 3, pp. 257–261.
7. Rean A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika*. (Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice). St.-Petersburg, 2006. 479 p.

8. Strakhov I. V. *Psikhologicheskie osnovy pedagogicheskogo takta* (Psychological bases of pedagogical tact). Saratov, 1972. 72 p.
9. Il'in E. P. *Psikhofiziologiya sostoyaniy cheloveka* (Psychophysiology of human conditions). St.-Petersburg, 2005. 412 p.
10. Fadeeva T. Yu. *Matematicheskaya model kak diagnosticheskiy instrumentariy dlya opredeleniya urovnya sformirovannosti pedagogicheskoy tolerantnosti*. (Mathematical model as diagnostic instrumentation for definition of level of pedagogical tolerance formedness). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 1, pp. 97–101.

УДК 159.91

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СВОЕЙ СТРАНЕ

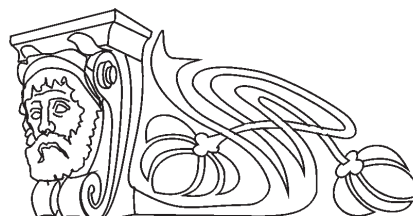
Фролова Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме исследования смыслообразующих мотивов приверженности личности своей стране. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке лиц молодого возраста ($N = 300$, от 18 до 30 лет) с применением субъективного психологического интервью, направленного на выявление приверженности своей стране и эмиграционных намерений, и авторской психологической анкеты «Смыслообразующие мотивы приверженности своей стране», использующей десятибалльную субъективную шкалу оценок. Установлено, что наиболее смыслообразующими функциями приверженности своей стране обладают мотивы привязанности к своей семье и друзьям, предпочтение климата и переживание красоты природы родной страны, любовь к Родине, желание что-то сделать для своей страны, ощущение своих культурно-исторических корней. Наименьшее значение для становления приверженности своей стране имеют уровень политической стабильности в стране, уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей и отрицательная мотивация страха начать жизнь «с нуля».

Ключевые слова: приверженность своей стране, эмиграционные намерения, смыслообразующие мотивы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-334-337

В век ускорения перемен, снижения привязанностей, отсутствия постоянства отношений и стабильных социальных систем естественно возникают вопросы об изменении психологии человека и его качества жизни. Приверженность личности такой большой устойчивой группе, как социальная общность страны, является новым объектом научного исследования и требует разработки различных сторон и аспектов изучения соответствующего проблемного поля. Актуализируются задачи выявления ресурсов и рисков снижения привязанности большим социальным объектам, определения внешних и внутренних условий, ценностей и смыслов, сопутствующих образованию приверженности социальной общности страны. Под приверженностью социальной общности страны нами понимается «когнитив-

но-эмоциональное и конативное целостное образование, выражающееся в психологической привязанности к социальным, культурным, климато-географическим и антропобиологическим особенностям жизни страны, в субъективных представлениях индивида о ее ценности, привлекательности, перспективности в удовлетворении ведущих потребностей, а также в желании и намерении строить свою дальнейшую жизнь в ее пределах» [1, с. 80].

В намерении строить свою дальнейшую жизнь в пределах страны содержится интеллектуальная сторона возникающего побуждения, приводящая к принятию решения, а также устремление человека в будущее, его замысел [2, с. 59]. Намерению соответствуют потенциальные мотивы [3, 4], которые способны раскрыть первоначальную причину или источник образования смысла действия или построения целостной жизненной стратегии. Смысловая сфера личности является одним из самых существенных предметов психологии и занимает внимание многих исследователей и ученых [5, 6]. С точки зрения мотивационно-деятельной концепции под смыслообразованием понимается придание личностью субъективных значений содержаниям отдельных целей и действий [4, с. 449]. Источником ситуативных смыслов развертывающейся деятельности, в первую очередь, выступают мотивы.

Целью данного исследования явилось изучение смыслообразующих мотивов приверженности личности своей стране в современной культурно-исторической ситуации. Выборку составили 300 человек (100 мужчин и 200 женщин) в возрасте от 18 до 30 лет. Исследование проводилось анонимно, что позволяло снижать излишнюю тревогу во время процедуры обследования и предупреждать актуализацию тенденции социальной желательности.

В качестве психодиагностического инструментария использовались субъективное психологическое интервью, направленное на выявление приверженности своей стране и эмиграционных намерений, и авторская психологическая анкета «Смыслообразующие мотивы приверженности своей стране» с десятибалльной субъективной шкалой оценок. Среди предлагаемых для оценки возможных причин оставаться жить в России включались социальные, семейные,

материальные, бытовые, экономические, политические, культурные, нравственно-психологические факторы. Инструкция и содержание психологической анкеты представлены в приложении.

Анализ и обобщение субъективных оценок возможных причин приверженности своей стране лицами, желающими строить свою дальнейшую судьбу в ее пределах, позволили получить следующую мотивационную кривую (рис. 1).

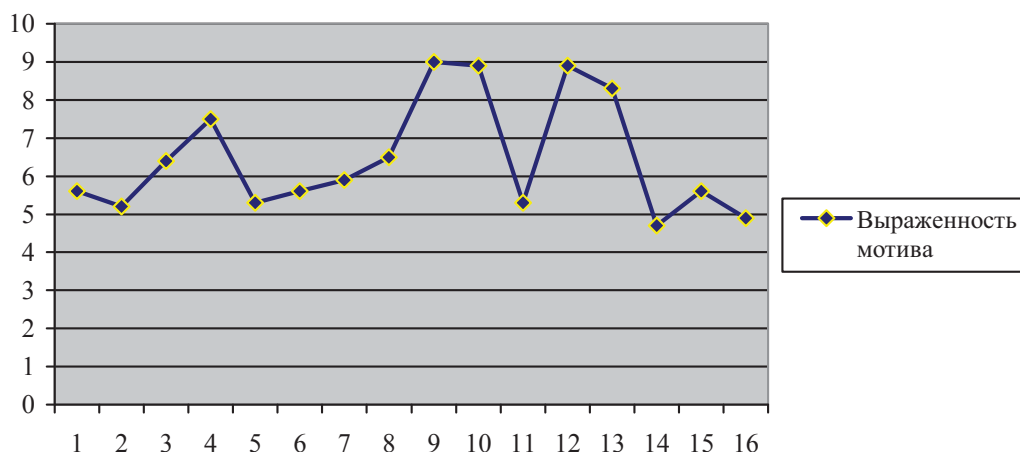

Рис. 1. Выраженность смыслообразующих мотивов приверженности своей стране: 1 – следование традициям своего народа; 2 – предпочтение системы образования в России; 3 – желание наследовать и сохранять культуру своей страны; 4 – огромная территория России; 5 – перспектива лучшего трудоустройства; 6 – надежда на более высокий жизненный уровень в России; 7 – уровень развития науки в России; 8 – интереснее проводить досуг в России; 9 – живут мои родственники в России; 10 – живут мои друзья в России; 11 – возможность заработать больше денег в России; 12 – создание своей семьи в России; 13 – больше устраивает климат, природная среда России; 14 – более высокий уровень политической стабильности; 15 – высокий уровень нравственно-психологической атмосферы в обществе; 16 – высокий уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей

Как наглядно показано на графике (см. рис. 1), наиболее смыслообразующими функциями приверженности своей стране обладают мотивы привязанности к своей семье и друзьям, желание создать свою семью в России и предпочтение климата и природной среды. Наименьшее значение имеют уровень политической стабильности в стране и уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей. Примечательным также является то, что экономические и материальные факторы не выделяются как основополагающие причины приверженности своей стране. Это может быть связано как с отсутствием объективных материальных возможностей, которые могли бы быть сдерживающими, «привязывающими» факторами к своей стране, так и с их не столь значительной ценностью в принятии решения об эмиграции.

Дополнительно испытуемым предлагалось дополнить заданный список причин, по которым они хотели бы оставаться жить в России. Нам представилось целесообразным рассмотреть отдельно спонтанные ответы испытуемых, не

ограниченных никакими рамками в условиях анонимного проведения исследования. Рассмотрим результаты анализа содержания ответов испытуемых на этот открытый вопрос, также предполагавший использование субъективной шкалы оценки (рис. 2).

График (см. рис. 2) составлен с учетом средних значений оценок выделяемых причин приверженности своей стране. Однако встречаемость этих произвольно выделяемых мотивов характерна только для части выборки, поэтому рядом с каждой из отмечаемых смысловых категорий в скобках указан процент испытуемых, указавших причину, по которой они хотят остаться в своей стране. Для более удобной организации графической информации по горизонтальной оси мы расположили слева направо мотивы от наиболее к наименее часто встречающимся.

Примечательно, что более трети испытуемых спонтанно, без каких-либо внешне заданных установок указали «любовь к Родине» как причину жизни в своей стране. В качестве смыс-

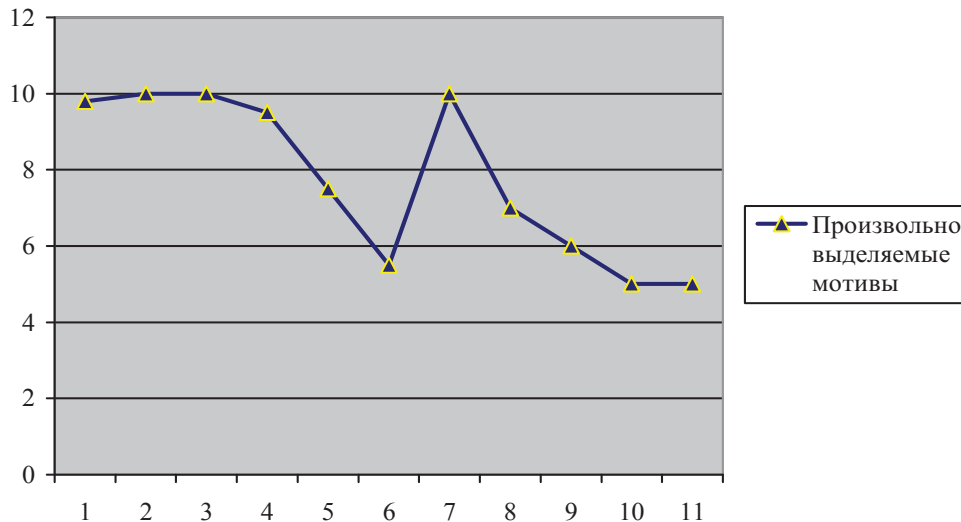

Рис. 2. Произвольно выделяемые мотивы приверженности своей стране: 1 – любовь к Родине (36%); 2 – чувство преемственности по отношению к истории семьи и страны (чувство корней) (12,5%); 3 – красота природы и памятных мест России (10%); 4 – чувство долга и желание сделать что-то на благо России (7%); 5 – дискомфорт от восприятия чужого языка при переезде в другую страну (7 %); 6 – привязанность к месту жительства (7%); 7 – любовь к русскому языку (3%); 8 – легкость общения, уверенность, чувство себя своим в своей стране (3%); 9 – трудности адаптации к другой стране (3%); 10 – любовь к традициям (3%); 11 – страх начать жизнь с нуля (3%)

лообразующих мотивов приверженности 12,5% испытуемых отметили важное для них чувство своих корней, относимое к прошлому своей семьи и подчеркивающее связь с историей страны. Для 10% испытуемых наполняющим смыслом свое будущее в пределах своей страны является ценность «красота уникальной природы и памятных мест России». Часть испытуемых (7%) в качестве смыслообразующего фактора приверженности стране указали характерное для сущностной жизненной направленности желание сделать что-то на благо России и глубокое искреннее чувство долга.

Для ряда испытуемых мотивами оставаться в пределах страны являются возможности реализации потребностей в общении, которые могут осложняться при переезде за рубеж и включении в иную языковую среду. Для большинства даваемых произвольных ответов об осознаваемых смыслообразующих мотивах (81,5% ответов на открытый вопрос анкеты) характерна в целом положительная мотивация [2, с. 68–70], ориентирующая на личностное развитие и получение позитивно окрашенных переживаний, и только для небольшой части опрошенных (13% ответов на открытый вопрос анкеты) характерна отрицательная мотивация, обусловленная стремлением избежать негативных эмоций: «страх начать жизнь с нуля», боязнь сложностей адаптации в новой среде, нежелание дискомфорта в связи с погружением в чужую языковую культуру.

Проведенное исследование позволяет в целом сделать следующие выводы. Несмотря

на существующие индивидуальные различия в смыслообразующих факторах приверженности своей стране, наиболее часто доминируют мотивы привязанности к своей семье и друзьям, переживание красоты родной природы, предпочтение привычных климатических особенностей, любовь к Родине, желание что-то сделать для своей страны, культурно-исторические корни. Наименьшее значение для становления приверженности своей стране имеют уровень политической стабильности в стране, уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей и мотивы, определяемые отрицательной мотивацией страха столкновения с возможными сложностями при переезде. Для значительной части опрошенных мотивы приверженности своей стране определены сущностной жизненной направленностью, ориентируемой на поиск своего призвания, уникального предназначения и места в жизни.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-50134 «Приверженность своей стране и миграционные намерения: социально-когнитивные основания».

Приложение

Психологическая анкета «Смыслообразующие мотивы приверженности своей стране»

Если Вы хотите постоянно жить в России, то укажите, пожалуйста, причины, оценив каждую по десятибалльной субъективной шкале (от 0 до

10 баллов: чем больше указанная причина значима для Вас, тем выше балл).

1. Следование традициям своего народа
2. Предпочтение системы образования в России
3. Желание наследовать и сохранять культуру своей страны
4. Ресурсы огромной территории России
5. Перспектива лучшего трудоустройства (после обучения)
6. Надежда на более высокий жизненный уровень в России
7. Удовлетворенность уровнем развития науки в России
8. Интереснее проводить досуг в России
9. Мои родственники живут в России
10. Мои друзья живут в России
11. Возможность заработать больше денег в России
12. Желание создать свою семью в России
13. Больше устраивает климат, природная среда России
14. Более высокий уровень политической стабильности
15. Высокий уровень нравственно-психологической атмосферы в обществе
16. Высокий уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей (товары широкого потребления, жилищные условия и др.)
17. Другая причина (укажите и оцените ее значимость): _____

Список литературы

1. Фролова С. В. Модель факторов приверженности личности социальной общности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 80–86.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2003. 512 с.
3. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988. 192 с.
4. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2000. 509 с.
5. Леонтьев Д. А. Динамика смысловых процессов // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 6. С. 13–27.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 372 с.

Motives Generating Meanings of an Individual Commitment to a Native Country

S. V. Frolova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: frolovasv71@mail.ru

The article looks at the research into the motives generating meanings of an individual commitment to a native country. The article shows the results of the empirical study of a group of young people ($N=300$; aged 18–30). The subjective psychological interview, aimed to determine their individual commitment to their native country and emigration intentions, and author's psychological questionnaire *Factors Generating Meanings of an Individual Commitment to a Native Country* with 0–10 subjective assessment scale, were used throughout the study. It has been revealed that the motives connected with attachment to family and friends; climate preferences and admiration for the beautiful nature of the native country; love for the native country; willingness to do something meaningful for the native country; feeling of succession of the cultural and historical heritage have functions with a higher potential to generating meanings of an individual commitment to the native country. Political stability, satisfaction of social welfare needs and negative motive of fear to start one's life with a clean sheet are less significant for the emerging commitment to the native country.

Key words: commitment to one's country, emigration intentions, motives generating meanings.

References

1. Frolova S. V. Model faktorov priverzhennosti lichnosti sotsialnoy obshchnosti (The model of individual commitment factors to social community). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 80–86.
2. Il'in E. P. *Motivatsiya i motivy* (Motivation and motives). St.-Petersburg, 2003. 512 p.
3. Kovalev V. I. *Motivy povedeniya i deyatelnosti* (The motives of behavior and activity). Moscow, 1988. 192 p.
4. Leontev A. N. *Lektsii po obshchey psikhologii* (Lectures on general psychology). Moscow, 2000. 509 p.
5. Leontev D. A. Dinamika smyslovykh protsessov (Dynamics of semantic processes). *Psikhol. zhurn.* (Psychological Journal), 1997, vol. 18, no. 6, pp. 13–27.
6. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* (Man's search for meaning). Moscow, 1990. 372 p.

ПЕДАГОГИКА

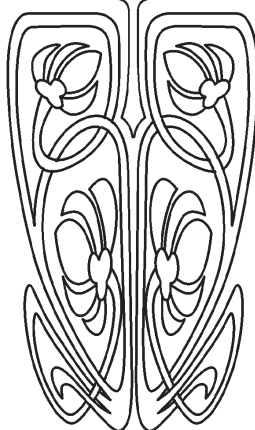
УДК 37.034

ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

Баурова Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и лингвистики, Институт развития бизнеса и стратегий, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: workingday08@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье освещены основные структурные составляющие и функции социальной ответственности студента. Отражена роль вуза как одного из важных социально ответственных институтов. Раскрыты цели и задачи высшего образовательного учреждения в процессе формирования социальной ответственности. Проанализированы основные педагогические условия, факторы и предпосылки формирования социальной ответственности у студента. Отмечено особое значение эмоционального фактора в развитии социальной ответственности у молодых людей. Приведены специфические образовательные технологии (диалогические, игровые), направленные на успешное формирование рассматриваемого качества; изложены критерии его сформированности. Выделено представление о развитии социальной ответственности как о непрерывном процессе, наиболее интенсивном на этапе становления личности.

Ключевые слова: социальная ответственность студента, социально ответственный институт, условия формирования социальной ответственности у студента, факторы и предпосылки формирования социальной ответственности у студента, образовательные технологии, критерии сформированности социальной ответственности у студента.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-338-343

Социальная ответственность изначально включена во всю совокупность отношений личности и общества, во все формы общественного и индивидуального сознания, однако наиболее своевременным представляется рассмотрение проблемы формирования социальной ответственности студента. Происходящие в обществе социальные перемены, затрагивающие условия жизни каждого обучающегося, изменяющие социокультурную среду современных образовательных учреждений, требуют пристального внимания как к формированию картины мира школьников [1], так и к формированию и развитию личности студента.

Модернизация высшей профессиональной школы, вызванная вхождением России в Болонский процесс, введение стандартов ИСО (ISO – International Organization for Standardization) определяют приоритетные требования к будущему профессионалу. Априори главной ценностью общества является человек, а важнейшим критерием качества жизни человека в конкретном социуме выступает мера духовного развития, определяющая идеальные и реальные нормы взаимодействия людей. Сформированность не только ключевых компетенций, но и социальной ответственности также является одним из профессиональных требований согласно международным стандартам [2]. Следовательно, в современный период развитие системы образования

должно быть в большей степени нацелено на переориентацию активности учебных заведений на внутренний мир человека, который способствовал бы формированию духовно-нравственной культуры подрастающего поколения. Последнее подразумевает, прежде всего, необходимость осознания общекультурных и общепсихологических процессов развития цивилизации, определяющих условия формирования нового гуманитарного мышления, обладающего всеобщностью и включающего в себя духовность, нравственность, понимание ценности собственной и иной жизни.

Идея целостности человека как культурного существа – одна из базовых в понимании социальной ответственности. Только специалист высокого уровня культуры, обладающий глубокими знаниями, умениями, навыками, способен решать задачи устойчивого развития общества, страны. При этом в основе развития социальной ответственности у студентов как будущих профессионалов лежат положения гуманитарной философии образования, освещенные в работах О. С. Газмана, И. А. Зимней, В. П. Зинченко, Л. Н. Куликовой, Н. Е. Седовой. Проблема ответственности личности как таковой в педагогической науке представлена работами К. А. Абульхановой, С. Н. Васильева, Т. Н. Сидоровой, Б. М. Бим-Бада и рядом других исследователей.

Структура социальной ответственности, исходя из анализа психолого-педагогической литературы, представляет собой взаимосвязь следующих компонентов: когнитивного, представляющего собой систему усвоенных личностью знаний о наиболее общих социально-экономических понятиях, категориях, о нормах и правилах поведения человека в социуме, о способах его регулирования; мотивационно-ценностного, включающего мотивы социально ответственного поведения в учебно-профессиональной деятельности и общении, нравственные устремления, касающиеся реализации ответственных поступков; деятельностного, предполагающего способность и готовность обучающегося осознавать собственные действия и их результаты в соответствии с принятыми в коллективе социальными нормами; личностного, опирающегося на субъектную позицию обучающегося в деятельности и общении, потребность в саморазвитии, самосовершенствовании.

На основании характеристики личности как субъекта ответственных действий ряд исследователей в содержание ответственности включают идейно-нравственный компонент, отражающий понимание личностью взаимосвязи личных и общественных интересов; эмоционально-волевой – демонстрирующий осознание личностью

эмоционального отношения к фактам и явлениям окружающей действительности, к собственному выбору; действенный – направленный на преодоление трудностей; познавательный – предполагающий усвоение нравственных и правовых норм в различных видах деятельности, компоненты [3, 4]. Также понятие «социальная ответственность» предполагает существование проблем внутренней и внешней ответственности: первая – субъективная (внутренняя) ориентирована на собственные требования; вторая – объективная (внешняя) – это ответственность, ориентированная на требования общества перед окружающими, обществом [5–7].

Функции социальной ответственности включают: информативно-познавательную – информированность студентов о социально-экономических процессах, происходящих в обществе; ценностно-ориентационную – ориентацию в нормах, ценностях, традициях данного общества; нормативно-регулирующую – регуляцию социально ответственного поведения в соответствии с моральными требованиями общества; преобразующую – преобразование системы знаний о мире и своем месте в этом мире в убеждения.

Как духовное существо человек по своей сути полностью невыразим. Личность – это микрокосмос, который, подобно Вселенной, неизмерим и неисчерпаем. Человек – это тайна, значимость и глубина которой напрямую зависят от уровня его духовного развития. И студент как развивающаяся личность нуждается в особо продуманной системе педагогического содействия, в практическом участии преподавателя в его жизнедеятельности с целью помочь, эмоционально поддержать его. Подобное становится возможным, по мнению многих исследователей, за счет совокупности последовательных педагогических действий [8–10], реализуемых вузом как важнейшим социально ответственным институтом.

Социальная ответственность вуза выражается, в первую очередь, в его вкладе в развитие общества, что заключается в добровольном разделении с государством ответственности за социально-экономическое развитие региона, повышение уровня и качества жизни, совершенствование и развитие обучающихся посредством внедрения и реализации вузом принципов социальной ответственности.

Таким образом, перед высшим учебным заведением поставлены следующие задачи:

снабдить будущих профессионалов полным комплексом знаний о наиболее общих социально-экономических понятиях, категориях, законах, о правах и обязанностях, ценностях, морали, нравственности, нормах и правилах поведения человека в социуме и способах его регулирования;

создать условия, обеспечивающие развитие и саморазвитие личности будущего профессионала, его готовность полноценно и нравственно на основе сотрудничества и партнерства строить совместную деятельность в общении;

сформировать позитивное отношение к ответственному поведению в целом и в конкретной области профессиональной деятельности, осознанному восприятию и принятию предъявляемых обществом, конкретным социумом требований [11, с. 63].

Цели воспитания в ходе формирования социальной ответственности у студента, исходя из компонентов структуры и ее функций, предполагают:

формирование позитивного отношения к таким понятиям, как Отчизна, конституционный долг, честь, совесть;

приобщение студентов к системе культурных ценностей, истории, традициям страны;

формирование общечеловеческих норм морали, общей культуры и культуры профессионального общения и взаимодействия;

развитие внутренней свободы и осознания необходимости соблюдения законности и правопорядка;

развитие творческого мышления, потребности в творческом отношении к выполнению трудовых обязанностей;

воспитание уважения к закону, формирование профессиональной и общественной активности, развитие социальной ответственности за выполнение профессионального и общественного долга.

Исходя из этого, естественным является возникновение актуальной проблемы – поиска эффективных путей развития социальной ответственности студентов, обеспечивающих успешную социализацию личности, которая способна и готова нести ответственность за личное и за благополучие общества в своей будущей профессиональной деятельности.

В рамках данной статьи мы систематизируем положения, существующие сегодня в научной литературе. *Педагогические условия формирования социальной ответственности у студента* в учебно-воспитательном процессе вуза нашли отражение в работах современных педагогов: Е. Ю. Богатской, С. Н. Васильева, И. А. Гладышевой и других исследователей [12–14]. Однако мнения педагогов в отношении комплекса применяемых педагогических условий весьма различны: воспитание ответственности в учебно-воспитательном процессе, согласно Е. Ю. Богатской, представлено двумя направлениями: совершенствованием форм учебно-воспитательного процесса путем моделирования учебных ситуаций

для проявления ответственности; направленностью содержания образования на гармоничное развитие личности, ориентацией на её самореализацию и использование фундаментальных знаний для активизации духовных интенций студентов.

Успешному формированию социальной ответственности, как показал С. Н. Васильев, способствуют: проблемные методы обучения, развитие межсубъектного доверия на основе способности к эмпатии в ходе реализации специальных программ; совершенствование форм организации учебно-воспитательной работы, увеличение доли форм, ориентированных на диалог, сотрудничество и самореализацию; моделирование учебных и производственных ситуаций, связанных с необходимостью свободного выбора способа действий, форм контроля, обоснования предпочтений, оценкой понимаемого решения.

И. А. Гладышева в воспитании социальной ответственности у студентов уделяет внимание получению ими в учебной деятельности знаний о правах и обязанностях, о нормах и правилах поведения человека в социуме, закреплению полученного опыта в различных формах внеаудиторной деятельности, использованию диалога и сотрудничества при включении студентов в проектирование и реализацию социальных программ внутренней жизнедеятельности вуза.

Обобщая педагогические условия, способствующие развитию социальной ответственности у студентов, целесообразно выделить:

использование общекультурных компетенций для формирования духовно-нравственного потенциала студентов;

организацию процесса общения в учебно-воспитательной работе в соответствии с этическими нормами поведения;

создание единой социокультурной среды внутренней жизнедеятельности вуза для вовлечения студентов в социально значимую деятельность.

Основными факторами, существенно влияющими на процесс развития социальной ответственности у студентов, являются следующие: ориентация на ответственное отношение студентов к учебной деятельности; обращение к максимумам гуманистической педагогики, теории и практике коллективных творческих дел, а также полное осознание воспитывающей функции обучения, что особо значимо на этапе формирования картины мира ребенка [1, с. 43], но отнюдь не теряет своей важности в ходе учебно-воспитательного процесса вуза; педагогическая поддержка социальной активности студентов.

Для того, чтобы обеспечить успешность развития социальной ответственности у студентов, очевидна необходимость наличия определенных

предпосылок, в числе которых: выработка у студентов потребности подвергать свои действия моральной оценке; приобретение опыта сотрудничества в межличностном взаимодействии; способность студентов осознать и оценить результаты своих действий и поступков для академического сообщества.

Рассмотрим *специфические закономерные связи, определяющие педагогическое обеспечение развития социальной ответственности у студентов*. Они заключаются в положениях: чем больше студент приобщен к общечеловеческим духовным ценностям, тем выше будет уровень его моральных суждений; чем успешнее происходит реализация его внутренних сил и возможностей, направленных на совершение ответственных поступков, тем выше их социальная значимость; чем более настроен преподаватель на создание благоприятной психологической атмосферы в студенческой группе, тем более осознанно студент будет оценивать результаты своих действий и поступков, значимых для коллектива [11, с. 97].

Отметим, что в развитии социальной ответственности молодых людей, в отличие от старших поколений, особое значение приобретает эмоциональный фактор. Таким образом, особую значимость в процессе формирования социальной ответственности студента в ходе учебно-воспитательного процесса приобретает именно субъектно-субъектный тип отношений, включающий ряд основополагающих и общепризнанных характеристик:

идея сотрудничества, диалога всех участников процесса развития социальной ответственности;

развитие творческих взаимоотношений обучающихся в данном процессе;

активность студентов в учебном процессе;

атмосфера доброжелательности, принятие обучающегося как неповторимой, уникальной личности.

Перечисленные выше положения предполагают организацию такой деятельности на занятии, основой которой были бы совместная творческая деятельность, создание ситуаций диалога, наличие личностного смысла в учебной деятельности, приоритет личностного субъектного опыта над предметно-знаниевыми компонентами. Кроме того, субъектно-субъектные отношения обогащают и преподавателя, и студентов, поднимая их на более высокую ступень знаний и межличностных отношений.

Реализации рассмотренных выше условий способствует применение специфических образовательных технологий – диалогических, игровых, применение таких форм и методов обучения, в

которых бы в наибольшей степени проявлялись активность и самостоятельность обучающихся. Следовательно, применение в учебном процессе ролевых игр, групповых дискуссий, «круглых столов», проектной деятельности, вовлечение студентов в самостоятельную работу, при постепенном увеличении ее объема и сложности, начиная с небольших сообщений, затем переходя к докладам, презентациям, повышают эффективность процесса формирования социальной ответственности.

Работа по развитию межличностного взаимодействия обучающихся занимает значительное место в ходе формирования социальной ответственности, предполагая работу в парах, командах, группах. Работая в группе, студенты обмениваются идеями, мнениями, информацией, учатся друг у друга. Работая в командах, каждый получает возможность реализоваться в том, что является его сильной стороной, и получить помощь в том, в чем он слабее других. Это способствует созданию ситуаций взаимной поддержки, выражению эмпатии, толерантности в коммуникации, успешному формированию социальной ответственности обучающегося.

Критериями сформированности социальной ответственности у студентов является взаимосвязь следующих компонентов: когнитивного, предполагающего сформированность у обучающихся знаний о социальной ответственности; мотивационно-ценностного, заключающегося в сформированности мотивов социально ответственного поведения в учебно-профессиональной деятельности и общении, нравственных устремлений, направленных на реализацию ответственных поступков; деятельностного, обращенного к результату действий в учебной и общественной работе, выражение сопричастности к общему делу; личностного, в основе которого субъектная позиция обучающегося в деятельности и общении, стремление к саморазвитию, самосовершенствованию [11, с. 64].

Представленные результаты теоретических исследований позволяют сделать вывод о значимости перемен в развитии общества, повлекших необходимость реформирования системы образования, в том числе и системы высшего профессионального образования, определяя в качестве основной цели подготовку квалифицированного социально ответственного работника высокого уровня, свободно владеющего знаниями, умениями в своей профессии и смежных областях деятельности, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Развитие социальной ответственности личности – это непрерывный процесс, происходящий на протяжении всей жизнедеятельности

человека, но обладающий особой активностью на этапе становления личности. Формирование основ социальной ответственности студента вуза осуществляется в процессе обучения и воспитания, т.е. при создании определенных социально-педагогических условий в конкретный период развития индивида, требующий использования всего учебно-воспитательного потенциала современного вуза как социально ответственного образовательного института.

Список литературы

1. Александрова Е. А. Формирование картины мира ребенка и его педагогическое сопровождение // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 2. С. 41–43.
2. ГОСТ Р ИСО 26000-2012 Руководство по социальной ответственности. URL: <http://files.stroyinf.ru/Index/53/53986.htm> (дата обращения: 20.05.2015).
3. Минкина Н. А. Воспитание ответственностью : учеб. пособие. М., 1990. 144 с.
4. Скорбилина Н. И. Ответственность как стержневое качество личности старшеклассника : сущность, функции, структура // Психологические условия формирования ответственности школьников. М., 1987. С. 48–49.
5. Баканова Е. С. Институциональные основы формирования социальной ответственности бизнеса в экономике России : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2007. 156 с.
6. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999. 312 с.
12. Богданова О. С. Азбука нравственного воспитания / под ред. И. А. Капра, О. С. Богдановой. М., 1979. 320 с.
7. Зимняя И. А., Земцова Е. В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов // Высш. образование сегодня. 2008. № 5. С. 14–17.
8. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука : избр. психол. тр. / под ред. А. И. Подольского. Ростов н/Д, 1999. 330 с.
9. Климов Е. А. Психология профессионала. М. ; Воронеж, 1996. 400 с.
10. Колин К. Человеческий потенциал и социальные технологии в XXI в. // Вестн. высш. шк. 2003. № 6. С. 18–25.
11. Кочетова И. Д. Педагогические условия развития социальной ответственности у студентов высших учебных заведений : дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2011. 239 с.
13. Васильев С. Н. Формирование социальной ответственности у курсантов военного вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2006. 22 с.
14. Гладышева И. А. Педагогические условия воспитания социальной ответственности у студентов негосударственного вуза : дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2006. 226 с.

Fundamentals of Student's Social Responsibility Formation

J. V. Baurova

Institute of Business Development and Strategies,
Yuri Gagarin Saratov State Technical University
9, Gorky str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: workingday08@mail.ru

The article enlightens the main structural components and functions of student's social responsibility. The role of the university as an important socially responsible institution is reflected in the work. The goals and tasks of the university in the social responsibility formation process are revealed. The basic pedagogical conditions, factors and prerequisites of student's social responsibility formation are analysed. The particular importance of an emotional factor in the social responsibility development of the youth is noted. Specific educational technologies (dialogic, simulation) aimed at successful quality in question formation are presented. The criteria of its formation are stated. The idea of social responsibility as a continuous process being the most active during the personality formation is stressed.

Key words: student's social responsibility, socially responsible institution, the conditions of student's social responsibility formation, factors and prerequisites of student's social responsibility formation, educational technologies, criteria of student's social responsibility formation.

References

1. Aleksandrova E. A. *Formirovanie kartiny mira rebenka i ego pedagogicheskoe soprovozhdenie* (Formation of the child's world Image and its pedagogical guidance). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2012. Vol. 1, iss. 2, pp. 41–43.
2. *GOST R ISO 26000-2012 Rukovodstvo po sotsialnoy otvetstvennosti* (ISO 26000-2012 Guidance on social responsibility). URL: <http://files.stroyinf.ru/Index/53/53986.htm> (accessed 20 May 2015).
3. Minkina N. A. *Vospitanie otvetstvennostyu: ucheb. posobie* (Education by means of responsibility: students' book). Moscow, 1990. 144 p.
4. Skorbilina N. I. *Otvetstvennost kak sterzhnevoe kachestvo lichnosti starsheklassnika: sushchnost, funktsii, struktura* (Responsibility as the main senior student's characteristic: essence, functions, structure) *Psikhologicheskie usloviya formirovaniya otvetstvennosti shkolnikov* (Psychological conditions of students' responsibility formation). Moscow, 1987, pp. 48–49.
5. Bakanova E. S. *Institutsionalnye osnovy formirovaniya sotsialnoy otvetstvennosti biznesa v ekonomike Rossii*: dis. ... kand. ekon. nauk (Institutional fundamentals of business social responsibility formation in Russian economics: dissertation of the PhD in economic sciences). St.-Petersburg. 2007. 156 p.
6. Berdyaev N. A. *O cheloveke, ego svobode i duchovnosti* (About person, his freedom and spirituality). Moscow, 1999. 312 p.
7. Zimnyaya I. A. *Integrativnyy podkhod k otsenke edinoy sotsialno-professionalnoy kompetentnosti vypusknikov vuzov* (Integrative approach to the valuation of unified socio-professional competence of graduates). *Vyshee obrazovanie segodnya* (Higher Education Today), 2008, no. 5, pp. 14–17.

8. Galperin P. Ya. *Psikhologiya kak obektivnaya nauka: izbr. psikhol. tr.* (Psychology as an objective science: selected psychological research). Rostov-on-Don, 1999. 330 p.
9. Klimov E. A. *Psikhologiya professionala* (Professional's psychology). Moscow, 1996. 400 p.
10. Kolin K. *Chelovecheskiy potentsial i sotsialnye tekhnologii v XXI v.* (Human potential and social technologies in XXI century). *Vestnik vysshey shkoly* (High School Herald), 2003, no. 6, pp. 18–25.
11. Kochetova I. D. *Pedagogicheskie usloviya razvitiya sotsialnoy otvetstvennosti u studentov vysshih uchebnykh zavedeniy*: dis. ... kand. ped. nauk (Pedagogical conditions of university students' social responsibility formation: dissertation of the PhD in pedagogic sciences). Khabarovsk, 2011. 239 p.
12. Bogdanova O. S. *Azbuka npravstvennogo vospitaniya* (The fundamentals of moral education). Moscow, 1979. 320 p.
13. Vasilev S. N. *Formirovanie sotsialnoy otvetstvennosti u kursantov voennogo vuza*: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (Social responsibility formation of military educational establishments recruits: synopsis of dissertation of the PhD in pedagogic sciences). Kostroma, 2006. 22 p.
14. Gladysheva I. A. *Pedagogicheskie usloviya vospitaniya sotsialnoy otvetstvennosti u studentov negosudarstvennogo vuza*: dis. ... kand. ped. nauk (Pedagogical conditions of social responsibility education of non-state university students: dissertation of the PhD in pedagogic sciences). Kostroma, 2006. 226 p.

УДК 378

ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ЛЕТЧИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВИАЦИИ

Ваулин Владимир Иванович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общеинженерных дисциплин, Самарский государственный технический университет (филиал в г. Сызрань). E-mail: kaf-oid@mail.ru

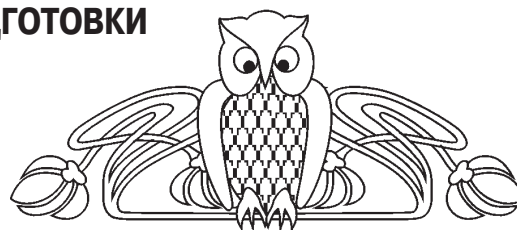
Сафонов Анатолий Анатольевич – кандидат технических наук, доцент кафедры общеинженерных дисциплин, Самарский государственный технический университет (филиал в г. Сызрань). E-mail: kaf-oid@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы повышения качества подготовки летных кадров в современных условиях. Утверждается, что технология задачного подхода – спроектированный, организованный и согласованный по целям военно-профессиональной подготовки летчиков комплекс психолого-педагогических мер, составляющих целостную дидактическую систему, обеспечивает достижение необходимого уровня подготовленности выпускника летного вуза. Методологической основой реализации технологии задачного подхода являются специфические закономерности. Структуру технологии задачного подхода составляют: теоретические основы профессиональной подготовки; организационная, содержательная, процессуальная, результативная части. Технология задачного подхода представляет собой поэтапную организацию процесса профессиональной подготовки курсанта-летчика, на каждом из которых её участники ставят определенные цели и решают задачи, стремятся к достижению результатов. Реализация технологии задачного подхода осуществляется на различных уровнях: системном, модульном, методическом.

Ключевые слова: технология задачного подхода, структура технологии, сущность и содержание, эффективность реализации технологии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-343-347

Повышение качества подготовки авиационных кадров определяется необходимостью подготовки профессионалов, способных эксплу-

тировать авиационную технику 4–5 поколений в условиях мирного и военного времени. Как свидетельствует анализ учебной деятельности летных вузов, возникает противоречие между современными требованиями и эффективностью военно-профессиональной подготовки летных кадров. Анализ материалов научных конференций и исследований позволяет сделать вывод, что одним из главных направлений обеспечения качества подготовки летных кадров является создание новых технологий подготовки и обучения.

Технология задачного подхода – спроектированный, организованный и согласованный по целям военно-профессиональной подготовки летчиков комплекс психолого-педагогических мер, составляющих целостную дидактическую систему (проектирования, процедур, операций, форм, методов, способов, приемов, средств), направленных на развитие способностей и профессионально важных качеств (ПВК) летчика, достижение заданного уровня подготовленности выпускника летного вуза к выполнению функциональных обязанностей по предназначению.

По своей сущности технология задачного подхода представляет собой реализацию методики задачного подхода, по решению различного уровня, вида и типа задач летной деятельности, которые осуществляются в ходе различных видов занятий и форм контроля знаний. Технология

задачного подхода представляет комплекс психолого-педагогических мероприятий, которые составляют структуру. Анализ нескольких подходов [1, 2] и результатов исследования позволил представить ее в следующем виде:

1) *теоретические основы профессиональной подготовки включают*: специфические закономерности и принципы педагогического процесса, концепции обучения, составляющие основу понимания, построения и функционирования технологии;

2) *организационная часть*: уровни реализации технологии; проектирование технологии изучения дисциплин (дидактическая структура учебного плана, материала, программ, формы изложения); проектирование занятий (структура занятия, содержательная часть, временные параметры занятия);

3) *содержательная часть обучения*: цели подготовки и обучения – общие и конкретные; содержание учебного материала: модули; методика повышения качества подготовки; ориентация на личностные структуры (формирование знаний, умений, навыков по предметам), формирование способов умственных действий), формирование самоуправляющихся механизмов личности), формирование сферы эстетических и нравственных отношений), формирование действенно-практической сферы);

4) *процессуальная часть* – технологический процесс: организация формы учебного процесса: виды занятий и их особенности; методы и формы (индивидуальная, групповая) учебной деятельности педагога и курсанта-летчика; деятельность преподавателя по управлению процессом усвоения знаний. Программно-методическое обеспечение: учебные планы и программы; учебные и методические пособия; дидактические материалы; наглядные и технические средства обучения и др.;

5) *результативная часть имеет*: диагностический инструментарий; методы контроля и оценки; оценку эффективности технологии.

Методологической основой реализации технологии задачного подхода является соблюдения ряда специфических закономерностей, характерных для военно-профессиональной подготовки летчиков в вузах.

Специфической закономерностью педагогического процесса летного вуза является «неразрывная связь теории с летной практикой». В. А. Пономаренко, Д. В. Гандер, А. А. Ворона раскрывают ее направленность и содержание как «концепцию образовательной среды летного обучения» [3, с. 21–22]: «Образовательная среда в авиационных высших военных училищах по

подготовке летного состава представляет собой единое теоретическое образовательное пространство и непосредственно практику летной подготовки. Специфика опасной профессии такова, что человек не в отставленном будущем, а тут же сам проверяет степень усвоенности теоретических знаний в интересах сохранения собственной жизни» [4, с. 81]. Данная закономерность предполагает проектирование учебных планов и программ, занятий, исходя из потребностей летной практики; проектирование занятий и содержание материала должно рассматривать вопросы летной деятельности и формировать образ полета.

Другой специфической закономерностью системы военно-профессиональной подготовки курсанта-летчика в летном вузе «является единство воспитания (самовоспитания), обучения (самообразования), психологической подготовки и личностного развития» [5, с. 27]. Эта закономерность относится к специфическим особенностям военно-педагогической системы летного вуза и предполагает соблюдение специфического принципа – практической направленности военно-профессиональной подготовки курсантов.

Проведение системы военно-профессиональной подготовки и реализация технологии задачного подхода осуществляется на основе различных концепций обучения [5, с.39]. Анализ практики подготовки летчиков в вузах позволяет сделать вывод, что она основана на ряде концепций: традиционной, ассоциативно-рефлекторной, активного обучения.

Технология задачного подхода представляет собой поэтапную организацию процесса профессиональной подготовки курсанта-летчика, на каждом из этапов её участники ставят определенные цели и решают задачи, стремятся к достижению результатов. Этапы технологии совпадают с временными рамками обучения переменного состава вузов – годами (курсами), семестрами – и не вызывают необходимости организационной перестройки педагогического процесса.

Реализация технологии задачного подхода осуществляется на различных уровнях [6]:

1) модульном: при проектировании учебных программ в рамках дисциплины или группы дисциплин «Аэродинамики и динамики полета», «Практической аэродинамики»; проектирование видов занятий и форм промежуточной аттестации по каждой дисциплине, итоговой аттестации выпускников и др.;

2) методическом: при реализации методики задачного подхода в ходе проведения различных видов занятий (лекций, практических занятий, лабораторных работ и т.п.); в ходе применения инновационных методов, средств, форм про-

ведения (индивидуальных, групповых); при использовании механизмов развития мышления, интеллектуальных способностей курсанта-летчика, формирования знаний, навыков, умений, профессионально важных качеств, компетенций;

3) системном: объединяющем все структурные элементы технологии задачного подхода в единое целое и рассматривающем процесс военно-профессиональной подготовки во взаимодействии с субъектами и объектами деятельности по этапам и результатам образовательной деятельности в соответствии с целями подготовки летчика и требованиями к уровню его подготовки.

Содержательная часть обучения включает:

1) цели военно-профессиональной подготовки: целью системного уровня является формирование компетенций и развитие ПВК летчика, психологической готовности к выполнению должностных обязанностей по предназначению;

целью изучения группы предметов на предметном уровне является развитие интеллектуальных способностей летчика, навыков решения задач различного уровня сложности;

целеполагание на модульном уровне предполагало выделение целей каждого модуля;

2) по содержанию модулей изучаемых дисциплин задачи целесообразно разделить на виды: аэродинамические, динамические, практические, которые соответствуют темам изучаемого теоретического материала, а также характеризуют уровень сложности явлений и динамических процессов.

Процессуальная часть по своей структуре представляет процесс обучения, взаимосвязанную деятельность педагога и обучающихся, т.е. двухсторонний неразрывный процесс преподавания и учения.

В ходе реализации методики задачного подхода и решения задач курсант проходит ступени подготовки: понимание изученного учебного материала, его обобщение и применение, что позволяет сформировать основные виды мышления (абстрактное, словесно-логическое, наглядно-образное, наглядно-действенное) и формы мышления (понятие, суждение, умозаключение: индуктивное, дедуктивное, по аналогии) летчика [7, с. 16] и формирует качества мышления: критичность, глубину, гибкость, самостоятельность, широту, скорость, креативность ума, инициативность мышления, продуктивность ума, что является основой развития качеств летчика: любознательности, сообразительности, обоснованности и правильности решений [8, с. 67–73]. В процессе решения задач происходит расширения качества знаний, необходимых летчику в ходе профессиональной деятельности:

оперативности, свернутости и развернутости знаний, их полноты и системности, конкретности и обобщенности, глубины и осознанности, прочности и гибкости [9, с. 424].

Методика задачного подхода включает в себя решение различных типов задач, которые соответствуют темам и курсам, с применением различных средств и методов обучения. В ходе изучения конкретных дисциплин или групп дисциплин одного направления, в частности «Аэродинамики и динамики полета», «Практической аэродинамики», решаются различные виды и типы задач, которые можно классифицировать: по уровню основания и реализации – теоретические, практические, исследовательские; по уровню применения – учебные, экспериментальные, исследовательские; по уровню проблемности – проблемные ситуации, задачи, проблемы; по источнику знаний – аэродинамические, динамические, практические; по методам и способам выполнения.

Рассматривая задачи по методам и способам выполнения, их можно разделить на: *математические* – решаются по формулам методом расчета конкретных величин явлений, процессов, параметров аэродинамики и динамики, практической аэродинамики летательного аппарата; *схематичные* – решаются методами (методиками) построения схем сил и моментов, возникающих на элементах или в целом на летательном аппарате; *расчетно-графические* – решаются методами расчета данных (статистических – взятых из таблиц) или экспериментальных – снятых с показаний приборов учета явлений и процессов аэродинамики, компьютерных моделей и т.д.), с дальнейшим построением графиков аэродинамических и динамических явлений (обтекания тела в воздушном потоке и др.) и процессов (изменения мощности силовой установки и др.); *графо-аналитические* – решаются методами изображения графиков с последующим анализом порядка их построения, причин их изменений из-за аэродинамических явлений, условий и факторов полета летательного аппарата; к ним можно отнести построение графиков потребной и располагаемой мощности, графика высот и скоростей полета вертолета и др.; *аналитические* – решаются аналитическими методами, включающими процессы мышления (сравнения, анализа, синтеза, дедукции, индукции, умозаключения, обобщения, абстрагирования, понимания, понятия); они включают анализ графиков «кривых Н. Е. Жуковского» и др., номограмм взлетно-посадочных возможностей вертолета и др., барограмм скороподъемности и др.; *исследовательские* – решаются эмпирическими

или теоретическим методами с проведением эксперимента, моделирования и проектирования. Это задачи по исследованию: условий самовращения несущего винта, маневров вертолета, его маневренных возможностей; моделирования маневров по преодолению ПВО противника и боевых маневров по атаке наземных целей; научные исследования проблем аэродинамики и динамики полета и др.; *проблемные* – проблемные ситуации, проблемы.

Комплексное решение задач обеспечивает формирование знаний: об основных элементах, обеспечивающих полет вертолета, силовых нагрузках на элементы конструкции при выполнении полета и фигур пилотажа, особенностях выполнения полетных заданий в особых условиях, действиях в критических режимах и особых случаях. Позволяют сформировать умения пользоваться и находить литературные источники, воспитать бережное отношение к технике, ее эксплуатации и обслуживанию (осмотру несущих частей – лопастей, несущего винта, фюзеляжа – вертолета при предполетном его осмотре) в ходе практических занятий, умения разработки модели техники пилотирования вертолета.

Решение задач может быть выполнено курсантом-летчиком методами: математических расчетов; графических изображений; расчета и графического изображения; графического изображения и анализа графических изменений; разбора инцидента, происшествия, катастрофы; анализа проблемных ситуаций, задач, проблем; анализа видеосюжета и разбора действий летчика; анализа полетной ситуации по материалам объективного контроля; решение задачи методом работы с таблицами, сборниками, инструкциями и т.д.; принятия решения летчика на выполнение маневра, полетного задания (расчета взлетно-посадочных характеристик, определения способа взлета и посадки в различных условиях полета, расчета дальности и продолжительности полета и т.д.); аналитическим: постановки теоретических вопросов и практических вводных в ходе занятий (вопроса по раскрытию сущности теоретических положений, поведения летательного аппарата и действий летчика в особых случаях в полете, анализа поведения летательного аппарата в нештатной ситуации, анализа критических режимов полета, поведения летательного аппарата при отклонении от заданного режима полета, анализа поведения летательного аппарата на различных этапах полета и т.д.); лабораторного или теоретического эксперимента (изучения явления в ходе эксперимента); исследования – сущности явления, условий выполнения полетного задания и определения эффективных средств, спосо-

бов, действий, путей решения; моделирования опасной, аварийной ситуации; проектирования выполнения поставленной боевой задачи и др.

В ходе реализации технологии задачного подхода целесообразно использовать методы воспитательного сопровождения военно-профессиональной подготовки: «методы стимулирования мотивации учения разделяются на методы: формирования интереса к учению (познавательные игры, учебной дискуссии, создание ситуаций занимательности, эмоциональных переживаний и др.) и методы формирования долга и ответственности в учении (поощрение, порицание и др.)» [9, с. 566–567].

Реализация технологии задачного подхода определяется элементами управления военно-профессиональной подготовкой: «Управление – это системный процесс планирования, организации, мотивирования и контроля, позволяющий сформулировать и достичь целей функционирования организации» [10, с. 677]. Поэтому контроль и оценка эффективности учебного процесса – сущность, содержание и организация – являются дидактической основой оценки эффективности применения в военном вузе технологии обучения.

Особое место в методике задачного подхода занимают методы контроля достижения результатов. В практике реализации методики задачного подхода выделяются наиболее используемые методы: устный опрос, письменная проверка, практическая проверка, самоконтроль и самопроверка. Важным и ответственным при проектировании и конструировании профессионально ориентированной технологии обучения является этап оценки и контроля результатов обучения, его коррекции. Это достигается посредством проектирования современных технологий, механизмов подготовки и становления курсанта-летчика, диагностикой и контролем достижения уровня профессиональной компетенции. «Разработка системы педагогической диагностики профессиональных компетенций предусматривает: 1) моделирование системы диагностики профессиональных компетенций (модель оценки процесса формирования компетенций; модель оценки качества подготовки по учебному модулю; методы диагностики профессиональных компетенций); 2) создание компетентностно-ориентированных оценочных средств; 3) оценку индивидуальных образовательных достижений, конкретной профессиональной компетенции достигнутой на разных этапах обучения с использованием различных форм педагогического контроля; 4) определение степени приобретения профессиональных компетенций» [11, с. 64].

Реализация технологии задачного подхода позволяет формировать предметные и межпредметные компетенции, обеспечивает развитие мышления и интеллектуальных способностей летчика, формирование 3–4 уровней качества усвоения знаний, в результате формируются профессиональные качества летчика (компетентность, самостоятельность принятия решения, ответственность за обеспечение безопасности полетов и грамотной эксплуатации авиатехники и т.д.). Понимая инновацию как разработку, создание и внедрение различного вида новшеств, порождающих значительные или существенные изменения в педагогической практике [12, с. 40–41], можно рассматривать меры, повышающие качество подготовки летных кадров в современных условиях, как инновационные.

Список литературы

1. Добуш М. Г. Педагогическая технология : сущность и содержание // Военная мысль. 2003. № 3. С. 59–63.
2. Воронина Л. Д., Щелконогов С. П., Светлышев Ю. Н. Современные педагогические технологии обучения // Офицер Российской армии XXI века : материалы науч. конф. : в 2 ч. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 59–64.
3. Гандер Д. В. Профессиональная психопедагогика. М., 2007. 336 с.
4. Пономаренко В. А. Психология духовности профессионала. М., 1997. 256 с.
5. Образцов П. И., Косухин В. М. Дидактика высшей военной школы : учеб. пособие. Орел, 2004. 317 с.
6. Педагогика высшей школы. Казань, 2011. 138 с.
7. Джавадян В. Г., Печников Ю. С. Альбом конспектов по «Военной психологии и педагогике» // под ред. В. И. Ваулина, О. А. Карпушовой. Сызрань, 2001. 69 с.
8. Платонов К. К., Гольдштейн Б. М. Основы авиационной психологии. М., 1987. 222 с.
9. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. М., 1993. Т. 1. 608 с.
10. Коджаспирова Г. М. Педагогика. М., 2010. 744 с.
11. Пермяков О. Е., Менькова С. В. Диагностика формирования профессиональных компетенций. М., 2010. 115 с.
12. Вдовук В. И. Основы педагогики высшей школы. М., 1997. 68 с.

Technique of Improving the Quality of Pilots' Training of National Aviation

V. I. Vaulin, A. A. Safonov
Samara State Technical University (branch in Syzran)
45, Sovetskaya str., Syzran, 446000, Russia
E-mail: kaf-oid@mail.ru

The article deals with the problem of improving the quality of flight personnel training in modern conditions. The article argues that task-approach technology, is organized and coordinated by the complex of psychological and pedagogical measures constituting an integrated teaching system that achieves the required level of qualification of the Flight University graduate. Methodological basis of task - approach technology are specific characteristics. The structure of technology task-approach is: theoretical basis of vocational training; organizational, procedural, the notable parts. Task - approach technology is a gradual organization process of training of Cadet-pilot. Participants define objectives and solve problems, seek to achieve results. Implementation of this technology is carried out at various levels: system, unit, methodological. **Key words:** task - approach technology, structure technology, nature and contents, the effectiveness of the implementation process.

References

1. Dobush M. G. Pedagogical technology: the essence and content (Pedagogicheskaya tekhnologiya: sushchnost i sodержanie). *Voennaya mysl* (Military thought), 2003. no. 3, pp. 59–63.
2. Voronina L. B. Shchelkonogov S.P. Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii obucheniya (Modern educational technology training). *Ofitser Rossiyskoy armii XXI veka*. Materialy nauch. konf.: v 2 ch. (Russian army officer of the 21st century. Materials of science conference: in 2 parts). Chelyabinsk, 2010. Part 1, pp. 59–64.
3. Gander D. V. *Professionalnaya psikhopedagogika* (Professional psycho-pedagogy). Moscow, 2007. 336 p.
4. Ponomarenko V. A. *Psikhologiya dukhovnosti professionala* (Psychology of spirituality of a professional). Moscow, 1997. 256 p.
5. Obratstov P. I., Kosuhin V. M. *Didaktika vysshey voennoy shkoly: ucheb. posobie* (Military high school didactics: training manual). Orel, 2004. 317 p.
6. *Pedagogika vysshey shkoly* (Pedagogy of higher education). Kazan, 2011. 138 p.
7. Dzhavadyan V. G., Pechnikov Y. S. *Albom konspekt-skhem po «Voennoy psikhologii i pedagogike»* (Album of abstract schemes for «Military psychology and pedagogy»). Eds. V. I. Vaulin, O. A. Karpushova. Syzran, 2001. 69 p.
8. Platonov K. K., Goldstein B. M. *Osnovy aviatsionnoy psikhologii* (Aviation psychology). Moscow, 1987. 222 p.
9. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* (The Russian pedagogical encyclopedia: in 2 vol.). Moscow, 1993. Vol. 1. 608 p.
10. Kodzaspurova G. M. *Pedagogika* (Pedagogy). Moscow, 2010. 744 p.
11. Permyakov O. E., Menkova S. V. *Diagnostika formirovaniya professionalnykh kompetentsiy* (Diagnostics of professional competencies). Moscow, 2010. 115 p.
12. Vdovuk V. I. *Osnovy pedagogiki vysshey shkoly* (Framework of pedagogic high school). Moscow, 1997. 68 p.

УДК 614.8.01

ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Гребенюк Людмила Владимировна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент базовой кафедры полимеров, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: grebenyuk2@yandex.ru

Степанов Михаил Владимирович – кандидат биологических наук, доцент базовой кафедры полимеров, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: stepanovmv_69@mail.ru

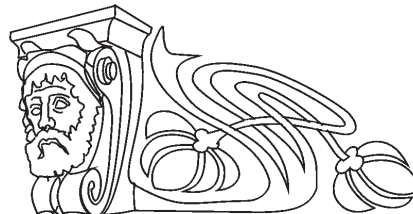
Чикарев Василий Николаевич – кандидат биологических наук, доцент базовой кафедры полимеров, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vnchikarev@yandex.ru

В статье приводятся данные о подготовке и ходе проведения факультативных занятий курса «Учения по безопасности жизнедеятельности», осуществляемых в Саратовском национальном исследовательском государственном университете на юридическом факультете. Целью учений является формирование у обучающихся системы практических навыков работы, закрепляющих и углубляющих полученные теоретические знания по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности». Учения проводятся на территории г. Саратова в виде маршрутов, во время которых студенты получают навыки идентификации природных, техногенных и социальных опасностей. Информация может быть полезна для преподавателей вузов и колледжей, проводящих занятия по дисциплинам «Безопасность жизнедеятельности» и «Экология».

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности, опасные и вредные факторы, окружающая среда, техногенные опасности, природные опасности, идентификация опасностей, обучение.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-348-353

В настоящее время область безопасности жизнедеятельности рассматривается как сфера научных знаний, в которой изучаются теоретические основы происхождения опасностей, угрожающих человеку и окружающей среде, закономерности их формирования и проявления, прогнозирование опасностей и чрезвычайных ситуаций различного характера, практические способы защиты от них и ликвидации их последствий. В соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего образования обучение студентов в области безопасности жизнедеятельности осуществляется путем изучения базового учебного курса «Безопасность жизнедеятельности», который входит в цикл общепрофессиональных дисциплин их профессиональной подготовки.

В результате освоения дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД) обучающийся должен:

знать базовый материал теоретических основ безопасности жизнедеятельности: основные природные и техносферные опасности, их свойства и характеристики, характер воздействия вредных и опасных факторов на человека и природную среду, методы защиты от них применительно к бытовой сфере и к сфере своей профессиональной деятельности;

уметь применять знание основ безопасности жизнедеятельности в научно-исследовательской, просветительской, организационно-управленческой и других видах деятельности;

владеть понятийно-терминологическим аппаратом в области безопасности; законодательными и правовыми актами в области безопасности и охраны окружающей среды; методами и приемами защиты, позволяющими минимизировать возможный ущерб личности и обществу в возможных опасных и чрезвычайных ситуациях.

В соответствии с учебными планами на изучение дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского на разных факультетах отводится 72 или 108 учебных часов. Аудиторная работа складывается из лекций и семинарских занятий, причем для разных направлений подготовки бакалавров и специалистов часы практической работы варьируют от 0 до 36 часов. Несомненно, что чем больше часов отводится на практические занятия, тем успешнее происходит процесс обучения и выше степень усвоения теоретического материала курса. Для повышения эффективности подготовки студентов по этой дисциплине на юридическом факультете СГУ для направления подготовки «Юриспруденция» начиная с 2012 г. введен факультативный курс «Учения по безопасности жизнедеятельности». Для данной дисциплины авторами составлен план проведения учений и разработана рабочая программа дисциплины. Целью учений является формирование у обуча-

ющихся системы практических навыков работы, закрепляющих и углубляющих полученные теоретические знания по этой дисциплине.

Основными задачами «Учений по безопасности жизнедеятельности» являются:

закрепление на практике теоретических знаний, полученных при аудиторном изучении дисциплины «Безопасность жизнедеятельности»;

выявление и идентификация опасностей, угрожающих человеку в повседневной жизни, опасных и чрезвычайных ситуаций природного, социального и техногенного характера непосредственно в условиях городской среды;

проведение контроля параметров негативных воздействий и оценки соответствия их уровня нормативам;

получение навыков действий в различных экстремальных ситуациях.

Проведение «Учений по безопасности жизнедеятельности» позволяет повысить степень усвоения материала курса за счет высокой наглядности информации, получаемой студентами на практике.

Общая трудоемкость дисциплины «Учения по безопасности жизнедеятельности», согласно учебному плану, составляет 36 академических часов, из них на практические занятия отводится 12 часов, на самостоятельную работу – 24 часа. Дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» читается студентам направления «Юриспруденция» в 1-м семестре обучения, «Учения» проводятся в конце 4-го семестра на территории г. Саратова в несколько этапов. Подготовительный этап включает в себя вводную информационную лекцию, на которой обучающиеся получают необходимые сведения о целях и задачах проведения учений, о ходе их прохождения и о форме отчетности, проводится инструктаж по технике безопасности.

На вводной лекции преподаватель предоставляет информацию о природных особенностях г. Саратова и функциональной структуре городской территории (промышленных и коммунально-складских зонах, районах жилой застройки, транспортных коммуникациях, рекреационных зонах) [1–4]. На примере г. Саратова студенты рассматривают природные процессы (оползни, подтопление территории города грунтовыми водами, эрозионная деятельность), развитие которых может привести к негативным последствиям для жизнедеятельности населения (обрушение зданий, разрушение дорожных покрытий, подтапливание грунтовыми водами фундаментов и подвалов домов и др.) [2, 3, 5]. Опираясь на знания, полученные на лекциях по БЖД, студенты перечисляют опасные биоло-

гические объекты (растения, насекомые и др.) Саратовской области [6]. Также студенты на вводной лекции получают сведения об опасных и вредных факторах, возникновение которых обусловлено хозяйственной деятельностью (загрязнение атмосферного воздуха, загрязнение подземных и поверхностных вод и почвенного покрова, повышенные уровни шумов на городской территории, электромагнитное воздействие и др.), перечисляются потенциально опасные объекты, расположенные на территории г. Саратова [2, 7–10].

Перед проведением учений студентам предоставляется список учебной и методической литературы, правовой и нормативной документации, с содержанием которой обучающиеся знакомятся самостоятельно. Студенты получают необходимый картографический материал (карты и схемы территории г. Саратова, схемы отдельных объектов), оборудование и приборы, позволяющие вести наблюдения и осуществлять контроль параметров негативных воздействий среды обитания.

Вторым, основным, этапом является проведение учений. Форма поведения учений – маршруты, разработанные руководителем. Студенты во время занятий ведут дневник наблюдений, в котором фиксируют и описывают проявление опасных и вредных воздействий компонентов и экологических факторов окружающей среды, ведется фотодокументирование. После описания опасных и вредных факторов природного, социального и техногенного характера студентам необходимо предложить свои рекомендации по оптимизации ситуации.

Учение № 1 проводится на территории Волжского района г. Саратова в виде маршрута: местом сбора является площадка у памятника «Журавли» в парке Победы. Со смотровой площадки открывается вид на город, на ярусный характер рельефа (Лысогорское плато, Соколовогорское поднятие, Приволжская котловина), который обуславливает и инфраструктуру города (расположение транспортных артерий, промышленных предприятий, селитебных районов, рекреационных зон), ветровой перенос загрязняющих веществ и соединений и возникновение некоторых природных опасностей. Студенты фиксируют местоположение крупных промышленных предприятий и автотрасс, являющихся основными источниками вредных выбросов. При штилевой и солнечной погоде можно зафиксировать такое опасное явление, как фотохимический смог. Обзор с данной точки наблюдения является логическим завершением подготовительного этапа учений и дает визуальное представление

о структуре городской территории, основных опасных и вредных факторах и их источниках.

Маршрут проложен по территории парка Победы от памятника «Журавли» в сторону поселка Затон. Наблюдения и идентификация негативных проявлений опасных и вредных факторов окружающей среды проводятся на специальных площадках, заранее намеченных руководителем: по ходу маршрута планируется несколько точек наблюдения для работы студентов. Во время учения № 1 студенты фиксируют и описывают следующие потенциальные опасности:

подтопление территории г. Саратова грунтовыми водами, обусловленное непродуманной хозяйственной деятельностью: засыпка оврагов, утечки из подземных коммуникаций, уплотнение грунта при строительстве зданий на свайных фундаментах и др. Все перечисленное ведет к затоплению подвальных помещений зданий и способствует более быстрому износу подземных коммуникаций. В отдельных случаях подтопление может привести и к обрушению зданий [1–3, 11]. На местности причины подтопления студенты наблюдают, находясь у Маханного оврага, где идет засыпка (строительным и бытовым мусором, грунтом) и нивелирование верхней его части, а также на склоне Соколовой горы южной экспозиции, где на ул. Соколовая выстроен ряд многоэтажных жилых зданий. Фундаменты последних расположены поперек подземного стока грунтовых вод. Изучая состав грунта, используемого для засыпки Маханного оврага, студенты оценивают санитарное состояние склонов и тальвега и делают вывод не только о нарушении дренажа подземных вод, но и о химическом их загрязнении;

оползневые процессы, которые проявлены на отдельных участках восточного склона Соколовой горы, где сохраняется угроза деформаций и разрушения ряда домов частного сектора (Затонский оползень) [2, 3, 5]. Студенты, находясь на склоне, фиксируют результаты проведенных противооползневых мероприятий: выполаживание и террасирование склона, наличие и состояние инженерно-технических сооружений, укрепление склонов посадками деревьев. Проводя наблюдения, студенты отмечают следы возобновления оползневых процессов, если они проявлены, наносят эти участки на карту;

опасные растения, произрастающие в рекреационной зоне города: ядовитые, вызывающие аллергию, травмирующие кожные покровы [6]. Отмечая возможность воздействия на людей биологически опасных объектов, преподаватель затрагивает и проблему недостатка зеленых зон в г. Саратове. На аллее парка он рассказывает

о рекреационных зеленых зонах г. Саратова как важнейшем компоненте городской среды, который в значительной мере снижает уровень техногенного давления [1, 2, 10, 12]. В зеленых зонах происходит утилизация значительной части загрязняющих веществ, снижается уровень шумов от транспорта и промышленных предприятий, активно продуцируется кислород в приземной части атмосферы. Парки и скверы являются основными местами отдыха горожан. Студенты оценивают санитарное состояние парка Победы и зеленых насаждений по специальным методикам: оценка состояния окружающей среды по асимметрии листьев березы и санитарно-гигиеническая оценка (жизненной устойчивости) деревьев [13, 14];

электромагнитные поля, источниками которых являются высоковольтные линии электропередачи, проходящие над территорией парка Победы и частной застройкой, и базовая станция сотовой связи. Студентам необходимо обратить внимание на наличие или отсутствие санитарно-защитной зоны вокруг базовой станции и охранной зоны вдоль ЛЭП, а также на соответствие их размеров установленным нормативам. Размер охранной зоны ЛЭП варьируется в зависимости от класса напряжения: например, охранный зона линий электропередачи напряжением 35 кВ составляет 15 м, 110 кВ – 20 м, 330 кВ – 30 м. После анализа ситуации делается вывод, представляют ли данные объекты опасность для горожан;

загрязнение почвенного покрова и возможное загрязнение Волгоградского водохранилища, связанное с деятельностью Соколовгорского нефтепромысла. Студенты на этой площадке знакомятся с потенциально опасным промышленным объектом. От преподавателя студенты получают сведения о данном месторождении, о технологии добычи нефти и обеспечении безопасности для окружающей среды [4]. Обращается внимание на то, что часть эксплуатационных скважин расположена в садово-дачных массивах и на Зеленом острове. Студенты описывают состояние окружающей среды на территории горного отвода нефтепромысла: состояние почвенного и растительного покровов, проливы нефти, наличие и качество обваловки вокруг эксплуатационных скважин, замусоренность территории и пр.

Заканчивается маршрут в районе солярия п. Затон: здесь руководитель учений знакомит студентов с требованиями, предъявляемыми к зонам отдыха на водных объектах, после чего обучаемые дают оценку данной территории, обращая особое внимание на соблюдение требований безопасности для отдыхающих [15].

Учение № 2 проводится на территории Кировского района г. Саратова. Для центра города характерны сплошная застройка жилыми домами, расположение ряда промышленных предприятий без соблюдения санитарно-защитных зон, частая сеть интенсивно загруженных автотранспортом дорог. На этом учении студенты идентифицируют негативные воздействия, обусловленные хозяйственной деятельностью человека. Учение проводится в районе промышленного узла ст. Саратов-1 (железнодорожный вокзал) – автовокзал – завод свинцовых аккумуляторов (ОАО «Электроисточник») и примыкающих к нему жилых микрорайонов. На площадках, заранее намеченных руководителем, обучаемые рассматривают следующие негативные воздействия:

загрязнение атмосферного воздуха вредными химическими соединениями (оксидом углерода, оксидом азота, оксидом серы, углеводородами и др.), источником которых является автомобильный транспорт. При помощи натуральных наблюдений за интенсивностью транспортных потоков по крупным автотрассам и используя известные расчетные методики [13, 16], студенты проводят вычисления и дают оценку соответствия или несоответствия качества атмосферного воздуха по ряду химических соединений, сравнивая расчетные значения со значениями предельно допустимых концентраций;

шумовое загрязнение вдоль автотрасс и в районе железнодорожного вокзала. При выполнении этой части работы студенты используют шумомер, сравнивая его показания с предельно допустимыми уровнями шумов для населенных пунктов [17];

загрязнение атмосферного воздуха и почвенного покрова соединениями тяжелых металлов в районе ОАО «Электроисточник». Предприятие является мощным источником загрязнения вредными химическими соединениями, содержащими тяжелые металлы (свинец), как атмосферного воздуха, так и почвенного покрова прилегающих территорий [2, 8]. Для оценки влияния этого промышленного предприятия на окружающую среду и здоровье населения студенты получают раздаточный материал – карту загрязнения почвенного покрова соединениями тяжелых металлов г. Саратова [8]. На местности обучаемые обращают внимание на наличие или отсутствие санитарно-защитной зоны вокруг завода, близость жилой застройки, проводят опрос местных жителей об условиях проживания рядом с ОАО «Электроисточник»;

электромагнитное загрязнение, источником которых является электротранспорт в районе

железнодорожного вокзала и железнодорожных путей (электровозы, электрички) а также троллейбусы, линии электропередачи, радиопередающие станции и т.д. Обращается внимание на соответствие буферных зон электротранспорта существующим нормативам [18].

Кроме перечисленных вредных и опасных факторов студенты оценивают обеспечение безопасности в районе железнодорожного вокзала и автовокзала от возможных опасностей социального характера.

Заключительным этапом учений является составление и защита отчета (Приложение). Он содержит вводную часть, в которой отражаются цель и задачи учений, сроки их прохождения, основную часть, состоящую из ряда глав, и заключение. В основных главах приводятся сведения о районе проведения учений (краткая характеристика г. Саратова как крупного промышленного центра), о методиках, используемых для фиксации и идентификации опасных и вредных факторов. Приводятся сведения об основных опасностях, характерных для г. Саратова (природных, техногенных, социальных), а также ведется описание всех зафиксированных негативных проявлений природного, социального и техногенного характера. По каждому виду опасности студентам необходимо предложить свои рекомендации по оптимизации ситуации.

Структура отчета

Введение

Глава 1. Общее местоположение и краткая характеристика г. Саратова

1.1. Орогидрография

1.2. Климат

1.3. Почвы

1.4. Растительность

1.5. Животный мир

1.6. Геологическое строение и современные геологические процессы

1.7. Гидрогеологические условия

1.8. Антропогенная характеристика

1.9. Рекреационные зоны г. Саратова

Глава 2. Природные опасности

2.1. Оползни

2.2. Подтопление территории грунтовыми водами

2.3. Опасные растения и животные

2.4. Опасности на воде. Обзор мест отдыха горожан на р. Волге

Глава 3. Техногенные опасности

3.1. Загрязнение атмосферного воздуха выбросами от автотранспорта

3.2. Загрязнение атмосферного воздуха выбросами промышленных предприятий

3.3. Загрязнение водоносных горизонтов на территории г. Саратова. Состояние родников, качество родниковой воды

3.4. Загрязнение почвенного покрова и р. Волги нефтепродуктами

3.5. Физико-энергетическое загрязнение.

Шум. Электромагнитные поля

Глава 4. Социальные опасности

Заключение

Список использованных источников

Приложения к отчету

Написание отдельных пунктов глав отчета закрепляется за одним или двумя студентами, в зависимости от численности группы. При работе над ним студенты используют как рекомендуемую литературу, так и записи, сделанные во время прохождения учений. К зачетному занятию все главы собираются в единый документ, отчет оформляется в соответствии с предъявляемыми требованиями к написанию курсовых (дипломных) работ. К отчету прилагаются дневники с описанием точек наблюдения, схемы, таблицы данных, расчеты, зарисовки, фотоприложения и др.

Во время работы над отчетом преподаватель консультирует студентов, проверяет его и дает рекомендации. Только после окончательной проверки всего собранного материала отчет формируется в электронном виде, а затем – в печатном. Руководитель учений оценивает работу каждого студента по ряду показателей: работе во время маршрутных исследований, качеству предоставленного материала в написанной главе отчета, знанию и владению материалом при защите отчета (сдаче зачета).

Опыт проведения «Учений по безопасности жизнедеятельности» показывает, что подобная форма практических занятий дает положительные результаты: студенты лучше усваивают теоретический материал курса «Безопасность жизнедеятельности», получают навыки выявления и идентификации опасностей, угрожающих человеку в современной повседневной жизни, знакомятся с законодательными и правовыми актами в области безопасности и охраны окружающей среды.

Работу по составлению отчета можно отнести к научно-исследовательской, так как в отдельных главах отражен не только анализ литературных источников и интернет-данных, но и результаты собственных наблюдений, исследований и обобщений. Немаловажным положительным моментом во время прохождения «Учений по безопасности жизнедеятельности» является приобретение студентами опыта совместной

работы, что обязательно пригодится будущим специалистам в дальнейшей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Саратов : комплексный геоэкологический анализ / под ред. А. В. Иванова. Саратов, 2003. 248 с.
2. Иванов А. В., Яшков И. А. Экологические опасности Саратовского Поволжья. Интерактивный атлас Саратова и области. М., 2007. URL: <http://www.twirpx.com/file/755561/> (дата обращения: 26.01.2016).
3. Еремин В. Н., Гребенюк Л. В., Сельцер В. Б., Решетников М. В. Эколого-геологическая характеристика территории г. Саратова : учеб. пособие. Саратов, 2015. 221 с.
4. Саратовский научно-образовательный геоэкологический полигон : учеб. пособие / под ред. А. В. Иванова, В. З. Макарова, А. Н. Чумаченко. Саратов, 2007. 286 с.
5. Шешнев А. С., Мингалиева И. И. Действующие оползни : в 2 ч. Ч. II // Недра Поволжья и Прикаспия. 2012. Вып. 71. С. 46–57.
6. Журба О. В., Дмитриев М. Я. Лекарственные, ядовитые и вредные растения : учеб. пособие / ред. А. С. Максимова. М., 2006. 511 с.
7. Гольдфейн М. Д., Гребенюк Л. В., Степанов М. В. Безопасность жизнедеятельности : учеб. пособие для студ. заоч. формы обучения. Саратов, 2010. 96 с.
8. Балашова С. П., Кононов В. А., Молоствовский Э. А. [и др.]. Формы нахождения тяжелых металлов в почвах г. Саратова и природоохранные решения. Саратов, 2001. 56 с.
9. Гребенюк Л. В. Оценка уровня загрязнения приземного слоя атмосферы выбросами автотранспортных средств в г. Саратове // Экология и безопасность жизнедеятельности промышленно-транспортных комплексов : сб. тр. II междунар. науч.-техн. конгресса ELPIT-2009 : в 4 т. Тольятти, 2009. Т. 1. С. 191–198.
10. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Саратовской области в 2014 году. Саратов, 2015. 244 с.
11. Шешнев А. С. Антропогенные отложения и формы рельефа городских территорий : формирование, развитие, геоэкологическая роль (на примере Саратова) / под ред. А. В. Иванова. Саратов, 2012. 287 с.
12. Кравцов С. З., Наташкин В. В., Попов А. И. [и др.]. Экологический потенциал зеленых насаждений г. Саратова. Карачаевск, 2004. 100 с.
13. Федорова А. И., Никольская А. Н. Практикум по экологии и охране окружающей среды : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. 288 с.
14. Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru> (дата обращения: 13.06.2016).
15. ГОСТ 17.1.5.02-80. Охрана природы. Гидросфера. Гигиенические требования к зонам рекреации водных объектов : сб. ГОСТов. М., 2000. 116 с.

16. Фельдман Ю. Г. Гигиеническая оценка автотранспорта как источника загрязнения атмосферного воздуха. М., 1975. 160 с.
17. Санитарные нормы : полный справочник / под ред. Ю. Ю. Елисеева. М., 2006. 768 с.
18. Сомов А. Ю., Макаров В. З., Пролеткин И. В., Чумаченко А. Н. Проблемы электромагнитного загрязнения окружающей среды // Санитарный врач. 2011. № 2. С. 36–38.
7. Goldfeyn M. D., Grebenyuk L. V., Stepanov M. V. *Bezopasnost zhiznedeyatel'nosti: ucheb. posobie dlya stud. zaoch. formy obucheniya* (Safety: Textbook for students of correspondence courses). Saratov, 2010. 96 p.
8. Balashova S. P., Kononov V. A., Molostovskiy E. A. [i dr.] *Formy nakhozhdeniya tyazhelykh metallov v pochvakh g. Saratova i prirodookhrannyye resheniya* (Speciation of heavy metals in soils of Saratov and environmental solutions). Saratov, 2001. 56 p.
9. Grebenyuk L. V. *Ocenka urovnya zagryazneniya prizemnogo sloya atmosfery vybrosami avtotransportnykh sredstv v g. Saratove* (Assessment of the level of pollution ground atmospheric layer vehicle emissions in the city of Saratov). *Ekologiya i bezopasnost zhiznedeyatel'nosti promyshlenno-transportnykh kompleksov*: sb. tr. II mezhdunar. nauch.-tekhn. kongressa ELPIT-2009: v 4 t. (Ecology and safety of industrial-transport complexes: proceedings of the II international scientific and technical Congress ELPIT-2009: in 4 vol.). Tolyatti, 2009. Vol. 1, pp. 191–198.

Our Innovations in the Teaching of Life Safety

L. V. Grebenyuk, M. V. Stepanov, V. N. Chikarev

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: Grebenuk2@yandex.ru

The paper presents the data on the preparation and course of the extracurricular activities of the course «Life safety exercises» at the faculty of law, Saratov State University. The purpose of these exercises is to develop a system of practical skills in the students, to strengthen and deepen their theoretical knowledge on the discipline «Life safety». The exercises are held in the city of Saratov in the form of routes, during which students get the skills of identification of natural, technological and social hazards. Our information can be useful for the teachers of universities and colleges, conducting classes on «Life safety» and «Ecology».

Key words: life safety, hazardous and harmful factors, environment, technogenic hazards, natural hazards, hazard identification, training.

References

1. *Saratov: kompleksnyy geoekologicheskiy analiz*. Pod red. A. V. Ivanova (Saratov: integrated geo-environmental analysis. Ed. by A. V. Ivanov). Saratov, 2003. 248 p.
2. Ivanov A. V., Yashkov I. A. *Ekologicheskie opasnosti Saratovskogo Povolzhya. Interaktivnyy atlas Saratova i oblasti* (Environmental hazards of the Saratov Volga region. Interactive Atlas of Saratov region). Moscow, 2007. Available at: <http://www.twirpx.com/file/755561/> (accessed 26 Junaury 2016).
3. Eremin V. N., Grebenyuk L. V., Seltcer V. B., Reshetnikov M. V. *Ekologo-geologicheskaya kharakteristika territorii g. Saratova*: ucheb. posobie (Ecological and geological characteristics of the territory of Saratov: Textbook). Saratov, 2015. 221 p.
4. *Saratovskiy nauchno-obrazovatelnyy geoekologicheskiy poligon: ucheb. posobie*. Pod red. A. V. Ivanova, V. Z. Makarova, A. N. Chumachenko (Saratov scientific-educational geoecological polygon. Eds. A. V. Ivanov, V. Z. Makarov, A. N. Chumachenko). Saratov, 2007. 286 p.
5. Sheshnev A. S., Mingalieva I. I. *Deystvuyushchie opolzni: v 2 ch. Ch. II* (Existing landslides: in 2 parts. Part II). *Nedra Povolzhya i Prikaspiya* (The bowels of the Volga and the Caspian regions), 2012, vol. 71, pp. 46–57.
6. Zhurba O. V., Dmitriev M. Ya. *Lekarstvennyye, yadovitye i vrednye rasteniya*: ucheb. posobie (Medicinal, poisonous and harmful plants: Textbook). Moscow, 2006. 511 p.
10. *Doklad o sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Saratovskoy oblasti v 2014 godu* (Report on the state of the environment of the Saratov region in 2014). Saratov, 2015. 244 p.
11. Sheshnev A. S. *Antropogennyye otlozheniya i formy relefa gorodskikh territoriy: formirovanie, razvitie, geoekologicheskaya rol (na primere Saratova)*. Pod red. A. V. Ivanova (Anthropogenic deposits and landforms of urban areas: the formation, development, geo-environmental role {for example, Saratov}). Ed. by A. V. Ivanov. Saratov, 2012. 287 p.
12. Kravtsov S. Z., Natashkin V. V., Popov A. I. [i dr.] *Ekologicheskiy potencial zelenykh nasazhdeniy g. Saratova* (Environmental potential of green space in Saratov). Karachaevsk, 2004. 100 p.
13. Fedorova A. I., Nikolskaya A. N. *Praktikum po ekologii i okhrane okruzhayushchey sredy*: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy (Workshop on ecology and environmental protection: Textbook for university students). Moscow, 2003. 288 p.
14. *Ekologicheskiy centr «Ekosistema»* (Ecological center «Ecosystem») Available at: <http://www.ecosistema.ru> (accessed 13 July 2016).
15. GOST 17.1.5.02-80. *Okhrana prirody. Gidrosfera. Gigenicheskie trebovaniya k zonam rekreacii vodnykh obektov*: sb. GOSTov. (State standard 17.1.5.02-80. Nature protection. Hydrosphere. Hygienic requirements for recreation areas at water objects: collection of State standard). Moscow, 2000. 116 p.
16. Feldman Yu. G. *Gigenicheskaya otsenka avtotransporta kak istochnika zagryazneniya atmosfernogo vozdukha* (Hygienic assessment of motor transport as a source of atmospheric air pollution). Moscow, 1975. 160 p.
17. *Sanitarnyye normy: polnyy spravochnik*. Pod red. Yu. Yu. Eliseeva (Sanitary norms: Full guide. Ed. by Yu. Yu. Eliseev). Moscow, 2006. 768 p.
18. Somov A. Yu., Makarov V. Z., Proletkin I. V., Chumachenko A. N. *Problemy elektromagnitnogo zagryazneniya okruzhayushchey sredy* (The problem of electromagnetic pollution). *Sanitarnyy vrach* (Health officer), 2011, no. 2, pp. 36–38.

УДК 378

ПРОФИЛАКТИКА ЗДОРОВЬЕРАЗРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Талагаева Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности, Балашовский институт (филиал) Саратовского национально-исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: talag-yulia@yandex.ru

В статье рассматривается возможность использования элементов библиотерапии при работе со студентами с целью профилактики здоровьеразрушающего поведения и формирования ценностного отношения к здоровью. Излагаются основные черты педагогического подхода в библиотерапии. Описываются содержание и структура проведенного исследования, направленного на выявление возможностей использования произведений художественной литературы для профилактики здоровьеразрушающего поведения, в частности употребления наркотиков. Исследование проводилось в три этапа и включало в себя написание резюме, заполнение анкеты, чтение и обсуждение литературных произведений, раскрывающих тему наркозависимости, а также возможную корректировку ответов анкеты после работы с произведениями. Анализ результатов исследования показал, что использование художественных произведений как средства профилактики здоровьеразрушающего поведения у студентов эффективно.

Ключевые слова: библиотерапия, профилактика, здоровьеразрушающее поведение, Томас Де Квинси, наркозависимость, студенты.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-354-358

Влияние литературы на эмоциональное состояние человека трудно переоценить. Врачи и психологи не перестают подчеркивать важность эмоционального настроя и мотивации для успеха лечения и реабилитации. Лечение только физических болезней, когда не врачует душа, не способствует полному выздоровлению человека.

Библиотерапия является активно применяемой методикой психотерапевтического воздействия. По определению, принятому Ассоциацией больничных библиотек США, библиотерапия – это «использование специально подобранного для чтения материала как терапевтического средства в общей медицине и психиатрии с целью решения личных проблем пациента при помощи направленного чтения» [1, с. 23].

В настоящее время существует несколько подходов в применении библиотерапии, однако основным остается лечебный. Практике использования литературы как средства врачевания уже не одно столетие. Лечебное чтение отличается от обычного своей направленностью на коррекцию

тех или иных психических процессов, состояний и свойств личности. Оно может применяться как для нормализации болезненно измененных состояний и процессов, так и для активизации нормальных с целью уравнивания ими болезненных. Коррекционное воздействие чтения проявляется в том, что получаемые в этом процессе восприятия и связанные с ними чувства, желания, мысли восполняют недостаток собственных образов и представлений, заменяют болезненные мысли и чувства или направляя их по новому руслу, к новым целям [2, с. 93].

В зависимости от ситуации литература может служить средством не только лечения, но и профилактики определенных состояний и типов поведения. И. Борецка отмечает, что педагогическая библиотерапия представляет собой терапевтическое воздействие, которое благодаря использованию читательских материалов является видом психической помощи и поддержки для решения путем целенаправленного чтения личных проблем пациента, что оказывает поддержку на пути к достижению чувства безопасности и может позволить удовлетворить его нужды [3, с. 19].

Цель педагогического направления библиотерапии – содействие естественному развитию и самореализации личности, создание положительных условий для развития изменений в эмоциональной сфере, нивелирование нежелательных психических состояний, стабилизация. И. И. Тихомирова подчеркивает значимость подлинно художественных произведений литературы в духовно-нравственном развитии растущего человека, указывая, что чтение таких книг укрепляет образное воображение, пробуждает сопереживания и интерес к людям [4, с. 221].

Педагогический подход представляет интерес при работе с молодой аудиторией (детьми, школьниками, студентами младших курсов). Он направлен на коррекцию проблем социализации, агрессии, страхов, самореализации, планирования своей жизни, а также может использоваться для профилактики здоровьераз-

рушающего поведения среди молодежи. В его рамках осуществляется смещение акцента на воспитательный процесс.

По мнению И. А. Столяровой, библиотерапия, способствуя формированию соответствующих социальных норм, знаний и умений, приобретению позитивного опыта, актуализации интеллектуального потенциала, нравственных основ личности, укоренению эстетических, культурных и моральных ценностей, развитию ребенка и коррекции отклоняющегося поведения, своевременно создает условия для нормального формирования его личности [5, с. 112]. Педагогически грамотно осуществляемая библиотерапия оказывается чрезвычайно полезной. Общение с книгой помогает нормальному развитию ребенка, отвлекает его от негативных явлений и переживаний, содействует активизации развития и успешной интеграции в коллектив, формированию положительных эмоций, позволяет разобраться в собственных переживаниях, научиться их контролировать [5, с. 112].

Положительный эффект от чтения художественной литературы достигается благодаря механизму идентификации: читая книгу, человек непроизвольно сравнивает себя с ее персонажами. Если персонаж по своим качествам (характеру, полу, возрасту, поведению и т.д.) оказывается близким читателю, тот способен перенести на себя, «примерить» личность персонажа и мысленно стать им. Идентификация вызывает у читателя сопереживание герою, способствует усилению эмоционального воздействия произведения. Лечебный эффект строится на узнавании пациентом своей проблемы в художественном произведении и следовании заданным в нем образцам выхода из подобных ситуаций, их психологического преодоления. Чем более похожи герой и ситуация, описанные в книге, на обстоятельства и характер читающего, тем сильнее будет терапевтический эффект [6, с. 193].

В рамках данной работы мы рассмотрим возможности библиотерапии для профилактики здоровьеразрушающего типа поведения у студентов. Исследование проводилось со студентами первого курса Балашовского института Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского, обучающимися по профилям подготовки «Безопасность жизнедеятельности» и «Безопасность жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья». В исследовании принимали участие 22 человека. Целью исследования явилось выявление возможностей использования произведений художественной литературы для профилактики здоровьеразрушающего по-

ведения, в частности употребления наркотиков. Работа велась в три этапа в рамках дисциплины «Терапевтическое воздействие книги».

На первом этапе студентам предлагалось в резюме выразить свое отношение к чтению художественной литературы и ее возможностям эмоционального воздействия на личность. Ответы распределились следующим образом: 10 студентов (45,5%) отметили полезность чтения художественной литературы и ее положительное воздействие на эмоциональное состояние человека, однако их ответы почти полностью повторяли материал изученных ранее лекций, поэтому можно сделать вывод, что у них пока не сформировано собственное мнение. 8 студентов (36,3%) посчитали чтение важным элементом духовной жизни человека и подкрепили свои ответы примерами из личного опыта и прочитанных ими произведений. 3 студента (13,6%) отметили, что чтение художественной литературы, очевидно, полезно, поскольку используется в психотерапии, но указали, что в личном опыте пока не сталкивались с необходимостью обращаться к чтению для решения эмоциональных проблем, и 1 студент (4,5%) ответил, что о положительном эффекте чтения узнал только из лекций, но так как он не увлекается чтением, вряд ли литературные произведения окажутся для него полезными.

Таким образом, по результатам резюме можно сделать вывод, что только у трети студентов сформирована собственная позиция, касающаяся отношения к художественной литературе и ее значимости для духовной и эмоциональной жизни личности.

На втором этапе студентам предлагалось ответить на вопросы анкеты, направленной на определение степени их информированности о развитии наркозависимости и отношения к употреблению наркотиков. Анализ ответов выявил следующие результаты: подавляющее большинство респондентов (86,4%) информацию о наркотиках получает из СМИ, а остальные 13,6% – из рассказов друзей или знакомых. У 22,7% студентов есть друзья или знакомые, пробовавшие или употребляющие наркотические вещества, при этом никто из респондентов не употреблял/не употребляет наркотики.

К основным причинам, толкающим людей к употреблению наркотиков, 22,7% студентов относят одиночество, 31,8% – любопытство, а 45,5% – влияние окружающих.

72,7% опрошенных считают наркоманию вредной привычкой, а 27,3% – болезнью, при этом 18,2% уверены, что наркомания неизлечима, 13,6% считают, что от наркозависимости можно

вылечиться только в очень редких случаях, 45,5% полагают, что шанс на исцеление есть всегда, а 22,7% уверены, что все зависит от человека и его силы воли.

По мнению 36,4% респондентов, однократное употребление наркотиков не вызывает привыкания, 4,5% уверены, что стать зависимым можно после первого же приема, а 59,1% не знают ответа либо затруднились ответить.

К наркозависимым респонденты относятся по-разному: у 40,9% они вызывают сострадание, у 27,3% – раздражение, а 31,8% – неприязнь. Причины, по которым большинство наркоманов не излечиваются от зависимости, по мнению студентов, кроются в нежелании (50%), физической невозможности (31,8%) и отсутствии силы воли (18,2%).

К наиболее действенным формам профилактики наркозависимости студенты отнесли беседы в вузах (9,1%), сообщение информации в СМИ (22,7%), мероприятия, рассказывающие о вреде наркотиков (31,8%), занятия спортом (27,3%), а также пример знакомых и воспитание (9,1%). При этом отношение к информации о наркотиках, получаемой из разъяснительных бесед, телепередач, публикаций в газетах, у респондентов различно. Так, негативное отношение к наркотикам после получения такой информации формируется только у 27,3%, 50% признались, что данная информация не влияет на их отношение к наркотикам, а 22,7% затруднились ответить.

После анкетирования студентам предлагалось познакомиться с двумя произведениями, прочитать и обсудить их на занятии: для работы были выбраны «Исповедь англичанина, любителя опиума» Томаса Де Квинси и «Морфий» М. Булгакова. Рассмотрим вкратце указанные произведения и объясним причины такого выбора.

Оба произведения носят автобиографический характер. «Исповедь» Де Квинси описывает молодые годы автора и позволяет проследить процесс развития у него наркозависимости. Де Квинси одним из первых описал действие опиума на организм человека, затронув острую психологическую проблему – формирование наркозависимости. Как он сам признается во вступительной части, целью было показать не только эйфорические ощущения, но также ужас наркозависимости и безуспешность попыток избавиться от нее. «Исповедь» состоит из вступления «К читателю» и трех частей: «Предварительная исповедь», «Радости опиума» и «Горести опиума». План произведения был тщательно продуман автором. Несмотря на кажущуюся отрывочность, разнородность глав, они связаны: в

первой главе дается описание реальных событий, а далее описывается мир опиумных фантазий.

Структура «Исповеди» такова, что сначала читатель знакомится с причинами, побудившими автора к принятию наркотика, в главе «Радости опиума» писатель воспекает наркотик, затем восторг сменяется страхом, и в главе «Горести опиума» он рассказывает об ужасных навязчивых опиумных видениях, об отчаянии, овладевшем им от сознания собственной неспособности противостоять зелью. Автор классифицирует опыт употребления опиума, разделяя его на положительный и отрицательный. Де Квинси боготворит опиум, но и испытывает ужас при мысли о тех мучениях, которые придется вытерпеть, когда наступит «ломка» [7, с. 170–171].

В рассказе «Морфий» М. Булгакова основным элементом является история доктора Полякова, который, не сумев справиться с зависимостью от морфия, покончил жизнь самоубийством. История изложена в форме дневника и отражает все этапы развития наркозависимости, показывая также, какие изменения претерпевает личность человека. Произведение основано на личном опыте писателя. М. Булгаков был морфинистом, но смог избавиться от зависимости [8, с. 49].

После прочтения произведений проводилось их обсуждение. Студенты высказывали свое мнение об актуальности произведений, сравнивали их между собой, объясняли причины их написания, находили общие моменты. Далее проводилось тренинговое упражнение, в ходе которого каждому студенту необходимо было представить себя на месте одного из персонажей (не обязательно главного героя) и рассказать, каким образом он повел бы себя в данной ситуации.

На третьем этапе студентам были возвращены анкеты, которые они заполняли до прочтения произведений: теперь они могли изменить свои ответы либо не менять их. Но часть студентов изменила свои ответы (таблица)

Изменились ответы, отражающие личностное отношение респондентов к проблемам наркозависимости: после прочтения и обсуждения «Исповеди англичанина, любителя опиума» Т. Де Квинси и «Морфия» М. Булгакова больше студентов стали воспринимать наркозависимость не как вредную привычку, а как болезнь. Часть студентов поменяла свое отношение к наркоманам с негативного на сочувствующее. Кроме того, почти четверть студентов отнесла чтение книг о наркозависимых к действенным формам профилактики наркомании.

Таким образом, можно сделать вывод, что чтение художественных произведений с после-

Сравнение ответов на вопросы анкеты на втором и третьем этапах исследования

Варианты ответов	Второй этап	Третий этап
Наркомания – это:		
а) преступление	0%	0%
б) вредная привычка	72,7%	31,8%
в) болезнь	27,3%	68,2%
Специалисты утверждают, что наркомания неизлечима. Ваша точка зрения?		
а) да, это диагноз на всю жизнь	18,2%	18,2%
б) да, практически неизлечима	13,6%	31,8%
в) нет, шанс есть всегда	45,5%	36,4%
г) нет, излечение зависит от человека	22,7%	13,6%
Считаете ли Вы, что привыкание может возникнуть после однократного применения наркотиков?		
а) да	4,5%	31,8%
б) нет	36,4%	36,4%
в) не знаю	27,3%	18,2%
г) затрудняюсь ответить	31,8%	13,6%
Какое чувство вызывают у Вас наркоманы?		
а) сострадание	40,9%	72,7%
б) нетерпимость, раздражение	27,3%	18,2%
в) неприязнь	31,8%	9,1%
Большинство наркоманов не излечивается от наркозависимости потому, что...		
а) не могут	31,8%	40,9%
б) не хотят	50%	45,5%
в) у них слабая сила воли	18,2%	13,6%
Какие формы профилактики наркомании Вы считаете наиболее действенными?		
а) беседы в вузах	9,1%	9,1%
б) информация в СМИ	22,7%	18,2%
в) различные мероприятия, рассказывающие о вреде наркотиков	31,8%	22,7%
г) занятия спортом	27,3%	27,3%
д) другое (укажите): пример знакомых и воспитание чтение книг о наркоманах	9,1%	22,7%

дующим обсуждением может служить эффективным способом профилактики здоровьеразрушающего поведения студентов и применяться как форма работы на семинарских и практических занятиях.

Список литературы

1. Rubin R. J. Using bibliotherapy : A guide to theory and practice. Phoenix, 1987. 150 p.
2. Ринчинова Ю. С. Чтение – альтернативное лечение // Вестн. Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7) . С. 93–96.
3. Борецка И. Библиотерапия : лекции / пер. с польского И. Ф. Притульчик. Гродно, 2007. 99 с.
4. Тихомирова И. И. Условия и предпосылки терапевтического эффекта чтения // Библиопсихология и библиотерапия : сб. ст. / под ред. Н. С. Лейтеса, Н. Л. Карповой, О. Л. Кабачек. М., 2005. С. 219–227.
5. Столярова И. А. Библиотерапия : основные подходы к определению сущности и задач // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў : на-

- вукова-метадычны часопіс. 2013. № 2. С. 107–115.
6. Кабачек О. Л. Библиотерапия : история, теории и методики // Библиопсихология и библиотерапия : сб. ст. / под ред. Н. С. Лейтеса, Н. Л. Карповой, О. Л. Кабачек. М., 2005. С. 189–219.
 7. Талагаева Ю. А. Влияние «Исповеди англичанина, любителя опиума» Т. Де Квинси на развитие темы формирования наркозависимости в литературе XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. I. С. 169–172.
 8. Талагаева Ю. А. Проза Томаса Де Квинси. Жанрово-стилистические аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Балашов, 2006. 178 с.

Prevention of Health Destroying Behaviors among Students with the Help of Fiction

Y. A. Talagaeva

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karl Marks str., Balashov, 412300, Saratov region, Russia
E-mail: talag-yulia@yandex.ru

The paper addresses the possibility of using elements of bibliotherapy in the work with students in order to prevent health destroying behaviors and develop the attitude to health as a value. The main features of pedagogical approach to bibliotherapy are considered. The paper contains the description of contents and structure of the investigation aimed at revealing the possibilities of using literary works for the prevention of health destroying behaviors, in particular, drug abuse. The investigation consisted of three stages and included writing a summary, filling in a questionnaire, reading and discussing books, that are devoted to the problem of drug addiction. After the discussion the respondents had a chance to change their answers in the questionnaire if they wanted to. The analysis of the results showed the efficiency of using literary works as a means of prevention of health destroying behaviors among students.

Key words: bibliotherapy, prevention, health destroying behaviors, Thomas De Quincey, drug addiction, students.

References

1. Rubin R. J. *Using bibliotherapy: A guide to theory and practice*. Phoenix, 1987. 150 p.
2. Rinchinova Yu. S. Chtenie – alternativnoe lechenie (Reading – alternative treatment). *Vestn. Vostochno-Sibirskoy gos. akad. kul'tury i iskusstv* (Bulletin of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts), 2014, no. 2 (7), pp. 93–96.
3. Boretska I. *Biblioterapiya forma terapii pedagogichney: skrypt dlya studentov pedagogiki*. Wałbrzych, 2001. 96 p. (Russ. ed.: Boretska I. *Biblioterapiya: Lektsii*. Per. s polsk. I. F. Pritulchik. Grodno, 2007. 99 p.).
4. Tikhomirova I. I. Usloviya i predposylki terapevticheskogo effekta chteniya (Conditions and premises of therapeutic effect of reading). *Bibliopsikhologiya i biblioterapiya* (Bibliopsychology and Bibliotherapy). Eds. N. S. Leytes, N. L. Karpova, O. L. Kabachek. Moscow, 2005, pp. 219–227.
5. Stolyarova I. A. Biblioterapiya: osnovnye podkhody k opredeleniyu sushchnosti i zadach (Bibliotherapy: basic approaches to definition of its essence and problems). *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta kul'tury i mastatstvav: navukova-metadychny chasopis* (Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts: scientific-methodological journal), 2013, no. 2, pp. 107–115.
6. Kabachek O. L. Biblioterapiya: istoriya, teorii i metodiki (Bibliotherapy; the history, theories and methods) *Bibliopsikhologiya i biblioterapiya*: sb. st. Pod red. N. S. Leytesa (Bibliopsychology and Bibliotherapy: collection papers. Ed. by N. S. Leytes). Moscow, 2005, pp. 189–219.
7. Talagaeva Yu. A. Vliyaniye «Ispovedi anglichanina, lyubitelya opiuma» T. De Kvinsi na razvitie temy formirovaniya narkozavisimosti v literature XIX veka (The Influence of «Confessions of an English Opium-Eater» by T. De Quincey on Developing the Theme of Drug Addiction Formation in the Literature of the XIX Century). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Issues of Theory and Practice), 2015, no. 8 (50): in 3 parts. Part I, pp. 169–172.
8. Talagaeva Yu. A. *Proza Tomasa De Kvinsi. Zhanrovo-stilisticheskie aspekty*: dis. ... kand. filol. nauk (Thomas De Quincey prose: genre and style aspects: Dissertation of the PhD of philology). Balashov, 2006. 178 p.

Подписка на II полугодие 2016 года

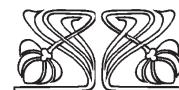
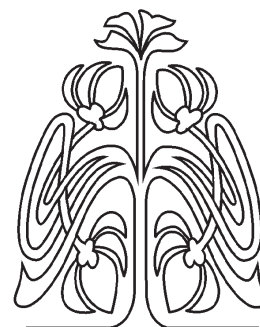
Индекс издания по объединенному каталогу
«Пресса России» 36014.

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru

ПОДПИСКА

